

Елена  
МИХАЙЛОВА  
Настоящий  
Детектив



НОВИНКА

*Котов обижать  
не рекомендуется*

## Annotation

Говорят, что кошка в доме – к счастью. Но полосатый котенок, подобранный девушкой-фотографом в мокрой песочнице, об этом наверняка не слышал. Годзилла и Конан-варвар в одном усатом лице втягивает свою хозяйку в водоворот из чудовищных стечений обстоятельств, трагических событий и загадочного убийства.

Почему преступник охотится за фотографом? Успеет ли Светлана опередить его? Что скрывают артисты популярного театра? И – кто же все-таки убийца?

Читайте об этом в новом детективном романе Елены Михалковой «Котов обижать не рекомендуется».

---

- [Елена Михалкова](#)
    - [Глава первая,](#)
    - [Глава вторая,](#)
    - [Глава третья,](#)
    - [Глава четвертая,](#)
    - [Глава пятая,](#)
    - [Глава шестая,](#)
    - [Глава седьмая,](#)
    - [Глава восьмая,](#)
    - [Глава девятая,](#)
    - [Глава десятая,](#)
    - [Глава одиннадцатая,](#)
    - [Глава двенадцатая,](#)
    - [Глава тринадцатая,](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

**Елена Михалкова**

**Котов обижать не рекомендуется**

*Спасение одного кота не изменит мир.  
Но мир, несомненно, изменится для этого одного  
кота.*

*Неизвестный автор*

*С чего это вы взяли, что оно не изменит мир?*

*Неизвестный кот*

## Глава первая, в которой Кот находится

Котенок не мяукал. Затаился под перевернутой доской, в прошлой жизни служившей бортиком песочницы, и безмолвно таращился на Свету.

Она бы и не заметила его, если б не решила сфотографировать лужу. Лужа как лужа... Вот только в ней отражается облако, похожее на бегемота.

По-хорошему, ей следовало бы уже мчаться к машине, а не замирать над лужами на старых детских площадках. В небе над городом с утра клубилось какое-то адское варево. Тучи вскипали, бурлили и переливались через край небесной кастрюли теплыми ливнями. Вот снова хохотнул гром, готовясь сбавать безумный джаз на жестяных крышах.

«Всего на секундочку!»

Света присела на корточки, передвинулась, ища ракурс.

И вдруг увидела котенка.

Он сидел, нахохлившись, под облупившейся доской, и был похож на свиного птенца. Слипшаяся от воды шерсть перьями торчала во все стороны.

От неожиданности она чуть не упала в соседнюю лужу.

– Ой! Кис-кис-кис!

Котенок не шелохнулся.

Света поспешно убрала камеру.

– Кис-кис... Ты чей? Иди сюда!

Она осторожно протянула руку. Пальцы коснулись мокрой шерсти.

Света замерла, опасаясь, что бедолага начнет кусаться от страха. Но ничего не случилось. Она осторожно обхватила теплое тельце и вытащила наружу.

– Какой же ты маленький!

И промокший. Он по-прежнему не сопротивлялся, только приоткрыл пасть, словно собираясь мяукнуть. Вблизи он больше походил на воробья, чем на совенка. И расцветка у него оказалась воробьиная: серо-коричневая.

Она огляделась. Может, неподалеку обнаружится хозяин котенка? Или из подвала покажется кошка-мать, вспомнив о родительском долге?

Но все подвальные окна были наглухо заложены, а из потенциальных хозяев присутствовал только мальчишка лет десяти, выписывавший круги по лужам на велосипеде.

– Мальчик! – окликнула Света и поднялась. – Это не твой котенок?  
– У меня собака! – с достоинством отозвался владелец велосипеда. – Лабрадор!

И укатил, тренькая звонком.

Вверху оглушительно громыхнуло. Света вздрогнула, прижала к себе найденыша и быстро пошла к машине. Не оставлять же его здесь...

И тут без дополнительных предупреждений сверху обрушился водопад. Тяжелые струи впились в асфальт. Водосточная труба запела высоким чистым голосом. Сирень в палисаднике звонко захлопала всеми листьями: ливень! да здравствует ливень!

За одну секунду Света вымокла насквозь. Куртка захлопала, словно собираясь вот-вот разрыдаться от обиды, а джинсы отяжелели и мешали бежать. Пока девушка в поисках ключей шарила свободной рукой по карманам, на нее вылилось, по ее ощущениям, еще примерно пятьсот литров свежей дождевой воды.

Наконец ключи нашлись. Машинка чирикнула, признавая хозяйку, и Светлана нырнула внутрь.

– Фууух!

Котенка она выгрузила на соседнее сиденье и первым делом проверила камеру. Слава богу, кофр не протек.

Когда-то Света не пожалела денег на скучную черную сумку и с тех пор ни разу не раскаялась. Сумка оказалась удобной и надежной, а неброский вид тоже служил хорошую службу: поди догадайся, что в таком затрапезном чехле прячется профессиональная техника.

– Что, вымокли мы с тобой? Иди-ка сюда, блохастый! Проведем первичный осмотр пациента.

Пациент пискнул, когда его взяли на руки. Но отбиваться не стал и позволил осмотреть себя со всех сторон.

Что ж, самый обычный полосатый котенок. Два пучка усов и хвост ершиком. Только взгляд на удивление осмысленный. Казалось, котенок тоже смотрит на Свету изучающе и прикидывает, годится ли ему такая хозяйка.

– На лишайного ты не похож, – констатировала Света и вернула зверька на место.

Тот фыркнул. И немедленно принялся вылизываться в тех местах, где шерстку осквернило прикосновение ее пальцев.

– Ну и что мне с тобой делать? Взять тебя я не могу. Меня целыми днями нет дома. Понимаешь?

Котенок завалился на бок, непринужденным движением

профессиональной балерины вскинул вертикально заднюю лапу и лизнул то место, которое у человека называлось бы «под коленкой».

Света наклонилась к нему.

– Ты меня слышишь, чучело?

Полосатый оторвался от своего занятия и скептически посмотрел на девушку. Это был очень выразительный взгляд. «И чего мы ждем? – говорил он. – Почему не едем? Я весь промок».

Света вздохнула и повернула ключ зажигания.

В квартире найденыш повел себя как взыскательный клиент, только что вселившийся в сомнительный отель. То есть пошел обследовать комнаты с таким видом, будто не ожидает увидеть ничего хорошего.

А Света рысью помчалась на балкон и раскопала в шкафу старую кювету. Кювета сохранилась еще с тех времен, когда они с папой сами проявляли и печатали фотографии.

– Газеты-газеты-газеты, – бормотала Света, бегая по комнатам и пытаясь отыскать хоть одно печатное издание. Но – увы – газет в ее доме не водилось.

Она заглянула в кухню. Котенок вынюхивал что-то в углу за холодильником.

– Нет-нет-нет! Туалет не там!

Подхватила котенка под живот и сунула в кювету.

– Все свои дела будешь делать здесь. Ясно?

Света была очень убедительна. Человек, который месяц назад закончил ремонт кухни, не может не быть убедительным.

– Ты должен меня слушаться. Я здесь хозяйка!

С грацией лошади, берущей первый приз на скачках, котенок перемахнул через бортик. Вскинул хвост и не спеша направился в облюбованный угол.

– Не смей! – взвыла Света и попыталась сцапать кота.

Рука ее схватила воздух. Полосатый просочился в щель и растворился в темноте.

– А ну выходи! – грозно сказала Света, прильнув щекой к холодному белому боку холодильника.

В глубине у стены что-то прошуршало.

– Выходи, тебе говорят! Сейчас холодильник отодвину!

Если бы Света точно не знала, что коты не умеют смеяться, ей бы показалось, что из щели раздался смешок.

Она поднялась, отпихнула кювету и отправилась на поиски телефона.

Пора подключать опцию «звонок другу».

Дроздов взял трубку сразу.

– Леша, у меня котенок, – трагически сказала Света.

– Поздравляю! – отозвался веселый голос.

– Он наглый! Он везде ходит!

– Поставь ему лоток.

– Да не в этом смысле. Он все исследует!

– А ты чего ожидала? – удивился Лешка. – Это животное, оно изучает границы своей территории.

– Я ожидала благодарности за спасение его жалкой жизни, – огрызнулась Света. – И это не его территория, а моя!

– Забудь слово «мое», если решила завести кота, – посоветовал Дрозд.

– Я не решала!

– Тогда откуда он у тебя?

Света рассказала.

– И теперь он сидит за холодильником и не желает выходить!

– Спокойно, без пены! Выйдет. Дай ему время. Еду приготовила?

– Да... – растерянно отозвалась Света. Лешкина манера перескакивать в разговоре с одной темы на другую всегда выбивала ее из колеи.

– Какую?

– М-м-м... Суп из грибов и овощной салат. А что?

Лешка тяжело вздохнул в трубку.

– Ко-ту! – отдельно сказал он. – Коту ты какую еду приготовила? Даже при твоём неумении обращаться с животными вряд ли ты станешь кормить своего подбранца овощным салатом.

– Я умею! – возмутилась Света. – Однажды мне оставляли мопса! На целую неделю.

– Мопс не в счет, – отрезал Дрозд. – У кого не было кота, тот ничего не знает о животных. Так что ты для него приготовила?

– Кажется, в холодильнике было молоко...

В трубке повисло тяжелое молчание.

– Лешенька, – взмолилась Света, – я в самом деле не знаю, чем его кормить! Давай ты приедешь и все мне расскажешь.

В трубке еще помолчали.

– Пользуешься моей слабыхарактерностью, – наконец констатировал Дрозд.

– Добротой твоей безмерной, а не слабыхарактерностью! – обрадованно сказала Света, поняв, что помощь придет.

– И тем, что падок я на лесть, – с грустью добавил он. – Черт с тобой, сейчас приеду. И не вздумай поить его молоком!

...Полчаса спустя в дверь позвонили. Как обычно, Дроздов едва не снес плечом вешалку, посоветовал Свете поставить ее в другое место и получил в ответ, что другого места в квартире нет, а он медведь неуклюжий.

Это был ритуал. Их обычное приветствие, означавшее: «У меня все в порядке» – «И у меня все в порядке». Если бы Лешка не задел вешалку, Света решила бы, что случилось что-то серьезное.

Из всех друзей Лешкой звала его она одна. Для прочих он был Дрозд. Во-первых, потому что Дроздов. Во-вторых, потому что поет.

Дрозд пел везде. Еще в школе на каждом уроке насвистывал под нос, отбивая пальцами ритм на парте.

– Дроздов! – взывала химичка, стоя лицом к доске. – Опять художественный свист!

Лешка смущенно умолкал. Но через пять минут задумывался, и тишину снова нарушали негромкие трели.

Внешне Дроздов ни капли не походил на певчую птицу. Был он высоченный, долговязый, с лохматой шевелюрой, летом выгоравшей до пшеничных прядей, и синими глазами. За пару солнечных недель Лешка успевал загореть так, что глаза тоже казались выгоревшими до светло-голубого, речного цвета.

И к тому же громкий, шумный и ужасно неуклюжий. Он хохотал так, что птицы в панике взлетали с деревьев, а прохожие вздрагивали и ускоряли шаг. Под ним рушились школьные стулья, а в его руках куртки сами расходились по швам. Он единственный из всей параллели ухитрился сломать физкультурного «козла», прыгая через него. И пока физкультурник ПалАлексеич обливался слезами над безвременно погибшим снарядом, Дрозд стоял рядом с сокрушенным видом и насвистывал что-то горестное.

При том его любили и одноклассники, и учителя. Первые прощали ему дружбу с девчонкой, вторые – прогулы и мелкие школьные проказы.

Преподавательница русского и литературы, прозванная Буратиной за выдающуюся носатость, даже взяла на себя благородную миссию очистить речь Дроздова от «нелитературных выражений». «Алексей, ты можешь разговаривать на правильном русском языке! – убеждала она Дрозда. – Бери пример с Морозовой!»

«А у меня что, неправильный?» – удивлялся Лешка.

Буратина всплескивала руками.

«Когда я тебя попросила принести журнал из учительской, что ты мне ответил? «Метнусь кабанчиком!»»

«Ну так я и метнулся», – ухмылялся Дрозд.

«Алексей, я прошу, не надо этой специфической лексики! Она тебе не идет. И весь класс потом за тобой повторяет».

Словечки и выражения Дрозда действительно цеплялись за язык с такой же легкостью, как созревшие репейные колючки – за штаны. Леру Ивашину из соседнего «Б», худую, длинную ханжу с вечно поджатыми губами, Лешка как-то обозвал «три метра сухостоя». Прозвище привязалось на все оставшиеся школьные годы, а потом плавно переехало за Ивашиной в институт.

Но все старания учительницы были напрасны. Дрозд оказался неисправим – к большому удовольствию всего класса.

Единственным человеком, ненавидевшим Дроздова от всей души, была Вика Ковальчук.

С пятого класса Вика с гордостью носила кличку «отпетая». И считала своим долгом время от времени подтверждать ее. Просто чтобы не забывали, кто в классе главный.

Главная – она, Вика. Хочет – казнит, хочет – милует. Ковальчук завела себе собственную гвардию, состоявшую из трех сильных девочек, и с их помощью милосердно правила классом.

Или почти милосердно. По вечерам Вику лупила вечно полупьяная мать, а днем Ковальчук отрывалась на одноклассниках.

Ей нужно было не так уж много: чтобы признавали ее власть и словом, и делом. То есть соглашались с тем, что Вика имеет право залезть в чужой портфель, вытряхнуть оттуда учебники и позаимствовать без спроса ручку. Что она может занять любую парту, стоит ей только пожелать. Или выкинуть кого-нибудь из очереди в столовой, заодно отобрав булочку с сахарной посыпкой.

На эти не слишком большие жертвы шли почти все. Никому не хотелось заполучить во враги страшную Ковальчук: низкую, широкоплечую, с глазами навывкате. Тем более, что ее гвардия всегда держалась при ней и подчинялась одному щелчку Викиных пальцев.

Среди тех, кто проявлял непонятное упрямство, была Светка Морозова. Как-то раз, когда Вика собралась провести ревизию ее портфеля, Морозова вдруг словно взбесилась: вырвала сумку из рук Ковальчук и выбежала из класса. Мало того, что прогуляла русский, так еще и было бы из-за чего беситься! Ничего такого особенного Светка в портфеле не держала.

После этого Вика официально назначила Морозову на роль школьной дурочки. Светка давно раздражала ее. Высокая, молчаливая дылда, и вечно держится сама по себе. Русичку вместе со всеми не травит. За школой не покуривает тайком от директора. И вообще чокнутая. Разве нормальный человек будет подбирать каштаны на улице и рассовывать их по карманам? Однажды физкультурник отправил девчонок на турник, так Морозова перевернулась вниз головой, а из нее каштаны посыпались. Ну не дура?

Одна привычка Светки особенно выводила Вику из себя. Морозова могла всю перемену таращиться в окно, как слабоумная. Или на школьном дворе уставится на что-то – и смотрит, смотрит, смотрит... Ковальчук несколько раз походила, приглядывалась. Ничего там не было! Ну, обшарпанный бок уличной скамьи. Или ветка в инее. Или и вовсе кирпич! Валяется в замерзшей луже, а Светка присела рядом на корточки и лыбится. Ну не дура?

Вся, вся Морозова, от коротко стриженных волос («фу, тифозная») до грубых туфель («фу, лошадь») вызывала у Вики необъяснимую антипатию.

А после выступления русички антипатия перешла в ненависть.

Трепетной Буратине сорвали урок. Взбешенная поведением класса, та заявила, что перед ней сборище питекантропов. «Одна Морозова – утонченная натура! – пылко воскликнула учительница. – Луч света среди вас!»

«Что же вы делаете-то, Людмила Прокофьевна, – с тоской подумал «луч света». – Зачем вы меня так подставляете?»

И умоляюще посмотрел на учительницу, взглядом упрасывая ту замолчать.

Но носатая Людмила Прокофьевна обладала чуткостью кастрюли и смысла взгляда не уловила.

– Утонченная! – настойчиво повторила она. – Начитанная! Образованная! Вы все ей в подметки не годитесь!

И торжествующе оглядела класс, довольная тем, что донесла до глупых семиклассников истину.

Тут-то Вике и стало ясно, что с обнаглевшей Морозовой пора что-то делать. Утонченная она... Кобыла дурковатая!

После уроков Ковальчук подстерегла Свету в раздевалке. Встала в дверях, выдвинув на аванпост преданную гвардию: Ленку Бахтину и Наташу Каплун, угрюмых крепких девиц, здоровенных, как тролли. И скомандовала, упиваясь моментом:

– Давайте!

Бахтина и Каплун зажали Светку в углу. Вика подошла, не торопясь,

обшарила карманы ее паршивенькой курточки и вытащила все сокровища: штук восемь каштанов. Морозова отчаянно вырывалась, но не издала не звука. Что Вике и требовалось. Она знала, что такие, как Светка, на помощь звать не будут: слишком гордые.

– А говорят, во Франции каштаны едят, – задумчиво сообщила она, подкидывая гладкое коричневое ядрышко. – Может, и ты их жрешь? А, Морозова? Давай попробуем?

И подошла к Светке, приноравливаясь, как бы ловчее напихать дуре в рот парочку каштанов.

Сзади что-то просвистело и больно ударило Вику в спину. Ковальчук отскочила и обернулась.

В дверях возвышался лохматый Дроздов. Портфель, который он швырнул в нее, валялся в углу.

– А ну отпустили ее, живо, – тихо приказал он.

– Ты, Дрозд, офигел?!

Дроздов не стал больше тратить времени на уговоры. На его стороне была сила. На стороне Вики Ковальчук только глубокая убежденность в том, что такие парни, как Дрозд, не трогают девчонок.

В столкновении этих двух преимуществ сила победила. Дроздов попросту растолкал Вику, Наташу и Лену. Все трое обнаружили себя валяющимися на полу под чужими куртками. Это было не больно, но очень обидно. А Дрозд молча подобрал рассыпавшиеся каштаны, закинул портфель за спину, взял Морозову за руку и вывел из раздевалки.

Вике ни разу не доводилось получать в школе такой отпор. Она поднялась и накинулась на Бахтину с Каплун:

– Что разлеглись, дуры?! Вставайте!

И обматерила неповинных Ленку с Наташкой.

Но Светку с тех пор обходила стороной. Стало ясно, что тифозную Морозову Дрозд взял под свое покровительство.

Вика никак не могла понять, отчего Дроздов выделил эту долговязую уродку из всех девчонок их класса. На следующий день после происшествия в раздевалке они сели вместе. Вика с отвращением наблюдала, как Морозова смеется его шуткам, а Дрозд паясничает, довольный, что развеселил ее.

Ковальчук настроила своих приспешников, и те пытались дразнить Дрозда и Морозову. Для разминки – «тили-тили-тесто», а потом и похлеще. Но не прижилось. Не было у этих двоих никакого тили-тили-теста, а было что-то другое, Вике непонятное и оттого бесившее ее.

До конца четверти ей так и не удалось придумать, как разобраться с

ними. А потом Дрозд со Светкой неожиданно ушли из школы. У Морозовой умер отец и семья переехала в другой район, а Дрозд, как говорили, перешел с подругой «за компанию».

Ну не идиот ли? Вика окончательно убедилась, что два придурка нашли друг друга, и продолжала властвовать над покорным классом. О своем унижении в раздевалке она постаралась забыть.

...В пакетах оказался корм, две миски, шампунь от блох, лоток, игрушки для котенка и какие-то гранулы в пакете.

– Наполнитель, – пояснил Лешка. – Удобнейшая вещь. Ну, где твое приобретение?

– За холодильником. Так и сидит, негодяй.

– Ничего, сейчас выйдет.

Дрозд порылся в пакете и извлек оттуда длинную палочку с ярко-розовым перышком на конце.

– Универсальный Выманиватель Котят! – объявил он. – Цыпа-цыпа-цыпа...

И зашуршал палочкой перед холодильником.

Не прошло и полминуты, как из щели взмахнула быстрая лапа. За лапой высунулся нос. Через минуту весь котенок увлеченно играл с пером.

– Ну-ка, ну-ка...

Дроздов подхватил полосатого и быстро, но внимательно осмотрел со всех сторон. Света уважительно наблюдала.

Лешка любил котов. Дома у него жили два помоечных черно-белых найденьша со странными именами Бронислав и Никодим. Из скелетов, обтянутых драной шкурой, оба вымахали в огромных пушистых зверей. Они ходили за Дроздом по пятам, как собаки, и боролись за место на его подушке.

Время от времени Лешка подбирал еще какого-нибудь несчастного, приводил в божеский вид и пристраивал в хорошие руки.

– Ухи грязные... – бормотал Дрозд. – Ребра выпирают... Ну, и блох полный мешок. Типичный бездомный кошак. А рожица ничего, симпатичная.

Он бережно отпустил котенка на пол, и тот немедленно помчался разбираться с перышком.

– Блох выведешь, это ерунда. В уши прокапаешь лекарство, проверишь у ветеринара на предмет лишая – и получите-распишитесь-верните ручку. Готовое домашнее животное.

Света так и села в кресло. Господи, блохи! И, возможно, лишай.

– Леш, возьми его себе! – умоляюще попросила она. – Ну пожалуйста!

Я с ним не справлюсь!

Но Дрозд только насмешливо хмыкнул.

– Попрошу без манипуляций. У тебя ему будет хорошо.

– Зато мне с ним будет плохо!

– Ничего, привыкнешь, – бессердечно заметил он. – Иначе ты со своей работой скоро человеческий облик потеряешь. Тебе нужен тот, о ком ты будешь заботиться.

– Мне нужен тот, кто будет заботиться обо мне!

– Я давно предлагаю свою кандидатуру, – мигом отреагировал Дрозд. – Берешь?

Света против воли улыбнулась. Это Лешка-то будет о ней заботиться? Безалаберный Лешка, живущий от выступления до выступления? Весельчак, раздолбай и бабник Лешка, в квартире которого вечно отирается какая-нибудь девица с шальными глазами? Ха-ха! Нетрудно представить, вот что превратилась бы их совместная жизнь.

– Ты способен заботиться исключительно о своих котах! – уколола она.

– А ты – только о своей бесценной камере! – парировал Дрозд. – Тебе просто показано живое существо в доме. Как лекарство от одиночества.

– А если меня устраивает одиночество?

– Верь мне, коты сами по себе не заводятся. Кот – это не вошь. Считаю, небеса тебя облагодетельствовали.

– Я бы предпочла деньгами!

Дрозд строго погрозил ей пальцем:

– Не торгуйся с провидением! Раз не согласна на меня, бери этого, полосатого. Кстати, где он?

Котенок обнаружился за креслом. Розовое перышко торчало у него из пасти.

Дрозд бесцеремонно отобрал у него игрушку и почесал за ухом:

– Выглядишь так, будто сожрал фламинго. Надо тебя покормить.

Пока кот поглощал свой корм, Света попыталась еще раз уговорить Дрозда приютить бедняжку. Но тот был непреклонен.

– Двоих мне достаточно. Для третьего уже не хватит ресурсов. А у тебя хватит.

– Откуда ты знаешь?

– Один человек предназначен для того, чтобы обслуживать двух котов.

У тебя еще есть запасное место.

– Ты сам сказал, что я не умею с ними обращаться. Я ничего в них не

понимаю!

– Вот заодно и научишься. Кстати, я тут песенку написал про кошку.  
Натурально детская песенка вышла.

– Детская?

– Угу. Вот, послушай.

И, отбивая такт по спинке кресла, Дрозд негромко запел:

– Кошка гуляет сама по себе.  
Ходит по крышам.  
Сидит на трубе.  
Любит послушать, как дождик шуршит,  
И никогда  
Никуда  
Не спешит.

Кошка гуляет все время одна.  
Бродит в подвалах.  
Сидит у окна.  
Любит послушать, как ветер свистит,  
И никогда  
Ни о чем  
Не грустит.

Даже когда вы сидите вдвоем,  
Кошка  
Мурлычет  
О чем-то своем.  
Шепчется с ветром и теплым лучом,  
Но  
Никогда  
Не расскажет,  
О чем.

Дрозд замолчал. Света хотела сказать, что песенка не такая уж и детская, но бросила взгляд на полосатого и осеклась.

Котенок смотрел на Дрозда, словно позабыв про недоеденный корм. Очень внимательно и сосредоточенно.

– Леш... – осторожно начала Света. – Он, по-моему, что-то хочет от

тебя.

Дрозд хлопнул себя по лбу.

– Лоток! Тащи пакет с наполнителем.

Когда место для котенка было обустроено, Дрозд собрался уходить.

– Бросаешь меня, – мрачно сказала Света. – Оставляешь с этим безымянным чудовищем наедине.

– А почему оно у тебя безымянное? – встрепнулся Лешка.

– Потому что само оно не представилось. А времени придумать имя у меня не было.

– Сейчас сообразим, подожди. Что-нибудь символическое, в честь того места, где ты его нашла.

– Песочница? – усомнилась Света.

– Да нет же! Улица как называлась?

– Краснопролетарская.

Дрозд поднял вверх указательный палец и уверенно объявил:

– Вот и прозвище: Красный Пролетарий!

Света содрогнулась. Котенок, кажется, тоже.

– А если бы я его подобрала на улице Кирпичные Выемки, он был бы Кирпичная Выемка? А если, страшно сказать, на Лихоборских Буграх?

– Был бы Бугор, – менее уверенно согласился Дрозд.

– Ну да. Лихоборский. Бугор Степанович.

Лешка прищурился на кота.

– Нет, не похож. Какой из него бугор? О, придумал! Микроб. Сокращенно – Микроша. Мелкий и вредоносный.

– Знаешь, что... – угрожающе начала Света.

– Ладно, – сдался Дрозд. – Раз не хочешь мелкое и вредоносное, назови его Тихоном. Тишка – самое кошачье имя! Будет он у тебя спокойный и тихий. Еще двадцать раз поблагодаришь меня, что я выбрал для него такую мирную кличку.

Закрыв за Дроздом дверь, Света вернулась в комнату. Котенок запрыгнул на кресло и спал на боку. Живот у него раздулся, словно он проглотил теннисный мячик и теперь переваривал.

Она осторожно потрогала шерсть на его брюшке. Ощущение было такое, словно окунаешь пальцы в тополиный пух, нагретый солнцем.

– Тихон, значит, – вполголоса сказала Света. – Тиша...

## Глава вторая, в которой Кот исчезает

Ваза разбилась с таким грохотом, словно упала не со стола, а с десятого этажа. Котенок перемахнул на книжную полку и уселся там, удивленно поглядывая вниз. Надо же, вазу кто-то разбил... В пять утра, заметьте.

– О, господи! Вторая ваза! У тебя совесть есть или нет?

Тихон уставился на хозяйку.

– Кошка – грациозное животное! – закричала Света, трясая перед носом кота толстенной книгой «Все о кошках». – Вот, читай! Видишь? Грациозное! Бесшумное! Изящное! А ты кто, корова полосатая?!

Полосатая корова разинула пасть, беззвучно расхохоталась Свете в лицо и ускакала вдаль по книжным полкам.

Света отбросила книгу и пошла собирать осколки.

– Это не кот, а какое-то стихийное бедствие... – бормотала она, ползая по ковру.

Пора составить реестр, в который она внесет ущерб, нанесенный дому за два месяца жизни с этим безумным животным.

Фикус пятилетний – одна штука. Сначала Тихон играл в кондуктора. Только этим можно объяснить, почему у бедного растения был прокомпостирован зубами каждый лист. Затем котенок потерял к нему интерес, и Света опрометчиво заключила, что искусанному деревцу больше ничего не грозит.

И ошиблась. В одно странное утро Тихон внезапно решил, что в нем течет кровь древнего рода бобров, и аккуратно подгрыз ствол у основания. Этого фикус уже не пережил.

Вазы и бокалы – в общей сложности пять штук. Эти пали жертвой его неуклюжести, хотя временами Света подозревала кота в скрытой ненависти к хрусталу.

Пара элегантных лаковых туфель с бантиками. У одной был сгрызен нос, у другой откушен бантик. Бантик чуть позже обнаружился в горшке, где когда-то радовался жизни фикус. Света утешала себя тем, что Тихон таким образом пытался вырастить новую туфлю.

Она выпрямилась и окинула комнату критическим взглядом. Есть ли что-нибудь еще, что можно уронить, покусать или разбить? Кажется, ваза

была последним хрупким предметом.

Она вздохнула и побрела в кровать. Спать, спать, спать!

А это что за странный звук?

– Тишка! Тихон, ты где?

Света открыла дверь ванной и замерла, пораженная открывшимся видом.

Здесь только что закончилась страшная битва. Кот отчаянно сражался с рулоном туалетной бумаги и после долгой кровопролитной борьбы одержал победу. Сотни обрывков усеяли пол, подобно снегу. Сам Тихон, обвитый длинной белой лентой – ни дать ни взять награжденный генерал – сидел на краю умывальника и торжествующе озирал окрестности. Из пасти его свисал одинокий растерзанный кусочек. Похоже, последний метр соперника был показательно съеден в назидание другим рулонам.

– Ах ты подлец!

Тапочка прилетела в лоб победителю как раз тогда, когда он упивался триумфом.

Тихон вздрогнул и свалился в раковину. Сверху на него упала электрическая зубная щетка и задержалась в эпилептическом припадке, ища, что бы почистить. Ошалевший кот пулей выскочил наружу и помчался прочь, на ходу сбрасывая генеральскую ленту.

Света застонала. Выключила щетку и принялась собирать обрывки, мысленно проклиная тот день, когда решила сфотографировать лужу.

Кот оказался сущим стихийным бедствием. Он приходил к Свете в четыре утра, требуя хлеба и зрелищ. Он кусал ее за пятку, которой она пыталась спихнуть его с кровати, и использовал ее голову в качестве батута. Он раздваивался и растраивался, он мистическим образом делился на дюжину маленьких тихонов, от которых не было спасения. Он мяукал из каждого угла, прятался за каждой дверью.

Решив оставить у себя найденьша, Света и не догадывалась, что подписывает договор с чертом: она, Светлана Морозова, берет на содержание сотню бесенят в образе одного-единственного маленького полосатого котенка, а взамен получает прерванный сон, испорченные вещи, шерсть в тарелке с супом... Что еще? Ах да, наполнитель из кошачьего лотка в своей постели.

Кот обладал любопытством сороки и ее же неразборчивостью. Его интересовало все. Что в пакетах, которые Света приносит из магазина? Каковы на вкус шнурки от ботинок? Кто живет в унитазе, и можно ли его поймать?

В результате Света подбирала лохмотья разорванного пакета, меняла

шнурки, вылавливала кота из унитаза. Тот обсыхал, встряхивался и снова отправлялся исследовать мир.

Ночью у Тихона наступало время охоты.

Прочитав в книге, что кошки – бесшумные животные, Света долго смеялась. А потом боролась с желанием отвезти Тихона к автору и оставить на пару ночей. Чтобы после с полным правом потребовать официальных извинений и компенсации за введение в заблуждение.

Днем котенка с натяжкой еще можно было назвать бесшумным. Он бесшумно делал какую-нибудь пакость и так же тихо смывался.

Но стоило опуститься сумеркам, как Тихон преобразался. Он словно задавался целью извлечь максимум громкости из всего, что могло издавать звуки. Он шуршал, грохотал, пыхтел – даже скрипел! По ночам Свете снились привидения в оковах и лошади, табунами мчащиеся по ее новому паркету. Носороги в доспехах устраивали турниры в ее гостиной и громко чувствовали победителя. Света просыпалась в ужасе и обнаруживала котенка, тарачившегося откуда-нибудь из угла с самым невинным видом.

А ближе к семи утра он забирался хозяйке в волосы, вил из них гнездо и засыпал.

Проснувшись по будильнику, Света попыталась оторвать голову от подушки. Как всегда, с первого раза у нее ничего не вышло. Тихон не собирался сдавать теплое место без боя.

Наконец она освободилась. Котенок тотчас раскинулся на подушке, почеловечески закинув две тощие конечности за голову. Она поворошила теплый пух на его животе.

– Зачем вазу разбил, поганец? Разрушитель уюта!

Кот дремал.

– Ты весь день можешь отсыпаться, а у меня сегодня съемка. Слышишь, чудовище?

Чудовище слабо дрыгнуло задней лапой.

– Важная съемка! И очень трудная. Мне дали всего полтора часа на работу. Представляешь, как мало?

Кот приоткрыл один глаз.

– Я ни разу там не была. Мне нужно осмотреться, понять, что со светом... Минимум три часа, минимум!

Света вскочила, разволновавшись. Кот оказался идеальным собеседником: он слушал и не перебивал.

– А отказываться нельзя. Это очень серьезный проект! Повезло, что меня взяли. Знаешь, сколько фотографов готовы были сорваться с места по

их первому зову? Снимать хоть самого черта!

Света замолчала. А секунду спустя поймала себя на том, что прикидывает, насколько выразительно можно снять властителя ада в домашнем интерьере: на заднем плане котлы, курчавые головы грешников, блики огня на стенах...

«Вот это и есть профдеформация».

Она подошла к окну и распахнула створку.

Город только пробуждался. Даже машины сигналили хриловато, будто не проснулись до конца.

В песочнице сидела ранняя мама с малышом в панамке. Панамка была синего цвета, выцветшая на макушке.

И небо над Светиной головой было как панамка, надетая на макушку города. По краям – ярко-синее, а в середине светлое, нежное, голубое.

Одно-единственное толстое, как слон, облако висело над соседним домом. Ветер пихал облако в бок, точно уговаривал: ну давай же! полетели! Наконец облако встряхнулось и лениво поплыло к Останкинской телебашне, оставляя за собой пушистые клочки, зацепившиеся за антенны.

И в этой мирной утренней картине ничто не предупреждало о поджидающих впереди неприятностях.

За утренней чашкой кофе Света изучала материалы, которые передали ей из редакции. Хотя про Анну Васильевну Стрельникову она слышала и раньше.

Актриса, сорок пять лет, прима театра «Хронограф». Спектр характеристик не слишком широк: от заезженного «стерва» до осторожного «дама с характером». Властна, авторитарна, бывает очень резка, о чем Свету предупредили заранее.

«Если начнет скандалить и кричать, не обращайтесь внимания. Спокойно продолжайте делать свою работу».

«Для этого нужно иметь крепкую психику, – подумала Света. – Как у матерого учителя начальных классов. А у меня она не такая. У меня психика нежная, как фиалка на залитом солнцем поле. Я человек тонкой душевной организации и не хочу, чтобы на меня кричали».

Но всего этого Света не сказала. Лишь кивнула и заметила, что постарается не сердить Анну Васильевну.

«И ни в коем случае не опаздывайте! Она не переносит задержек, даже минутных. Откажется от съемки и сорвет нам всю сессию».

«Я приеду пораньше», – заверила Света.

«И учтите, что у вас только сорок минут».

Что?!

Тут Света вышла из себя. Из себя она обычно выходила тихо, не хлопая дверью. Посторонний человек мог даже не догадаться о том, что Светланы Морозовой тут уже нет.

Но на этот раз трансформация была очевидна всем. Света могла безмолвно снести многое. Кроме покушения на рабочий процесс.

– Я не в состоянии отснять такую сессию за сорок минут, – неожиданно жестко сказала она. – Это не работа, а халтура.

Окружающие озадаченно переглянулись. Бунта фотографа никто не ожидал.

Первой подала голос Ниночка, двадцать три года, секретарь редактора.

– А Юзек Карш, всемирно известный фотограф-портретист, мог сфотографировать человека за пять минут так, что получался шедевр, – нравоучительно сказала она.

Ниночка всегда делала замечания с оттенком легкого превосходства. А Света всегда эти замечания проглатывала.

Но не в этот раз.

– Во-первых, не Юзек, а Юсуф, – сухо сказала она. – Во-вторых, вы можете обратиться к нему. Пусть он и снимает Стрельникову.

Ниночка открыла рот и закрыла. Только вечером того же дня она вспомнила, что в статье про Карша (Нина прочла ее дважды, чтобы при случае блеснуть эрудицией) упоминалось, что тот умер в две тысячи втором году. И почувствовала неприятную уверенность, что Морозова об этом отлично знала.

Редактор попробовал торговаться. Он даст фотографу пятьдесят минут! Пятьдесят пять! Час!

Света стояла на своем. Она сделает работу качественно или не будет делать вообще.

В конце концов отправили парламентаря звонить Стрельниковой. Вернувшись, тот ликующе сообщил, что прима согласилась увеличить время аудиенции до полутора часов. И ни в коем случае не опаздывать.

Все вопросительно посмотрели на фотографа.

– Больше выторговать не получится, – предупредил парламентар.

Света подумала и нехотя кивнула.

Окружающие хором просияли.

– Я знал, что мы договоримся, – пробасил редактор. – Все будет в порядке. Даже не сомневайтесь.

Дружными возгласами сотрудники подтвердили его слова. Конечно, все будет в порядке! Не сомневайтесь, Светлана Валерьевна!

По комнате волнами разливалась убежденность: все будет хорошо.

И, оказавшись в центре волн, Света вдруг поняла, что зря ввязалась в проект.

Никаких разумных подтверждений этому чувству не было. Но на секунду она ощутила себя пловцом, оказавшимся в море далеко за буйками. И море спокойно, и буйки недалеко, и купальщики у берега беззаботны и крикливы... Но от кончиков пальцев до макушки тебя вдруг пронзает холод. словно в синей толще воды бесшумно проскользнула тень с острым плавником на спине.

Собираться она начала заранее. Поставила на кровать сумку и уложила камеру, вспышку, дополнительные объективы и два отражателя. Котенок ходил вокруг, лез под руку и щекотал усами.

– Тихон! Не мешай!

Света вытащила из шкафа голубые джинсы и темно-синюю рубашку. На работу она всегда старалась одеваться так, чтобы выглядеть незаметной. В идеале фотограф должен сливаться с окружающим пространством.

«Тебе нужно быть серой мышью, – учил ее знакомый фотохудожник. – Люди опасаются тех, кто выглядит ярче их. Тебе ведь не хочется, чтобы они стеснялись и замыкались?»

Света приложила к себе рубашку и объявила голосом Уилла Смита из фильма «Люди в черном»:

– Я – серая мышь в подвале. Я – пепельная моль в шкафу! Мимикрия – вот мой девиз.

Кот, разлегшийся возле сумки, смотрел скептически. «Ничего себе моль – метр восемьдесят без каблуков, – читалось в его взгляде. – Лошадь ты на лугу. Выпь болотная».

– А ты не критикуй, – сказала Света. – Сам на кого похож? На глисту с усами.

Тихон потупился. За пару месяцев он вытянулся в длину, превратившись из нахохлившегося воробушка в полосатый шланг.

Деликатно пропиликал телефон. Звонил Дрозд – узнать, как дела.

– Если Тихон продолжит так расти, то вместо кота у меня будет такса. – Света прижала трубку ухом к плечу, натягивая джинсы. – Лешка, дружище, поругай меня сегодня как следует.

– Что у тебя?

– Одна актриса со сложным характером. Говорят, ест фотографов на завтрак.

Света усмехнулась, давая понять, что сама не относится к сказанному всерьез.

Лешка помолчал.

– Очень боишься? – негромко спросил он.

Света прикусила губу. Глупо притворяться перед человеком, с которым дружишь с седьмого класса.

– Ужасно боюсь!

– С тобой съездить? – предложил Дрозд. – Посижу в машине, пока ты работаешь. Стану посылать тебе мысленные лучи поддержки. У меня все равно первая половина дня свободна.

Света представила, как это будет, и вдруг поняла, что ей действительно было бы легче. Только Лешка знал о том, что с ней происходит, когда на нее кричат.

– Не получится, – с сожалением сказала она. – Я сегодня на такси.

– Почему не на своей?

– Фару разбили на стоянке. Пришлось отогнать в сервис, чтобы заменили.

– Когда такси?

– Через десять минут.

– Н-да, не успею.

– Ну что ты, Леш, я справлюсь! – От фальшивой уверенности в своем голосе Свете самой стало противно. – В конце концов, у меня всего полтора часа. Так что времени на рефлексии не будет.

– А где живет эта актриса?

– Где-то на Новорижском шоссе. Все, Лешка, мне пора бежать! Позвоню, когда все закончится!

– Ни пуха ни пера, – пожелал Дрозд.

– К черту!

Десять минут, десять минут... Света открыла компьютер и нахмурилась: Яндекс информировал, что город забивается пробками.

Света рассчитала время так, чтобы приехать на полчаса раньше. Лучше побродить возле дома Стрельниковой, чем опоздать.

Она обернулась к Тихону:

– Ты восхищаешься моей предусмотрительностью?

Но кот куда-то смылся.

– Тихон! Эй, животное!

Опять сражается с рулоном туалетной бумаги?

– Тишка, смотри у меня! – сурово сказала Света в пространство квартиры.

Если кот и услышал ее, то ничем этого не показал.

Телефон зазвонил снова.

– Здравствуйте-такси-заказывали? – скороговоркой проговорила диспетчер. – Задерживается машинка, придется подождать.

– Задерживается? На сколько?

– Минуточек на пятнадцать-двадцать.

– На двадцать минут?! – ахнула Света. – Я ведь заказала у вас машину три часа назад! Неужели водитель не в состоянии подъехать вовремя?!

– Пробки, извините, – холодно информировала диспетчер. – Отменяете заказ или будете ожидать?

Света быстро просчитала дальнейшие шаги.

Если позвонить в другую службу такси, ждать придется еще дольше. За двадцать минут подать машину в утренний час пик – нет, невозможно.

Если выбежать ловить частника, то неизвестно, на кого попадешь. Он может не знать адрес, они проплутают, и она опоздает.

– Я дождусь, – решила Света. – Такси точно подъедет через пятнадцать минут?

– Через пятнадцать-двадцать.

– Хорошо.

Двадцать пять минут спустя, стараясь не волноваться, Света звонила в службу такси. Еще три минуты ждала, пока ее соединят. Стрелки часов, казалось, безжалостно ускорились.

– Где моя машина? – быстро спросила она в ответ на деловитое «Слушаю вас». – Должна была прийти десять минут назад.

– Ваш адрес?..

Еще две минуты ожидания. Чтобы занять время, Света пробежала по квартире с трубкой в руке, заглянула во все углы.

Кот не показывался на глаза.

Встревожившись, Света открыла балконную дверь и высунулась наружу. Конечно, дверь была прочно заперта, а человечество еще не изобрело способа проходить сквозь стекло. Но то – человечество, а то – коты.

– Тиша! Тишка-Тишка-Тишка!

Какой-то ополоумевший воробей спикировал на нее сверху и умчался прочь.

Света озадаченно посмотрела ему вслед. После двухмесячного знакомства с Тихоном она готова была признать за котами способность просачиваться через стены. Но превращаться в воробьев – нет, исключено!

– Вы слушаете? – резко спросили ей в ухо.

Света вздрогнула и чуть не выронила телефон.

– Да... Да, я здесь!

– Подъехала ваша машинка. Ждет у подъезда.

«Какое у них все уменьшительно-ласкательное, – мелькнуло у Светы в голове. – Машинка, минуточки... А недовольные клиентки устраивают скандалчики».

– Спасибо, до свиданья, – очень быстро проговорила она.

Правильнее было бы рявкнуть от души: «Почему так поздно?!» Но Света абсолютно не умела ругаться. Она также не умела бросать трубки, перебивать собеседника, ставить на место хамоватых кассирш и работников почты. Когда-то давно отчим пытался научить ее «защищать свои права». Но результат его педагогических усилий оказался не просто далек от ожидаемого, а прямо противоположен.

Света вжикнула молнией сумки, перебросила ее через плечо и охнула от тяжести. Крикнула напоследок:

– Тихон, веди себя прилично!

Не дожидаясь старенького медлительного лифта, сбежала вниз по лестнице. Такси, к счастью, оказалось прямо перед подъездом.

Когда Света захлопнула дверь, немолодой водитель обернулся к ней.

– На третьем кольце пробки, – флегматично сообщил он. – Как поедем?

– Через центр.

Водитель округлил глаза:

– Так в центре-то еще хуже! Все стоит!

Света наклонилась к нему.

– И что же, – очень вежливо спросила она, – мы останемся здесь и подождем, пока пробки рассосутся?

Водитель ухмыльнулся. Его явно устроил бы такой вариант. Но затем взглянул на пассажирку, проворчал что-то недоброе и тронулся с места.

Света откинулась назад и открыла окно. Ветер щедро швырнул в душный салон запах травы.

Только бы успеть! Как она станет объяснять редактору, что опоздала на встречу с актрисой?

«А если Стрельникова начнет меня отчитывать...»

Света нервно сомкнула пальцы в замок. В голове зазвучал желчный голос отчима:

«Ты что – тряпка?! Мямля? Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!»

Когда-то отчим служил в армии. Армейские привычки он перенес в семейную жизнь.

«Если на тебя орут, ты должна – что? Отвечай! Ты должна так наорать в ответ, чтоб эта гнида обмочилась, ясно!»

Четырнадцатилетняя Света бледнела и кивала. Ей было скверно. Скверно от брани отчима, от его покрасневшего лица, в котором странным образом читались одновременно раздражение и удовлетворение.

«У меня, считай, ты проходишь закалку. Тренирую я тебя, поняла? Готовлю к суровой жизни».

«Смотри на меня! Что ты там на стене увидела?»

«Ну, давай, отвечай мне! Отвечай, мямля!»

Света вытерла вспотевшие ладони о джинсы. Она успеет. Никто не будет на нее кричать.

Сумка, лежавшая рядом, пошевелилась.

Девушка вздрогнула и уставилась на нее.

По ткани прошла отчетливая волна. Как будто фотокамера решила выбраться наружу.

Изумленная Света медленно потянула на себя молнию. Толстые сумочные бока разошлись в стороны.

Между ними на фототехнике распластался котенок.

Света взвыла, как человек, прищемивший пальцы дверью. Или как опаздывающий фотограф, обнаруживший в сумке незапланированного кота.

В ответ Тихон проворно закопался между объективом и вспышкой.

– Что такое?! – испугался водитель. – Ты там, часом, не рожаеть?

– Лучше бы я рожала, – прорычала Света, выуживая упирающегося зверя.

– Да что там у тебя?

– Животное!

Опровергая эту характеристику, Тихон угрем выскользнул из ее рук и залег на дно.

– Господи, за что мне такое наказание?!

Света схватилась за голову. Картина случившегося была совершенно ясна: Тихон, обожавший укрытия, забрался в сумку, пока она бегала по квартире с телефоном. И затаился в надежде, что его не обнаружат. Так и вышло.

А она еще упивалась своей предусмотрительностью! Как можно было не проверить содержимое сумки, зная о маниакальном желании этого кота

утрамбовать себя в любую свободную емкость! Только вчера Света своими глазами наблюдала, как Тихон пытается сложиться в спичечный коробок.

Что теперь делать? Она не может притащить кота на съемку! И отвезти его домой они не успеют: опоздают как раз на полтора часа, отведенные для работы.

Или все-таки предстать перед Стрельниковой с Тихоном на руках? Объяснить ситуацию, попросить о снисхождении...

Ей представилась эта сцена. «Простите, я случайно привезла к вам котенка. Он очень послушный! (Тихон вырывается из рук и исчезает в соседней комнате). Обещаю, он никому не мешает!» (на заднем плане звук разбивающейся китайской вазы династии Мин).

Нет, невысказано. Как говаривал Дрозд о невыполнимых проектах, проще сразу закататься в рубероид.

К тому же в памяти всплыло, что актриса, кажется, терпеть не может животных.

Может, выдать кота за реквизит?..

От бессилия Света застонала. Таксист опасно глянул на нее в зеркало.

– Встанем все-таки, а? – предложил он.

– Ни в коем случае! М-м-м... Послушайте, вы сможете подождать меня полтора часа?

«Оставлю Тихона в машине! Прямо в сумке».

– Не, не могу, – отказался таксист. – У меня заказ после вас.

– Отмените! – взмолилась Света. – Я заплачу, сколько скажете.

Но мужчина отрицательно покачал головой и повторил:

– Не могу.

Когда машина остановилась у дома Стрельниковой, до назначенного часа оставалось три минуты. Они успели.

Высадив пассажирку, водитель так поспешно рванул с места, словно опасался, что она побежит за ним.

Сжимая сумку в руках, Света взлетела на четвертый этаж. Кот не напоминал о себе.

Две минуты.

– Тишка, – позвала она почему-то шепотом. Заглянула внутрь.

Котенок лежал расслабленно, как отдыхающий на пляже Турции, и имел вид созерцателя.

Света смотрела на него, кусая губы. Затем, приняв решение, вытащила камеру и вспышку. Она старалась не думать о том, что будет, если кот замяукает от скуки.

– Будешь спать, – предупредила Света. – Издашь хоть звук – убью.

Полосатое лицо Тихона приобрело оскорбленное выражение. Он прикрыл глаза, всем своим видом демонстрируя, что спать – это его естественное состояние. Какие звуки, что вы, он вообще практически немой.

Света взглянула на часы.

Одна минута.

Она бесшумно закрыла молнию, оставив дырку для доступа воздуха. Поднялась, постаралась улыбнуться невымученной улыбкой (получилось не очень). И нажала на кнопку звонка.

Дверь распахнулась.

– Вы пунктуальны, это прекрасно, – звучно сказала Стрельникова. – Здравствуйте. Проходите.

## Глава третья, в которой Кот держит обещание

Света Морозова была человеком деталей. Маленькое казалось ей важнее большого, частное интереснее целого. Она не снимала дом целиком, если можно было сфотографировать гнездо воробьев под стрехой. Она не делала интерьерных портретов «дама в гостиной», если могла уговорить даму взять в руки книгу или незаконченную вышивку.

Анна Васильевна Стрельникова наотрез отказалась сниматься с рукоделием. Хотя и корзинка с мулине стояла возле кресла, и лепестки маков свешивались, как живые, с льняной канвы.

– Но ведь это очень красиво, – осторожно заметила Света.

– Бабское занятие, – отрезала Анна Васильевна. – Я позволяю себе расслабиться раз в неделю. Успокаивает нервы, знаете ли. У меня нервы как паутина.

Она соткала в воздухе что-то эфемерное.

– Но показываться другим с этими дурацкими ниточками-иглочками – боже упаси! Вышивка – свидетельство того, что у женщины куча свободного времени, но она по своей глупости понятия не имеет, чем его занять. Вы же понимаете, что я не сама создаю рисунок, а использую готовую схему.

– Ну и что? – не поняла Света.

Актриса с сожалением посмотрела на нее.

– Милая моя, но ведь это то же самое, что раскраска для маленьких детей. Иллюзия творчества для бездарностей, жвачка для пальцев.

Она взмахнула тонкими руками.

– Я изумляюсь, когда вижу с вышивками молодых женщин. Мне хочется крикнуть им: милые, вокруг столько занятий! Столько неисследованного! У вас есть прекрасная возможность осваивать этот богатый мир, ходить по музеям, смотреть спектакли, учиться петь и рисовать! И что вы делаете вместо этого? Создаете нечто уродливое, чтобы потом с гордостью повесить на стенку в прихожей. Пожалуйста, работаем...

Анна Васильевна с профессиональной точностью человека, привыкшего к съемкам, приподняла подбородок и посмотрела чуть выше Светиной макушки. Фотографу оставалось только нажать на кнопку.

Щелчок, другой, третий... Света была уверена, не проверяя, что все три кадра вышли отлично.

Или, вернее, они вышли такими, какими задумала их актриса. А не она, Светлана Морозова.

Все эти позы, повороты, взгляды были отработаны бесчисленное множество раз. Шаблон, стандарт. А Света терпеть не могла работать по шаблону.

Другого человека она попросила бы «переиграть» кадр заново. Но в Стрельниковой было что-то такое, что не позволяло Свете настоять на своем. Напряжение туго натянутой струны, способной оборваться от случайного прикосновения. И до крови ранить того, кто окажется рядом.

Она не сразу услышала, о чем спрашивает ее актриса.

– Мне кажется, вы со мной не совсем согласны?

Света подняла глаза.

Узкое высокомерное лицо в обрамлении графической стрижки: мраморная кожа, темные волосы, алая помада на тонких губах. Белая рубашка с высоким воротом, широкие черные брюки.

До предела контрастно и лаконично. Анна Васильевна оказалась женщиной без возраста. Ссутулится – будет шестьдесят, сменит брюки и рубашку на джинсы с футболкой – будет тридцать.

Возраст выдавали только голос и манера речи: четкая, резкая. Неприятная. Как свист хлыста, вспарывающего воздух.

Света вспомнила все, о чем ее предупреждали: о характере Стрельниковой, о ее раздражительности, о том, что с ней лучше не вступать в спор.

И о коте, спящем в сумке. Впрочем, о нем она не забывала ни на секунду, со страхом прислушиваясь, не доносятся ли из прихожей подозрительные звуки.

Надо было согласиться с актрисой, безжалостно пригвоздившей любительниц вышивки. И спокойно продолжать работать.

Но что-то помешало сказать: «Вы совершенно правы, Анна Васильевна». Быть может, воспоминание о матери, вышивающей по вечерам. Воспоминание оказалось смутным, размытым – Света тогда была еще маленькой.

– Так вы не согласны? – повторила Стрельникова.

Света покачала головой.

Тонкие накрашенные губы недоуменно изогнулись.

– Сформулируйте! – приказала Анна Васильевна.

– Рукоделие – это вечное женское занятие, – тихо сказала Света. –

Успокоение ума и души. Хранительница очага – та, кто сидит у огня и прядет. А в наше время – вышивает. И, видите ли, не все хотят осваивать этот богатый мир. Многие предпочитают начинать с себя. А для этого лучшего занятия, чем вышивка, не найдешь.

Света замолчала, покраснела и закрылась спасительной камерой.

– Вы что, тоже этим балуетесь? – удивилась Стрельникова.

– Нет, к сожалению. Мне не хватает усидчивости.

Она рискнула высунуться из-за камеры. Актриса рассматривала свой маникюр и, кажется, уже забыла об их разговоре.

– Сядьте, пожалуйста, к окну, – попросила Светлана.

– Зачем?

– Хочу сделать контрастный снимок. Только силуэт.

Стрельникова подумала и признала:

– Да, может выйти неплохо. У меня подходящая посадка головы.

Света облегченно выдохнула. Похоже, ей пока удалось не рассердить капризную актрису.

– А вот вам бы это совсем не подошло, – неожиданно сказала Анна Васильевна.

– Почему? – не удержалась Света.

Конечно, спрашивать не стоило. Задавать вопросы можно только тогда, когда готова услышать любой ответ. А Света догадывалась, что актрисе ничего не стоит мимоходом уколоть ее так, что останется синяк.

Стрельникова сделала вид, что задумалась.

– Главное в моей внешности – царственность, благородство черт. Я буду органично смотреться в любом ракурсе, на любом фоне. А вы... Вы вся такая ромашка на длинной ножке, и эти ваши светлые вихры вокруг головы... Кстати, вам нужно сменить парикмахера.

– Непременно, – пробормотала Света, ловя свет.

– Я бы фотографировала вас в поле, среди васильков, сурепки... Что там еще у нас растет непритязательное?..

– Крапива, – подсказала Света. – Лопухи.

– Нет, в крапиву бы я вас загонять не стала, – отказалась актриса. Света мысленно поблагодарила ее за добросердечие. – Ах, конечно! Польша! Она прекрасно подчеркнула бы цвет ваших глаз.

Анна Васильевна удовлетворенно повторила:

– Польша!

И поднялась.

– Надеюсь, мы закончили? Я устала.

– Мне нужно отснять предметы, – извиняющимся тоном сказала Света.

– Какие?

– Ну... книги, цветы... Может быть, текст роли, раскиданный на столе.

– Ах, атрибуты профессии, – кивнула Стрельникова. – Ради бога. Я выйду, а вы здесь работайте.

Возле двери она обернулась:

– Учтите, вы можете находиться только в этой комнате. Никуда больше не заходите. И, пожалуйста, осторожнее со статуэтками: они мне очень дороги. Это старинный английский фарфор.

– Конечно!

– Только эта комната! – настойчиво повторила актриса.

– Я понимаю...

– Некоторые ваши коллеги безобразно любопытны.

«Господи, какое любопытство?! Сбежать бы отсюда побыстрее...»

Света быстро сфотографировала корзинку с вышивкой, полку с фарфоровыми фигурками. Ее жгла мысль о спящем котенке.

«Проверю, как он там. А потом спокойно все закончу».

Света на цыпочках вышла в прихожую. Сумка стояла на том же месте, где она ее оставила.

Она присела на корточки и прислушалась. Ни звука. Похоже, Тихон крепко спит.

На всякий случай она осторожно заглянула внутрь.

Кота в сумке не было.

Похолодевшими руками Света обшарила ее, как будто не верила глазам. Затем опустилась на корточки и поползла, заглядывая под стулья и шкафы.

Никого.

Света поднялась и огляделась.

От прихожей ответвлялись два коридора. Один вел в гостиную, где они работали со Стрельниковой. Второй терялся в глубине квартиры.

– Тиша! – умоляющим шепотом выкрикнула Света в этот коридор. – Тиша-Тиша-Тиша!

Если котенок и прятался там, он держал обещание и не издавал ни звука.

Света закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Издалека доносился голос Стрельниковой, говорящей по телефону. Можно прервать актрису и объяснить, что у ее фотографа сбежал питомец.

И что сказать? «Простите, я случайно привезла к вам котенка. Вообще-то он очень послушный... (на заднем плане звук разбивающегося английского фарфора).

Света вздрогнула и провела ладонью по лбу. Нужно немедленно найти это животное! Успеть, пока хозяйка занята разговором.

На цыпочках она прокралась к ближайшей двери. Задержала дыхание и осторожно повернула медную ручку.

Дверь приоткрылась с таким страшным скрипом, словно ей было по меньшей мере двести лет. Света похолодела. В комнате что-то прошелестело.

От ужаса она смогла выдать только:

– Простите, к вам не забегал мой котенок?

Внутри молчали.

Света заглянула в щель и облегченно выдохнула. Она пыталась разговаривать с вещами.

Комната оказалась гардеробной – пустой, если не считать десятков вешалок с одеждой. От сквозняка прозрачные чехлы на них шелестели. Платья как будто пытались снять с себя эти немодные накидки.

Свете стало не по себе. Она зачем-то выдала «извините» и плотно закрыла дверь. Ей показалось, что внутри разочарованно вздохнули.

Еще пять шагов по коридору – и новая дверь. На этот раз – приоткрытая.

– Простите, пожалуйста, – осмелев, сказала Света, – к вам не заходил мой кот?

Ей не ответили. Может быть, Стрельникова в квартире одна, и зря Света извиняется перед пустыми комнатами?

На всякий случай она тихонько постучала. И только тогда приоткрыла дверь шире.

Света Морозова была человеком деталей. Поэтому сначала взгляд ее выхватил полосатые гольфы на ногах лежащего мужчины.

Затем она увидела котенка Тихона, сидевшего на кровати возле ног в гольфах.

Следом – одноглазого пса, поднявшего голову при ее появлении. Это была типичная дворняга с короткой грязно-белой шерстью. Довольно старая, судя по равнодушию, с которым она отнеслась к вторжению чужого кота и незнакомой женщины.

И только потом Света заметила ручку ножа, торчащего из спины человека, лежавшего на кровати. Длинную ручку, обмотанную синей изолентой.

Девушка вцепилась в дверной косяк. И тотчас отдернула руку, внезапно подумав, что на дереве останутся отпечатки пальцев.

«При чем здесь мои отпечатки?!»

На несколько секунд она впала в ступор. Но тут котенок зашевелился, и она заставила себя отвести взгляд от ножа.

Тихон выглядел смущенным. Но скорее от ее появления, чем от соседства с трупом.

«С трупом!»

Мысли наконец-то ожили.

Нужно подойти к телу, проверить пульс – вдруг этот человек жив! Нет, сначала позвонить в полицию. Вон и телефонная трубка лежит на тумбочке возле кровати. Главное – не уничтожить улики. Не размазать случайно кровь на свитере погибшего, не задеть нож... Нет, все-таки сперва проверить пульс!

И тут Света осознала, что она не станет ничего проверять и никуда звонить. Человек, лежащий на кровати, не был живым – в этом она могла бы поклясться, не подходя к нему.

– Тиша, – выдохнула она. – Тиша, иди сюда!

Котенок мягко спрыгнул на ковер. Света подхватила зверька и прижала к себе.

Собака у окна опустила голову на лапы. По всем правилам она должна была бы выть в полный голос. Но пес молчал и только поглядывал на них единственным слезящимся глазом.

Что же делать?

Света обвела взглядом комнату. Ничего зловещего в ней не наблюдалось: голубые шторы, шкаф, кровать... А на кровати – труп.

Все мысли Светы завертелись вокруг хозяйки дома. В квартире наступила тишина, а это означало, что Стрельникова может появиться в любой миг.

Крепко сжимая Тихона, Света отступила назад и закрыла дверь. В прихожей никого... Значит, еще не поздно схватить сумку и бежать прочь из этой квартиры, оставив хозяйку саму разбираться с бездыханным телом в своем доме.

«Если только это не ее рук дело».

А если ее? Тогда так: выйти, позвонить в полицию и сообщить о том, что она случайно обнаружила жертву преступления.

Здравый смысл подсказывал, что это самое разумное решение.

Но тут в спор вступило Светино воспитание. «Разве можно уйти просто так? – осуждающе спросило оно. – А если Стрельникова ни при чем?»

Здравый смысл призвал забыть о Стрельниковой и думать о себе.

Воспитание заметило, что порядочные люди тем и отличаются, что в

любой ситуации думают не только о своей драгоценной шкуре, но и о других. А если убийца все еще в доме? И Света оставит Анну Васильевну наедине с ним?

Здравый смысл примолк. А затем с удвоенной убежденностью посоветовал исчезнуть из этой квартиры, пока есть такая возможность. Именно потому, что убийца еще может быть в доме.

Вцепившись в Тихона, Света неслышно добежала до двери. Камеру на плечо, кота в сумку. Тихон порывался оставить голову на свободе, но Света бесцеремонно надавила на пушистый затылок, и кот, недовольно мякнув, провалился внутрь.

С замками она разобралась быстро. Выскочила на лестничную клетку...

И остановилась.

Здравый смысл напомнил, что нужно бежать. Но она развернулась, снова зашла в квартиру Стрельниковой и поставила тяжеленную сумку на пол.

– Анна Васильевна!

Чуть громче:

– Анна Васильевна!

Послышались шаги, и в прихожую вышла недовольная хозяйка.

– Вы уже закончили и уходите? Но зачем же так кричать, моя дорогая...

– Анна Васильевна, у вас в квартире убили человека, – перебила Света, понизив голос.

– Что?!

– Я видела его тело в спальне. Он лежит на кровати. Анна Васильевна, нам нужно...

Стрельникова прищурилась, и вдруг усмешка пробежала по ее губам. Света оборвала фразу на полуслове.

– Я ведь просила вас не заходить в другие комнаты, – ласково проворковала актриса.

«Все, – сказал здравый смысл. – Доигрались».

Воспитание пораженно молчало. Реакция Стрельниковой могла означать только одно: она не услышала ничего неожиданного.

«Сейчас меня будут убивать», – отстраненно подумала Света, отступая на шаг.

Под ногу ей некстати подвернулась сумка. Тихон изнутри возмущенно мякнул.

Усмешка сползла с лица актрисы.

– Что это за звук?

Света заслонила сумку.

– Какой звук? – не очень убедительно удивилась она.

Тихон высказался отчетливой.

– Да вот этот же! – Стрельникова растерянно огляделась. – В квартире кошка!

– В квартире труп! – отрезала Света, не собиравшаяся выдавать безмозглого котенка.

Но переключить разговор не удалось. Тихон изнутри боднул сумку, и молния разошлась. На свет показалась ушастая голова с мелкими белыми усиками.

– Это что еще такое?! – изумилась Стрельникова. – Я говорила, что где-то рядом кошка!

Света любила точность во всем.

– Это не кошка, – поправила она. – Это кот.

– Еще хуже! У меня аллергия, вы знаете? Зачем вы притащили ко мне этого оборвыша?

«Оборвыша?!»

Тихон выпрыгнул из сумки. Вскинул хвост, изогнул его крючком и прошелся перед Анной Васильевной.

«Обратите внимание на его профиль в лунном свете», – чуть не предложила Света. Но удержалась. Момент для цитирования Булгакова был не самый подходящий.

В такую идиотскую ситуацию ей никогда еще не доводилось попадать, несмотря на выдающиеся способности по части сотворения идиотских ситуаций. Анна Васильевна брезгливо разглядывала Тихона. Сейчас насмотрится – и кинется на Свету.

– На редкость безобразный кот, – тем временем констатировала Стрельникова. – Тощий, некрасивый... Господи, кто бы знал, как я ненавижу этих тварей! Даже не думайте, что вы можете оставить его у меня. Заберете с собой как миленькая!

– Куда заберу? – рискнула уточнить Света. Разговор принимал странное направление.

«Сейчас она скажет: «В ад!», захохочет и ткнет в меня ножом».

– Что значит «куда»? Куда хотите. Вы же где-то живете, правда? Я не знаю – квартира там, или общежитие... Давно вы его подобрали?

– Два месяца назад, – честно сказала Света.

Стрельникова недоверчиво уставилась на нее.

– Два месяца?! Так это ваш кот?

– Мой.

– И вы что же, все время носите его с собой?

– Да нет же! – Света наклонилась и подхватила котенка. – Он тайком забрался в мою сумку. Я обнаружила его слишком поздно, когда уже не было возможности вернуться.

Она подумала и виновато добавила:

– Извините нас, пожалуйста. Мы не нарочно.

Извиняться перед убийцей было как-то странно. Но и на этот раз воспитание победило здравый смысл.

Стрельникова приложила ко лбу пальцы, будто задумавшись о способе убийства.

«Сейчас кинется», – решила Света.

– Сейчас чихну, – трагически сообщила Анна Васильевна. – Вот, уже начинается! Боже мой, а ведь вы показались мне приличным человеком!

Света обрадовалась.

– И такое разочарование!

Стрельникова чихнула внезапным басом. Котенок бросился вверх по Светлане и укрылся в районе ее затылка.

Завязалась борьба. Света пыталась выдрать перепуганного Тихона из волос, Тихон молча упирался.

– Да прекратите же вы! – Анна Васильевна повысила голос.

Света тут же отпустила кота и встала по стойке «смирно». Менее внушаемый кот остался на своем месте.

Актриса выглядела рассерженной всерьез.

– Пришли, контрабандой притащили кошку, устроили какую-то комедию! Что вы там лепетали про труп?

– У вас убитый мужчина в комнате! А вы никак не хотите меня слушать...

Стрельникова закатила глаза.

– О, господи! Нет, это готовый анекдот. Ждите здесь, я вас позову.

Хозяйка исчезла в коридоре. Воспользовавшись ее уходом, Света оторвала от себя Тихона и встряхнула за шкурку.

– Ты что, с ума сошел?! – прошипела она. – Веди себя прилично, пока я сама тебя не убила!

Она подумала, не сбежать ли сейчас, раз судьба предоставила ей второй шанс. Но приходилось признать, что актриса не похожа на убийцу. А между тем, она знала о покойнике с ножом в спине...

Из глубины квартиры послышалась какая-то возня. Света замерла. Несколько секунд царил полная тишина, затем хлопнула дверь, и почти

сразу раздалось:

– Идите сюда!

Света сделала несколько шагов и остановилась. В дверях комнаты, где она нашла Тихона, стояла Анна Васильевна.

– Ну же! – нетерпеливо позвала актриса. – Что вы там застыли? Вот ваш убитый, идите, поздоровайтесь!

Предложение поздороваться с покойником не прибавило Свете уверенности. Но не подчиниться было нельзя.

Заглядывая в комнату, она надеялась обнаружить живого человека. Хорошо бы все это оказалось шуткой, рассчитанной на то, чтобы пугать визитеров, нарушающих запреты.

Но тело лежало в том же положении, в каком она его оставила. В спальне ничего не изменилось, исчезла только собака.

Под насмешливым взглядом хозяйки Света обогнула кровать. Человек лежал в той же позе. Серый свитер задран, вокруг горла обмотан полосатый шарф. Она приготовилась увидеть черты, искаженные гримасой смерти. Но на нее уставилось гладкое пластиковое лицо с нелепой полуулыбкой на губах.

Пораженная, Света обернулась к Стрельниковой.

– Познакомьтесь, – светски предложила та. – Генри, это Светлана. Светлана, это Генри.

Девушка была так растеряна, что Анна Васильевна сжалилась. И не выгнала ее, а провела в столовую и налила чая. Тихона актриса потребовала оставить в сумке, где он тут же и заснул.

– Манекен... – повторила Света, отпивая безвкусный зеленый чай.

– Разумеется, манекен, моя дорогая. А вы решили, что это я прикончила кого-то? Признавайтесь!

Света покраснела.

– Я не знала, что думать.

– А что, у меня набралась бы дюжина знакомых, которых я желала бы увидеть заколотыми. – Анна Васильевна потерла руки. – И парочка таких, которых при случае заколола бы сама.

Свете подумалось, что это не притворство. С актрисы стало бы расправиться с врагами таким кровожадным способом.

Стрельникова отпила из бокала минеральную воду.

– Мы репетируем пьесу Рыбакова «Человек из дома напротив».

– Олега Рыбакова?

– Да. Вы его знаете?

– Он известный писатель, – уклончиво сказала Света.

Не рассказывать же этой высокомерной женщине, что она снимала Рыбакова всего десять дней назад. Да ей это и безразлично.

Стрельникова поморщилась.

– Если бы только писатель... Но это неважно. Он написал для театра детектив. Всего шесть действующих лиц, из них один – наш милый Генри, который всю пьесу лежит бездыханным. Не брать же на эту роль актера! Вот мы и используем манекен. Вы обратили внимание на его руки? Обязательно взгляните на них, это работа настоящего художника!

Света подумала, что хватит с нее встреч с Генри.

– А почему он у вас? – осторожно поинтересовалась она.

– Милая моя, потому что мы сегодня репетируем. В театре всю неделю черт знает что: ремонтируют зрительный зал перед премьерой. Нашли время... А наши диалоги с партнером задуманы так, что мы все время обращаемся к покойнику. Он молчит, но при этом он третий в наших разговорах. Его молчание громче наших слов. В конце концов оно становится для нас невыносимым, и мы начинаем признаваться в преступлениях, которые совершили.

Актриса с сомнением посмотрела на Свету и уточнила:

– Вы понимаете, о чем я?

– По замыслу писателя, жертва заменяет следователя?

Стрельникова одобрительно кивнула.

– У меня роль любовницы Генри, а Серафимович играет моего супруга. Его вы, надеюсь, знаете?

Света не любила врать. Но это «надеюсь» прозвучало так, что ей оставалось лишь воскликнуть с искренним энтузиазмом:

– Кто же не знает Серафимовича!

– У нас с ним четыре сцены. Он должен скоро прийти, у вас будет прекрасный шанс увидеть нашу репетицию. Редкий шанс! Вы, милая, еще будете писать в мемуарах об этом.

Взгляд ее затуманился. Похоже, Анна Васильевна заглянула в будущее и читала восторженные строки, которые посвятит ей Света.

Из прострации Стрельникову вывел переливчатый звонок.

– А, вот и Петр Иванович!

Хозяйка остановила Свету, порывавшуюся встать.

– Нет-нет, милая, сидите. Вы должны подтвердить историю с трупом! Петя ни за что не поверит мне, если я не предъявлю вас в качестве доказательства.

«Чудно, чудно, – печально подумала Света, оставшись одна. – Мало

того, что поставила себя в идиотское положение. Так еще и придется свидетельствовать против себя перед неким Серафимовичем».

Из прихожей до нее донесся низкий, глубокий, красивый голос. Он вызывал в воображении виноградники Франции, дубовые бочки, заполненные выдержанным вином, рубиновые отблески на стенках бокала. Голос настоящего красавца.

Света окончательно ступевалась. Вот-вот сюда зайдет высокий мужчина с римским носом, густой шевелюрой и румянцем на гладко выбритых щеках. Стрельникова, смеясь, станет рассказывать ему о Светиной глупости. Может быть, даже в лицах. Наверняка в лицах! А сама Света будет сидеть, неловко улыбаться и жалко кивать.

Почему, почему она не может встать и уйти? И не участвовать в спектакле Анны Васильевны?

«Потому что мямля! – сказал в голове скрипучий голос отчима. – Все с «извините-простите-пожалуйста». Тьфу! Учю я тебя, учю... А ты и спасибо не скажешь за науку, когда будешь мне стакан воды подавать».

Свете вспомнилось любимое обещание отчима. «Я из тебя сделаю кобылу артиллерийскую!» – гремел он, потрясая жестяной кружкой. (Вадим Петрович терпеть не мог фарфор. Их чудесные тонкие чашки с золотой каймой он презрительно называл дамскими, а сам пользовался страшной стертой кружкой, будто обгрызенной по краям).

В свои четырнадцать лет становиться артиллерийской кобылой Света не желала. Она вообще полагала, что кобыла любого формата – это не тот идеал, к которому должна стремиться девочка ее возраста. Но благоразумно не озвучивала свои мысли дяде Вадиму.

Чем больше Вадим Петрович кричал на нее, тем молчаливее становилась Света. Она от природы обладала тихим голосом. Из чувства протеста почти шептала, разговаривая с отчимом.

А из страха стать похожей на него никогда ни на кого не кричала.

Света тряхнула головой, обрывая нить воспоминаний. До нее донесся звонкий смех Анны Васильевны: «Не поверишь... Ха-ха!.. Еще здесь...»

Она сжала ручку чашки.

И тут в столовую не вошел, а вкатился маленький толстяк с улыбочивым и одновременно грустным лицом. На его макушке мягко сияла лысина, а вокруг нее торчали прямые редкие волосики, точно строй солдат, охраняющих последние рубежи.

Света сразу увидела, что это заколдованный снеговик, случайно превратившийся в мужчину. Из нижнего снежного шара получились ноги

колесом, из среднего – животик, а из верхнего – маленькая круглая голова. Морковка, видимо, потерялась в процессе трансформации, поэтому нос бывшему снеговику достался маленький, как пуговка.

А глаза остались из угольков: большие, черные. И печальные, как у собаки, потерявшей хозяина.

– Здравствуйте, – сказала очень удивленная Света.

– Здравствуйте, – глубоким голосом поздоровался снеговик. – Меня зовут Петр Иванович.

– Серафимович, опять церемонии! – перебила вошедшая Анна Васильевна. – Светлана знает, кто ты такой!

Снеговик улыбнулся смущенно, будто извиняясь.

– Жуткая кукла этот Генри, – сказал он. – Я сам ее побаиваюсь. Будь я на вашем месте, сбежал бы без оглядки. А вы остались.

– Это не от избытка храбрости, – призналась Света. – Просто неловко было...

– Уходить, не попрощавшись? – фыркнула Стрельникова.

Петр Иванович строго взглянул на нее:

– Уходить, не предупредив тебя, Анна. Иногда ты бываешь невозможно черствой.

– Иногда? – с нарочитой обидой переспросила Стрельникова. – Какое оскорбление, Серафимович! Я бываю черствой всегда!

Снова зазвенел звонок.

– Это Виктор! – обрадовалась Анна Васильевна и упорхнула.

– Ее брат, – вполголоса пояснил актер. – По совместительству наш режиссер и продюсер. Вы и в самом деле решили, что в спальне труп?

Света кивнула.

– Могу себе представить, как вам досталось от Анны.

– Не так сильно, как я боялась, – улыбнулась Света. – Мне даже разрешили не избавляться от кота.

Серафимович наклонился к ней ближе.

– Я знаю, Анна иногда кажется несколько... м-м-м...

Она замялся, и Света пришла на помощь:

– Резкой?

– Да, пожалуй. Но это маска. Если хотите, защитный костюм. В действительности она тепло относится к животным. Вашему коту ничего не грозило.

– Я видела в спальне собаку, – вспомнила Света.

Серафимович обрадовался:

– Да-да, это то самое, о чем я вам говорю. Анна вечно твердит, как она

ненавидит животных. Уверяет, что была бы рада избавиться от них весь мир. Звучит чудовищно, я знаю. А сама приютила это бедное больное существо по первой моей просьбе.

– Так это не ее пес?

– Нет, что вы! Его подобрала где-то моя дочь и привезла к себе. К сожалению, у нее, бедняжки, аллергия на собак. Три дня она терпела и молчала, а на четвертый я случайно увидел ее. Конечно, мне пришлось сразу забрать собаку! Дочь уже покрылась жуткими пятнами. Стала как мухомор, только наоборот: красное на белом.

– Но можно же было попробовать его пристроить, – осторожно сказала Света.

Петр Иванович махнул рукой:

– Кто возьмет пожилого одноглазого пса! Даже если бы кто-то и согласился, для него жизнь среди других животных и равнодушных людей будет мучительна. Всем старикам нужен дом, где о них будут заботиться. В том числе и собачьим старикам. У меня у самого дома пекинес, я знаю, о чем говорю. Именно из-за него я не смог оставить этого беднягу у себя, а привез Анне. И она безропотно взяла его. Гуляет с ним, вы представляете?

Света попыталась представить элегантную Анну Васильевну в компании облезлой одноглазой дворняги. Картинка не складывалась.

В кармане Серафимовича прозвонил телефон.

– Да, милая, – ласково сказал он и глазами извинился перед Светой за прерванный разговор. – Да, у Анны. Еще нет, вот-вот начнем.

Он прикрыл трубку рукой и спросил с улыбкой:

– Вы позволите рассказать дочери о вашем маленьком приключении с Генри? Нет, если вам неприятно...

Света замахала руками: рассказывайте, ради бога! Она больше не чувствовала ни смущения, ни стыда.

Петр Иванович встал и вышел из комнаты, на ходу говоря:

– У нас случился небольшой казус...

Окончание разговора Света уже не услышала.

Вернулся он через пять минут, погрузневший.

– Дочь говорит, никто не желает стать хозяином нашему одноглазому старичку. Мы изо всех сил ищем ему новый дом, но пока получается не очень удачно. Кстати, может быть, вы подумаете о том, чтобы обзавестись животным? У него хороший характер, честное слово!

Он с надеждой посмотрел на Свету.

Ей было жаль отказывать этому милому человеку. Пришлось напомнить скорее себе, чем ему:

– У меня живет кот. Котенок!

– Ах, да, – поник Серафимович. – Я совсем забыл. Жаль, из вас получилась бы отличная хозяйка для Циклопа.

– Циклопа?

– До чего же примитивная кличка, не правда ли? – громко спросили от двери. – Прямолинейная, как рельс. Раз одноглазый, значит, Циклоп. Никакой фантазии!

В столовую вошел как раз такой красавец, каким Света по голосу представляла Серафимовича: высокий, чисто выбритый, с римским носом. На нем был светло-серый костюм, пиджак лихо свисал с одного плеча, как гусарский ментик.

Его портила только изломанная линия рта. И две брюзгливые складки, залегшие возле уголков опущенных губ.

Красавец шевельнул плечом. Подхватил сползший пиджак и широким жестом, не глядя, швырнул его в угол, как ненужную тряпку. «Промахнется!» – понадеялась было Света. Но пиджак попал точно на стул.

– Здравствуй, Виктор, – сдержанно сказал Петр Иванович.

– Приветствую. А я, между прочим, предлагал назвать его куда более подходящим именем.

Красавец подмигнул Свете. Та неловко улыбнулась в ответ.

Вот, значит, как выглядит брат Анны Васильевны. Странное противоречие: лицо аристократа – и купеческие манеры. И голос самодовольный, раскатистый.

Отвечать ему не хотелось. Хотелось скорее уйти домой и забыть все, что здесь произошло.

Но промолчать было невежливо.

– Каким именем? – спросила Света.

– Унтиком. Отличная кличка.

– Почему? – не поняла она.

Красавец ухмыльнулся углом рта. А Петр Иванович отчего-то нахмурился.

– Вы знаете, что такое унты? – поинтересовался Виктор.

– Сапоги.

– Правильно. Сапоги из меха. А знаете ли вы, что в некоторых местах нашей необъятной родины унты шьют из собачьих шкур?

– Теперь знаю.

– Значит, понимаете, почему именно такая кличка?

Он довольно засмеялся.

А Света смотрела на него и думала, что людей, которые восторгаются собственным чувством юмора, нужно помечать каким-нибудь особым знаком. Например, смайлом. Поставил ухмыляющуюся рожицу на лоб – и все сразу видят: перед ними шутник. Остряк! Который, например, называет собаку Унтиком и сам ржет над своей тонкой иронией.

Тогда тихие, мирные люди вроде нее, которых корежит от подобного юмора, могли бы заранее принять меры, чтобы обойти таких весельчаков стороной.

– Нет, – сказала Света.

Смех оборвался.

– Что – нет?

– Не понимаю.

– Послушайте, что здесь непонятного? – с раздражением спросил брат Анны Васильевны. – Унты – это сапоги. Их можно сшить из собачьего меха. Пса я хотел назвать Унтиком. Унты – Унтик! Теперь понятно?

Света немного подумала. Сначала сдвинула брови, потом наморщила лоб так, чтобы не возникало сомнений в напряженности ее мыслительного процесса. И, наконец, просветлела:

– Так у вас не хватает обуви! Вы ждете, когда этот пес сдохнет, чтобы сшить из его шкуры сапоги?

Петр Иванович и Виктор вместе уставились на ботинки красавца – узконосые туфли из крокодиловой кожи.

– У нас возле дома живут бродячие собаки, – прибавила Света таким тоном, словно доверяла значительную тайну. – Я могу показать, где. Правда, мелкие, но зато лохматые! Хватит даже на две пары!

– Вы в своем уме? – брезгливо поинтересовался Виктор. – Я не убиваю собак. Ни лохматых, ни прочих.

– Но вы же сами сказали... – удивилась Светлана.

– Что?! Что я сказал?! Я придумал смешную кличку! Смешную, понимаете?

Девушка похлопала ресницами и наивно спросила:

– А над ней кто-нибудь смеялся, кроме вас?

Серафимович хмыкнул. Виктор посмотрел на Петра Ивановича и осведомился:

– Где вы раскопали этот чистейшей прелести чистейший образец?

– Образец пришел сам, – сказала Света другим тоном, вставая. – И уже уходит. Но если надумаете насчет собак – обращайтесь.

До дома она добралась лишь три часа спустя.

К полудню город стал похож на гигантскую сковородку. От прохожих, попавших на открытое место, поднимался пар. Собаки, подпрыгивая, мчались прочь с обжигающего асфальта. Кошки, как существа умные, вообще не показывались на улицах.

Солнце кусало Свету, точно злая оса, пока она плелась до подъезда. На себе Света волочила камеру и Тихона, и ей казалось, что кто-то из них поправился за утро на несколько килограммов. Чем еще объяснить, что сумка стала совершенно неподъемной?

Возле подъезда Свету на миг охватило странное чувство. Ей показалось, что на нее кто-то пристально смотрит.

Но когда она обернулась, во дворе никого не было.

Выгрузив Тихона, Света залезла в холодильник и обнаружила, что он пуст, как только может быть пуст холодильник одинокой женщины, время от времени вспоминающей про диеты. А после утренних переживаний хотелось ледяного кваса. Еще лучше – холодного пива! Светлого пенящегося пива, золотистого, вкусного, как... как...

«Как пиво!» – нашла Света правильное сравнение.

Определенно, нужно спуститься в магазин. Дома нечем вознаградить себя за перенесенные страдания.

За те десять минут, что она провела дома, заасфальтированный двор превратился в филиал ада. Стараясь держаться в тени, Света добежала до угла. Дальше предстояло пересечь пятьдесят метров открытого пространства.

Оттягивая этот неприятный момент, она достала телефон.

– Лешка, привет! У меня все в порядке, я вернулась.

– Рассказывай, – потребовал Дрозд.

– Не могу. Бегу за пивом.

– Хорошее дело, – одобрил Лешка. – У тебя точно все нормально?

Голос мне твой не нравится.

Пришлось сознаться:

– Кое-что все-таки случилось. Я попала в очень глупую ситуацию.

– Как обычно.

– Нет, хуже, чем обычно. Но ты не беспокойся. Расскажу – посмеемся.

Света встала, пропуская приближающуюся машину.

– Помехи какие-то, – сказал Дрозд сквозь треск.

– Это от жары. Все, я побежала! Считай, уже салютую тебе пивом.

Машина, поравнявшись с ней, вдруг резко вильнула.

«Камеру разобьет!» – промелькнуло в голове у Светы, забывшей, что никакой камеры с ней нет. Она проворно отскочила назад. Черный

автомобиль пронесся так близко, что ее чуть не ударило боковым зеркалом.

Но на ногах Света не устояла. Правая ступня попала в выбоину, и, взмахнув руками, девушка грохнулась на асфальт.

Она толком и не успела ничего понять. Только что стояла у дороги с телефоном в руке. А сейчас почему-то лежит на спине, а над ней нависает солнце, будто рассматривает перевернутого жучка.

Голова вдруг сильно заболела. Света читала, что от боли у людей темнеет в глазах. А у нее солнце начало светлеть, пока не стало совершенно белым, и от этой яростной белизны Света потеряла сознание.

## Глава четвертая, в которой Кот приносит пользу

– Вот она, яма, – сказал Дрозд и зачем-то присел на корточки. – Ее-то он и объезжал. Сволочь.

– Или она. – Света поморщилась и потрогала затылок.

– Вы точно водителя не видели?

Света промолчала. Молоденький дознаватель уже четвертый раз задавал ей этот вопрос. Словно надеялся, что от его заунывных повторов она разозлится и вспомнит хоть что-нибудь.

– Ну, так не видели, нет? Может, женщина? Или мужчина? Или...

– Или одно из двух, – Дрозд поднялся и оказался на две головы выше дознавателя. Его длинная тень протянулась на асфальте как раз от ямы до того места, где Света упала.

Она отошла в сторону и села на бордюр в тени фонарного столба. К вечеру солнце немного успокоилось и даже вернуло себе первоначальный желтый цвет. Но стоять на открытом месте было неприятно.

В конце концов, ничего страшного не случилось. Нельзя даже сказать, что она отделалась легким испугом, потому что испугаться Света не успела. Совсем. Ни легко, ни тяжело.

Если, конечно, не считать той секунды, когда пришла в себя. Открыв глаза, она увидела над собой собачью морду. Морда улыбалась и истекала двумя ручьями слюны.

Взвизгнув, Света перекатилась в сторону с ловкостью и быстротой, которым позавидовал бы Рэмбо. Но Рэмбо и не был женщиной, на которую собирается уронить слюни престарелый французский бульдог. Он всего лишь сражался с двумя сотнями боевиков.

Бульдог был Светиным соседом по подъезду. Его встревоженная хозяйка вызвала «скорую» и полицию. Но к тому моменту сама Света уже отлично понимала, что это бесполезно. Она мельком видела лишь цвет машины: то ли серый, то ли очень запылившийся черный. Водитель превысил скорость и дернул руль вправо, объезжая огромную выбоину на дороге. Местные знали о ней и всегда притормаживали заранее. Значит, чужак.

– И шансы найти этого нехорошего человека близки к нулю, – вслух закончила Света свою мысль. – Леш, пойдем. У меня завтра опять с утра

съемка, надо отдохнуть.

По квартире разозленный Дрозд передвигался какими-то рывками. Задел стул, ударился локтем о подоконник и, в конце концов, чуть не наступил на Тихона. Тут Светиному терпению пришел конец.

– Возьми этого прохиндея и сядь в угол. А я нам кофе сварю. Мне еще работать всю ночь с сегодняшними снимками.

Дрозд покраснел.

– Извини. Не могу успокоиться. Ну, чуть не сбил ты пешехода. Так ведь еще и уехал! Может, этот пешеход остался умирать на обочине от сердечного приступа. И его можно было спасти, если только вовремя вызвать врачей. Тьфу! Урод шестого разряда.

Он потер лоб.

– Давай я сам кофе сварю. А то чудно получается: пострадала ты, и кофе мне варишь тоже ты.

– Угу. А ты вместо меня переживаешь, – добила Света. – Мучаешься. Страдаешь.

Тут Дрозд совсем сник, и ей стало жалко его.

– Ты же варишь ужасный кофе, – утешающе сказала она. – Чудовищный. Никак не могу понять, почему из одних и тех же ингредиентов у меня выходит вкусный напиток, а у тебя – помои.

Дрозд ухмыльнулся и подхватил Тихона на руки. Кот тут же запрокинул шею, точно лебедь на последнем издыхании, и Лешка послушно стал чесать ему подбородок.

Нейтрализовав таким образом и друга, и кота, Света принялась неторопливо варить кофе.

Четыре ложки на медную турку. Залить горячей, но не кипящей водой. И ждать, пока появятся первые пузырьки, предвестники свободолобивой пены, что торопится сбежать на волю через край турки – только успевай ловить ее.

Запах кофейных зерен успокаивал, заученные действия убеждали, что жизнь идет, несмотря на мелкие пакости, что все хорошо: и кофе варится, и кот мурлычет, и мужчина при деле. Что еще нужно для счастья?

Света вспомнила утренний разговор о вышивке. Вот оно – то, что она не смогла сформулировать тогда. Кто вышивает? Женщина, которой не о чем тревожиться. У нее и борщ томится на плите, и сама плита сверкает чистотой, и дети делают уроки. Все хорошо. Вышивающая женщина – это символ спокойной жизни.

«Значит, для Стрельниковой спокойная жизнь – хуже, чем нож в

спину».

Ее размышления прервал вопрос Дрозда.

– Кто у тебя завтра? Очередной монстр?

Света убавила огонь и обернулась к нему:

– Певица из молодых. Ты, наверное, слышал – Лера Белая.

Дрозд нахмурился.

– Та, которая поет: «Твои щеки треплет ветер»?

– Тоже мне, музыкант! Про щеки поет группа «Пляшущие человечки».

Они совсем отмороженные, их песни давно разобрали на цитаты. «У меня между ребрами бьются разные органы». Или вот: «Когда я вижу тебя, детка, звенит моя грудная клетка».

– Автор текстов когда-то пролетел мимо медицинского, – предположил Дрозд. – Судя по песням, оно и к лучшему. Раз у него органы бьются между ребрами.

Света быстро разлила кофе по чашкам.

– Держи. Только кота не облей.

Кот зыркнул одним глазом на чашку, а другим на Дрозда. Но решил, что опасности в таком сочетании нет.

Сама Света пристроилась у края стола, заплетя ноги вокруг ножек табуретки.

– Каждый раз, когда ты так садишься, я боюсь, что обратно уже не развяжешься, – осуждающе заметил Дрозд. – Так и останешься с ногами узлом.

Отмахнувшись от него, Света отпила обжигающий кофе и блаженно прикрыла глаза. Какое наслаждение – после безвкусного чая у Стрельниковой...

Только она собиралась рассказать про актрису, как Лешка хлопнул себя по коленке:

– Вспомнил!

Тихон вздрогнул и широко раскрыл глаза.

– Твоя Лера Белая победила год назад на музыкальном конкурсе «Своего радио», да? Голос слабенький, но харизма в наличии.

– Значит, все-таки попса?

– Да, пожалуй. Но, знаешь, такая качественная попса. Где-то даже на границе с роком. Самое главное, девчонка сама пишет тексты и музыку к ним. Поэтому ее и заметили. Поющих много, а таких, чтобы все в одном флаконе – единицы.

– А почему она Белая?

– Вот уж не знаю. Может, это настоящая фамилия, а не псевдоним. У

этих исполнителей какая-то своя логика в выборе имени. Помнится, был у нас в тусовке парнишка, желал выглядеть крутым рэпером. Назвал себя «Паша-Пролетарий». А у этого пролетария на очкастой физиономии написаны девять классов игры на скрипке и школа с математическим уклоном.

– А помнишь Вову Волкова? – подхватила Света. – Который требовал, чтобы его все звали Волком?

– Толстый и с оттопыренными ушами? Помню. Но тот хотя бы на сцену не рвался. «Вова-волк» – это ж логопедический кошмар для конференсье.

Дрозд одним глотком допил кофе и отставил чашку в сторону. Потом всмотрелся в Свету.

– Слушай, у тебя точно голова не болит?

– Точно. А что?

– Глаза у тебя сонные. И мутные.

Света зевнула.

– Кофе какой-то странный, – пожаловалась она. – От него клонит в сон.

– Это не кофе странный, а ты устала. – Лешка ссадил кота на пол и встал. – Давай-ка ты спать, ага?

– Не могу. Мне работу работать надо!

– Спокойно, без пены. Завтра будешь рвать пупок. А сегодня был тяжелый день. Актрисы тебя кусали, машины сбивали...

– Коты жизнь портили, – пробормотала Света, ощущая, что глаза слипаются.

– Вот именно. На, возьми.

Дрозд сунул ей Тихона. У Светы на руках кот не стал раскидываться, как принцесса на перинах, а свернулся улиткой и превратился в подушку.

Эта горячая, мягкая подушка подействовала на Свету волшебным образом. Она почти не помнила, как закрыла дверь за Дроздом, как доплелась до кровати. Помнила только, что под рукой у нее оказалась шапка-ушанка, из которой почему-то торчали кошачьи усы. И, прильнув щекой к этой теплой шапке, она окончательно провалилась в глубокий сон.

\* \* \*

Собираясь на фотосессию к Лере Белой, Света ощутила себя параноиком. Который десять раз моет руки с мылом, а потом снова

возвращается в ванную и протирает их спиртом.

Она трижды проверила сумку. Дважды заглянула в коробку с объективами. Снова расстегнула кофр и заглянула внутрь.

И все это под насмешливым взглядом кота, сидевшего на шкафу.

Допивая наспех сваренный кофе, Света вспомнила, что не успела рассказать Дрозду о «трупце» в квартире Стрельниковой. Происшествие с машиной затмило утренние события.

На затылке взбухла болезненная шишка. На бедре лиловела гематома, набирающая цвет подобно экзотическому бутону.

Но при этом Света, к собственному изумлению, чувствовала себя неплохо.

«Это оттого, что я выспалась», – решила она в конце концов.

Кот на холодильнике отчетливо фыркнул.

«Это оттого, что я грел тебя всю ночь».

– Ты грел? – возмутилась Света. – Ты дрыгал своими лягушачьими ногами. Нарушал мой крепкий сон.

Кот отвернулся, словно пожимая плечами. «Как угодно, как угодно».

– Ладно, не обижайся. – Света почесала его за ухом. Тихон тотчас подставил другое ухо и боднул ее головой. – Э, нет, дружок, до вечера. Или ты думаешь, меня создали, чтобы чесать тебя за ушами?

Он широко зевнул, разинув пасть как удав.

Света включила кондиционер и обошла квартиру, запирая окна. Котенок любил охотиться за птицами. На подоконнике время от времени собирались пухлые голуби, присаживаясь тесным рядком, как старушки в очереди к участковому терапевту, и принимались взахлеб ворковать. Кажется, обсуждали, что все меняется к худшему: и мусор в помойках уже не тот, что прежде, и от детей в парке крошек не дождешься.

Тихон верил, что рано или поздно схватит одного из наглецов за сизый хвост. Чаще всего у него получалось лишь расплющить нос о стекло, но он не оставлял попыток.

Так что Света для верности даже подергала оконные ручки, убедилась, что кот не сможет удовлетворить охотничьи инстинкты, и успокоилась.

– Пока, домашний деспот!

С утра она успела забрать свою машину из сервиса, и по дороге переключала радио, надеясь, что где-нибудь услышит Леру Белую. Девушка стала популярной всего за год. Значит, радиоканалы пока любят ее, как все «свежее».

Но из динамиков доносились то сладкие напевы группы «Ягода-

малина», то хриплый рык певца Каната. Про Каната говорили, что он интеллигентнейшее существо и якобы даже защитил диссертацию на какую-то сложную филологическую тему. В ответ на эти инсинуации Канат грязно ругался, рвал тельняшку на богато татуированной груди и клялся папой-дворником и мамой-санитаркой, что он плоть от плоти народа, как и его песни.

Народ Каната любил. Его песню «Еду я по выбоинам» распевало все население страны от десяти до девяноста. Тем, кто не попадал в эту возрастную категорию, петь было сложно по причине заковыристого текста. Чуть повернул язык не так – и уже окружающие косятся.

Света вспомнила вчерашний разговор с Дроздом. Дело Паши-Пролетария жило.

Она выключила радио с надрывающимся Канатом. До дома Леры Белой оставался всего один квартал.

Дверь открыла сама певица. Поднимаясь в лифте, Света успела представить ее: ломкая блондинка, розовые губы, спортивный костюм в стразах. Может быть, еще крохотный йорк под мышкой. Такие блондинки тайно занимаются выведением подвида йорков, которые будут помещаться в пудреницах.

Увидев Леру Белую, Света поняла, что промахнулась по всем пунктам. Перед ней стояла высокая красивая девушка с резкими чертами лица. Вьющиеся волосы, темные до черноты глаза... И длинный джинсовый сарафан.

– Я вас с самого утра жду, – весело сказала певица Лера. – Волновалась, как перед прослушиванием, честное слово!

– Почему? – изумилась Света.

– Фотографироваться боюсь. Каждый раз смотрю на результат и думаю: господи, ну и рожа! Неужели это я? И ведь стараюсь, навожу красоту. Все равно выходит какая-то лошадь в юбке.

Она отступила назад.

– Проходите.

Из дальней комнаты появился хмурый небритый мужчина лет сорока.

– Сережа, это фотограф, Светлана. Света, это мой муж, Сергей.

При виде Светы Сергей, как мог, изобразил радость от встречи. То есть растянул в улыбке губы и подержал их в таком непривычном положении. Света подумала, что даже вчерашний оскал французского бульдога выглядел куда приятнее.

Впрочем, она давно заметила, что собаки улыбаются дружелюбнее,

чем люди.

Сергей приобнял жену:

– Золото, я к пацанам, ага?

– К пацанам, ага, – передразнила Лера. – Жду тебя вечером с ясной головой.

– Не обещаю.

Уклонился от шутливого подзатыльника и скрылся за дверью.

– Он хороший, только кажется таким... простоватым, – проникновенно сказала Лера. – Знаете, как он помог мне с карьерой? Не только финансово.

Вопреки опасениям Светы, работа сразу пошла легко. Певица не капризничала, не принимала безумные позы. Она слушалась фотографа и, кажется, очень старалась заслужить ее одобрение.

Свете стало приятно.

– С вами легко работать, Лера, – искренне сказала она.

– Похоже, у вас вчера был тяжелый день, – с неожиданной пронизательностью заметила девушка. – Поэтому вам и просто со мной. На контрасте. Кто вас так утомил?

Света поменяла объектив и раздвинула шторы, впуская в просторную комнату больше солнца.

– Актриса, которая не хотела сниматься, – призналась она. – Всегда сложно, когда люди не идут тебе навстречу. Чувствуешь себя так, словно просишь у них милостыню.

– Актриса? Уж не Стрельникова ли?

У Светы вытянулось лицо. Лера от души расхохоталась.

– Видели бы вы себя сейчас! Что, удивила?

– Очень. Как вы узнали, что это именно она?

– Даже обидно раскрывать фокус, – с сожалением сказала девушка. – Он настолько прост, что вы будете разочарованы.

– И все-таки?

– Элементарно! Вы знакомы с Виктором Стрельниковым?

– Да. Как раз вчера и познакомились.

– Значит, вам известно, что он продюсер новой постановки в «Хронографе»?

– «Человек из дома напротив»?

– Вот-вот. Виктор озабочен продвижением нашего спектакля в широкие массы. Проще говоря, рекламой. Ищет новые ходы, чтобы заинтересовать публику. А если не заинтересовать, то хотя бы навязнуть у нее в зубах, как ириска. И вот он придумал, что можно совместно с каким-

нибудь известным журналом замутить пиар. Запустить проект – портреты всяких театральных деятелей. Взять фотографа, чтобы относительно известный, но без запросов вышиной с Эверест. Это ничего, что я так о вас говорю?

Света сказала, что ничего. А сама подумала, что у нее запросы вышиной с какую-нибудь гору Народную, что на Урале. Низенькую и незаметную. А по сравнению с Эверестом – так и вовсе кочку.

– Взять фотографа, – продолжала Лера Белая. – И чтоб снимал всех участников спектакля, не только актеров, но и режиссера, и сценариста... А потом публиковать его работы. С краткими подписями: «Актриса Стрельникова в сцене репетиции спектакля “Человек из дома напротив”». «Актер Серафимович в образе». Пусть фотограф снимает не только актеров, но и режиссера, и сценариста. Общая концепция – «Люди Сцены». Только не разных сцен, а одной – театра «Хронограф».

Да, именно так и назывался их проект. Люди Сцены.

Света хотела снова похвастаться тем, что всего десять дней назад снимала Олега Рыбакова. Но передумала. Если даже Стрельникова не проявила особого интереса, от этой девочки его и давно не стоит ожидать.

– Фотограф требовался обязательно не лучезарный, – добавила Лера.

– Какой-какой?

– Ну, такой... – Лера замялась. – Как бы объяснить... Вот представьте: входит фотограф, а на лице у него написано: вы все навоз, а я цветок, что из него произрастает. И аж светится от своего предназначения. Вот это и есть лучезарный.

– Да, – согласилась Света, – я не лучезарный.

– Конечно, это реклама театра! – Лера поправила лямку сарафана. – Все заплачено Виктором. Но кого это интересует? Сейчас все рекламируют всех, уже слова в простоте нельзя сказать: обвинят в пиаре.

Она сочувственно посмотрела на Свету.

– А вы не знали, да?

– Да ничего страшного, – рассеянно ответила Света. Что-то удивило ее в рассказе девушки, но она никак не могла понять, что. – Я бы в любом случае согласилась. Проект интересный, и то, что он кем-то оплачен, не делает его хуже.

Лера поднялась и потянулась, став похожей на сильную гибкую кошку.

– Стрельникова на первом месте в вашем списке. – Певица скривила губы, и Света поняла, что девушка всерьез не любит актрису. – Прикидывается, что терпеть не может сниматься и отказывает всем

желающим. Смешно!

– Почему смешно? – удивилась Света. – Многие не любят фотографироваться.

Лера посмотрела на нее с жалостью, как на ребенка.

– Как вы не понимаете! Стрельникова – актриса! У нее работа такая – быть узнаваемой, везде светиться. Для актеров узнаваемость – это популярность, а популярность – это востребованность. – Она заговорила на повышенных тонах. – Тираж журнала – триста тысяч. Триста тысяч человек запомнит ее лицо! Думаете, ей это не нужно?

«Хорошо-хорошо, только не кричите», – хотела попросить Света. Но девушка завелась всерьез.

– Лживая баба! «Ах, я не люблю съемки!» Смешно до чертиков: актриса – и не любит сниматься! Да не любит, а обожает! А вы купились на эту выдумку? Ей хочется, чтобы ее уговаривали. А она бы ставила условия. Кому бы она вообще была нужна, если бы не ее богатенький братец?!

Света собиралась защитить Анну Васильевну. Но вспомнила про «сорок минут на съемку» и не нашлась, что сказать.

Лера замолчала. На щеках ее горели два красных пятна. Она прижала к ним ладони, успокаиваясь.

– Мне нужно переодеться. В сарафане мы уже все отсняли, правда?

Света кивнула. Ее немного озадачила эта яростная вспышка.

Наверное, Стрельникова и впрямь притворялась. Но на то она и актриса, чтобы играть. Пусть даже в повседневной жизни.

Девушка вернулась очень быстро – в джинсах и клетчатой рубашке, завязанной узлом.

– Я немного погорячилась, – извинилась она. – Простите, не хотела впутывать вас в наши разборки. Я недолголюбиваю Анну. Она эгоистичная самодовольная тетка, а актриса посредственная. Хотя мнит себя звездой!

«Наши разборки»... Вот оно!

Света наконец-то поняла, что царапнуло ее в разговоре с певицей.

– Подождите... Когда вы говорили о Викторе Стрельникове, вы сказали: «нашего спектакля»?

– Ну да. Вы до сих пор не поняли? Говорю же – одной сцены! Я там тоже играю. У меня маленькая роль служанки, которая страстно желает петь. Очень смешная роль! А вообще пьеса серьезная, даже трагичная.

Возвращаясь домой, Света попыталась объехать пробку на Тверской и застряла в еще худшем столпотворении. Лукавый навигатор обещал провести самым быстрым путем – и обманул. Узкие улочки словно

распирало от теснящихся автомобилей. Поток машин отражался в витринах, перетекая из одной в другую.

На светофоре к ее «Ниссану» подбежала глазастая чумазая девчушка лет десяти, размахивая букетиком васильков.

– Пятьдесят рублей! – уговаривала девочка на ломаном русском. – Хороший цветок, купи себе!

Света с улыбкой покачала головой. Ей нравилась девочка, но поощрять этот бизнес она не собиралась.

Двое мальчишек той же характерной внешности, что и девочка, шныряли по дороге, предлагая какую-то ерунду: зарядки для сотовых телефонов, карты, флажки с разной символикой. Их головы то появлялись между машин, то снова исчезали. В искаженном отражении витрины они походили на купальщиков, ныряющих в цветном потоке – тонких, смуглых.

Света достала камеру. Прицелилась, дожидаясь секунды, когда все трое соберутся в отражении.

И вздрогнула.

В видоискателе мелькнула пыльная черная машина, чуть не сбившая ее накануне.

Света отложила фотоаппарат и завертела головой, но тут зажегся зеленый, и ей засигналили со всех сторон. Пришлось ехать.

Машина больше не появлялась. Подумав, Света поняла, что ошиблась. В Москве тысячи грязных черных автомобилей. Почему ей вдруг подумалось, что это тот самый?

– Никакой логики, – вслух сказала Света, ползя за красным «Фольксвагеном». Она видела в зеркало его водителя. Тот разговаривал по телефону, рулил и ухитрялся одновременно жестикулировать.

«Виртуоз!»

И все-таки, отчего она так испугалась? Будто за спиной прошел призрак.

Света медленно ехала в пробке, поглядывая по сторонам. В какой-то миг ей показалось, что пыльный черный капот вновь мелькнул неподалеку. Она даже привстала, пытаясь рассмотреть водителя.

Но тут виртуоз с телефоном выпал из реальности, внезапно ускорился и догнал скромный «Акцент». Выглядело это так, словно одна машина разозлилась и наподдала другой в зад. «Акцент» вздрогнул, фыркнул и встал.

Света охнула и отчаянно замигала правым поворотником, просясь в соседний ряд.

– Товарищи, пустите меня, ну пожалуйста! Здесь авария!

Джипы с надменными блондинками за рулем протекали мимо, равнодушные к ее подмигиваниям. Женщины почти никогда не пропускают – это Света знала очень хорошо. Зато старенькая, выдавшая виды «Нива» остановилась и терпеливо ждала, пока она выберется из-за столкнувшихся машин.

«Виртуоз» стоял с сокрушенным видом, рассматривая смятый бампер. Зато водитель «Акцента» не безмолвствовал: на всю улицу он сообщал, что думает по поводу идиотов, разговаривающих по мобильнику за рулем.

До Светы донеслась лишь часть его выступления. Но она решила, что могла бы подписаться под всем. Даже под теми выражениями, которые смутили бы самого певца Каната.

Пока она лавировала между полосами, черный автомобиль исчез. А на следующем светофоре пробка рассосалась, и Света заторопилась домой, забыв обо всем.

Двор к полудню стал как подгоревший блин: черный и горячий. Света брела от стоянки – и плавилась. В голову назойливо лезла мысль о том, что она на целых пятнадцать сантиметров ближе к солнцу, чем среднестатистическая женщина. Конечно, нелепо огорчаться из-за этого. Но Свете хотелось жалеть себя, и она огорчилась.

Навстречу прошла невысокая толстушка, утирая пот с покрасневшего лба. Света вдруг представила, что бедная женщина на целых пятнадцать сантиметров ближе к раскаленному асфальту, чем она. И немедленно приободрилась.

В кармане загудел телефон, словно пробравшийся туда шмель. Света была уверена, что звонит Дрозд, и уже собиралась поделиться с ним глупостями, которые от жары забродили в ее голове. Но это оказалась секретарь Ниночка. Она желала знать, как все прошло у Стрельниковой.

– Насыщенно, – сказала Света, не погрешив против истины.

– А о чем вы с ней беседовали? – сладким голосом поинтересовалась Ниночка.

Света помолчала секунду и сказала совершенно искренне:

– О вышивке.

– У, как скучно, – протянула секретарь.

Свете стало жаль ее разочаровывать, и она прибавила:

– И об эскапизме.

– Ага, – сказала Нина и быстренько попрощалась.

«Ну, вот и я внесла посильный вклад в повышение уровня образованности населения», – удовлетворенно подумала Света. У нее не было ни малейших сомнений, что, положив трубку, Ниночка бросилась в

Википедию искать значение неизвестного слова.

Телефон загудел вновь.

– О каком еще эскапизме вы беседовали? – хмуро спросила Ниночка. – Вы, Светлана, все выдумываете. Разыгрываете меня, да? Не смешно.

Света озадачилась. Она почти подошла к своему подъезду, а в подъезде телефонная связь пропадала. Поэтому ей пришлось замедлить шаг.

Озарение пришло за три метра до ступенек.

– Нина, «эскапизм» пишется через «э», – сказала Света, стараясь не засмеяться. – Вторая – «а». Не от слова «ископаемые», понимаете?

– Я все понимаю, – многозначительно заявила Нина и отключилась.

Света шагнула под спасительный козырек подъезда. Наконец-то тень! Она зарылась в сумке, ища ключи.

За спиной раздалось мягкое шуршание шин. Света подумала, что звуки тоже обессилели от жары. Они стали приглушенные и едва слышные. Вот, например, машина – едет, как будто крадется.

Наконец-то ключи нашлись! Она потянула их из сумки, но вредная связка выскользнула из влажной ладони, и пришлось наклониться за ней.

Грянул гром. Он будто расколол пополам притихший двор. В одной его половине обезумевшее эхо заметалось между стен. В другой взвизгнули шины и застучал гравий, полетевший из-под колес.

А вверху отчаянно забили крыльями птицы, в панике сорвавшиеся с крыш.

От жуткого грохота Света едва не оглохла. А когда наступила тишина, обнаружила себя сидящей на корточках и обхватившей голову руками.

Она встала, чувствуя, что ноги подгибаются, и оперлась рукой о дверь. Сердце колотилось как бешеное.

– Нельзя так людей пугать, – дрожащим голосом сказала Света в пространство. – Так ведь можно и инфаркт...

Палец ее скользнул в небольшое горячее углубление на металле. Один палец из растопыренной пятерни, прижатой к двери.

Света посмотрела на дверь. Потом перевела взгляд на чистое голубое небо без единого облака. Затем на дорогу, где минуту назад притормозила машина.

А потом ее перепуганный мозг совместил эти три факта.

Солнце вмиг перестало греть. Свету окатило холодом, приморозило к двери, будто ребенка, лизнувшего на стуже опору качелей. В животе заворчалась ледяная игла страха.

Правой рукой, окоченевшей до кончиков пальцев, Света достала телефон.

– Леш, – выговорила она, с трудом ворочая языком. – В меня стреляли.

## Глава пятая, в которой Кот разговаривает

Когда Света вышла из отдела полиции, уже вечерело. Солнце просачивалось сквозь листву и плескалось на асфальте желтыми лужами.

Дрозд поднялся со ступенек и шагнул к ней, на ходу метко швырнув сигарету в урну.

«Ты что, курил?!» – хотела задать Света великолепный в своей бессмысленности вопрос.

Но Дрозд опередил ее.

– Из чего стреляли? – жестко спросил он. – Следователь тебе сказал? Из травматикки?

Света молча смотрела на него, опешив от вопроса. Дрозд должен был пожалеть ее, а она бы заплакала, уткнувшись в подставленное мужественное плечо. Так было всегда: она плакала, он жалел. Плакать в Лешку было удобно – Светкина голова находилась как раз на уровне его плеча. Дрозд даже цинично замечал, что будь он низкорослым, она не рыдала бы с такой готовностью по любой ерунде.

А сейчас Свете очень хотелось заплакать. Ей пришлось долго ждать следственно-оперативную группу, потом с ней долго разговаривал молодой следователь с непроизносимым именем «Константин Мстиславович», каждую фразу предварявший междометием «ну». Кажется, пытался выбить признание, что она папарацци и отсняла горячий материал. А Света объясняла ему, что она совсем другой фотограф, не тот, снимки которого помещают на первые страницы желтых газет, обводя существенные детали красными кружочками. Она делает портреты, а еще снимает животных и облака, тени и отражения, дороги и мосты. Все, что увидит. И получается не просто пойманное мгновение жизни, а диалог. Возможность общения с бесконечным количеством собеседников посредством одного-единственного кадра. Он говорит за Свету то, что она не может или не умеет выразить словами.

Света была убедительна. Так убедительна, что следователь проникся, слушал, кивал, и на лице его было понимание и сочувствие.

А потом, когда она выдохлась и замолчала, спросил:

– Ну, а вот эти актеры – они знают, что вы их снимаете?

Все это Света собиралась выплакать Дрозду. И свой страх тоже. Со

страхом всегда так: его можно либо выплакать, либо загнать вглубь. А загнанный вглубь страх – это черная дыра. Ты живешь себе своим космосом, лелеешь звезды, прокладываешь млечные пути, а внутри тебя черные дыры. И не знаешь, в какой момент они начнут засасывать в себя окружающую материю, лишая тебя и звезд, и млечных путей, и всего, чему ты радовался в своем космосе.

– Света, из чего стреляли? – повторил Дрозд и взял ее за плечи, будто собираясь встряхнуть.

– Из чего-то вроде «Макарова», – быстро сказала она, почему-то расхотев плакать. – Экспертиза потом скажет точно.

Дрозд выругался и отпустил ее.

– По какой статье завели дело? Хулиганство?

– Откуда ты знаешь?

– Ясно... – Лешка поморщился. – Ты рассказала следователю про ту машину?

– Да.

– И он, конечно, уверяет, что это совпадение.

– Он говорит, что пока нет оснований предполагать связь между этими двумя происшествиями.

– Да уж конечно... – пробормотал Дрозд, обдумывая что-то. – Ладно, поехали. Дома расскажешь.

Он взял ее под локоть и повел вниз по ступенькам.

– Что расскажу?

Дрозд на секунду остановился и взглянул на нее своими ярко-голубыми глазами.

– То, что не рассказала вчера.

Когда Света открыла дверь, Тихон радостно бросился к ней под ноги, изображая циркового кота. Это означало, что он собирается обогнуть сначала хозяйкину левую ногу, потом правую, потом снова левую, и снова правую. То, что в процессе Света неизбежно должна запнуться об него и грохнуться, Тихона не заботило.

Так случилось и на этот раз: Тихон ужом завился у нее между ног, Света споткнулась и чуть не упала. Ее подхватил Дрозд, ловко увернувшись от вешалки.

– Мы поменялись ролями, – заметила Света. – Ты ничего не задел.

– Ты тоже думаешь, что это не хулиганство? – спросил Дрозд, словно бы не услышав.

Света сглотнула.

– Я пока еще ничего не думаю. Но если это не оно, я не понимаю, за что меня хотят убить.

...– и это был манекен, – закончила Света, обеими ладонями обхватив чашку. За время рассказа она не отпила ни глотка кофе. – Понимаешь, я видела его своими глазами! Просто кукла в человеческий рост, вот и все! И я не могу понять, как... то есть что вообще...

Она замолчала.

– Ты уверена, что это был не человек? Например, с маской на лице?

– Да нет же, Леш. Думаешь, я не отличу труп с маской от манекена?

– Иногда ты бываешь крайне невнимательна, – пробормотал Дрозд, о чем-то думая.

– Не в этот раз, поверь мне.

– И больше ничего необычного не происходило?

– Нет. То есть вообще. Следователь тоже расспрашивал меня об этом, а потом сказал, что в нашем районе завелись подростки, которые стреляют по прохожим из пистолета.

– Завелись, – подтвердил Дрозд. – Только они стреляют из травматического пистолета. А в тебя палили из огнестрельного. И не попали только случайно.

Свете снова стало холодно. Она крепче обхватила чашку.

– Леш, а ты не думаешь, что следователь прав? – спросила она почти умоляюще. – Вчера ничего страшного не случилось, просто попался неумелый и непорядочный водитель. Сегодня мне привиделась та машина, а потом не повезло столкнуться с подростками. Вот и все!

Но Дрозд отрицательно покачал головой.

– Ничего тебе не привиделось. Если ты решила, что машина та же самая, значит, так оно и было.

– Но почему?! – воскликнула Света. – Я же не работник наружного наблюдения! Не шпион! Ни номера, ни марки...

– Ты фотограф, – напомнил Дрозд. – Тебе не нужны ни номер, ни марка. У тебя в голове встроенная камера. И не спорь, я тысячу раз видел, как это работает. Ты сама не понимаешь, насколько наблюдательна. Ты при мне узнала мальчишку, которого видела единственный раз в жизни на пляже в Сочи. Двадцать лет спустя узнала, Света!

– Мы с ним швырялись камнями, – пробормотала она.

– Это, конечно, сближает людей, но не настолько. У тебя фотографическая память. Нет, машина была та самая! За тобой следили от дома певички, а потом улучили удобный момент и выстрелили. Жара, во

дворе никого. Идеальное место для покушения.

Света вынуждена была согласиться, что место подходящее. Главное – подходящая погода. Даже вездесущие старушки не бдили у окон, опасаясь расплавиться.

Но сейчас, когда она сидела в уютной квартире с чашкой кофе в руках, версия с покушением казалась ей все менее реальной.

– Леш, кому я нужна? – проникновенно спросила она. – Зачем в меня стрелять? Я не снимаю политиков скрытой камерой, не перебегаю дорогу конкурентам, желающим мне смерти! Все-таки следователь прав.

Дрозд тяжело вздохнул.

– Несколько дней назад, пятнадцатого, убили Олега Рыбакова. Он был найден лежащим на кровати, с ножом в спине.

– Что?! – ахнула Света, меняясь в лице. – Господи, Леша...

Она прижала ладонь к губам. Этого не может быть! Она приезжала к Рыбакову совсем недавно...

– Почему ты мне сразу не сказал?!

– Не знаю. Не хотел тебя расстраивать, наверное. Или сам пытался осознать, что Олега убили. О его смерти писали в прессе, но ты ведь не читаешь газет. И не смотришь новости в интернете, потому что у тебя не хватает времени с этим проектом.

Света качнула головой, приходя в себя от страшного известия.

– Убийцу не нашли?

– Нет. Меня уже опрашивали, и я уверен, скоро очередь дойдет и до тебя. Учитывая его образ жизни...

Дрозд замолчал.

– Учитывая его образ жизни, я могла быть последней, кто видел его живой, – закончила за него Света. – То есть предпоследней.

– Да.

Света закрыла глаза.

\* \* \*

Доехать до деревни с красивым названием Малиновка получилось лишь с третьей попытки. Дорогу подсказал старик, появившийся из ельника, точно леший. Вот только у леших редко висят за спиной охотничьи ружья.

– Проехала ты, девушка, развилку, – проскрипел старик. – Надо тебе назад ехать, до озера, а оттуда левее взять. Как до березняка доберешься,

так сворачивай направо, только не сразу: первую дорогу пропусти. Первая, она в лесничество ведет. Да и до него не доедешь, там давеча размыло. Заплутаешь.

Из всех указаний Света восприняла только последнее слово. Заплутает, непременно заплутает. И без того уже час колесит по проселочным дорогам. Вернее, по проселочному бездорожью.

– Проводите меня, пожалуйста! – взмолилась она. – А я вас потом обратно доведу до этого же места. Мне главное дорогу запомнить!

Леший посмотрел на машину без энтузиазма.

– Проводить... – с сомнением протянул он.

– Пожалуйста! Хотя бы до той первой дороги.

– Да не первой, а второй! Эх, ладно! Уговорила.

Он, кряхтя, забрался на переднее сиденье, поставил ружье между колен, и машина тронулась. Почувствовав себя штурманом, Светин провожатый приосанился.

– Что ж тебя в Малиновку-то понесло? – спросил он. – Или к родне?

– Там один человек живет. – Света высматривала обещанный березняк. – Переехал из Москвы два года назад.

– А, слышал про него. Говорят, сидит у себя, как сыч, и носа наружу не кажет. Все один да один. Собаку только привез с собой. Той осенью воры шарили по огородам, все деревни обошли. Картошку, значит, по ночам выкапывали. И к нему залезли. Собака забрехала, а товарищ твой выскочил и давай палить по мужикам. – Старик неодобрительно покачал головой. – И не солью палил, а по-настоящему, без дураков. Кто так делает! Приезжие одни только. Разве ж это по-людски!

– А как по-людски? – заинтересовалась Света. «Вот так дедушка мне попался. Гуманист!»

Старик степенно огладил бороду.

– Хочешь проучить – ну, схвати вилы, догони ворюгу да ткни в бок пару раз. Вот здесь сворачивать надо было.

Света ударила по тормозам.

– Что ж вы раньше не сказали?

– Так я ж с тобой разговаривал, – удивился старик. – Ну, давай, высаживай меня. Сам дойду. И ты дальше сама.

Когда машина тронулась, он крикнул вслед:

– В Малиновку-то не суйся, встань у околицы! Там лужи непроезжие!

...Малиновка оказалась на удивление большой деревней. Домики, правда, стояли старые, неказистые. Кое-где палисадники совсем заволокли бузина, а ступеньки провалились, будто под пятой великана.

Но в траве паслись гуси. Они поглядывали на Свету так плотоядно, словно это ее должны были подать им к рождественскому столу. На заборе сидел горластый петух и проповедовал собравшимся внизу курам. А чуть поодаль вокруг колышка кружилась белая коза с пятном на боку. Выражение морды у нее было мечтательное: кажется, она воображала себя балериной.

Света подумала, что в чем-то понимает Рыбакова, укрывшегося в этой деревушке.

Он сбежал два года назад. Никто не понял причин такого поступка. Кто-то решил, что Рыбаков тихо свихнулся, не выдержав груза собственного таланта.

А таланта и в самом деле выдано было с избытком. В юности Олег начинал играть в КВН и пробился с командой в Высшую Лигу, затем неожиданно ушел в барды, где сразу стал звездой крупных фестивалей. Он выпустил свой диск, его песни распевали туристы. Но не успело слово «бард» прочно закрепиться за Рыбаковым, как он бросил авторскую песню и подался в актеры. Исполнил несколько ролей в нашумевших спектаклях – и осел в театре «Хронограф».

Рамки актерства быстро стали ему тесны. Рыбаков начал писать. Скетчи, стихи на злобу дня, рассказы... Театру требовался репертуар, и Олег взялся за пьесы. Попутно он играючи создал несколько сценариев, которые мигом купило телевидение.

У этого разносторонне одаренного человека все получалось. Были друзья, успех, признание публики...

И вдруг все оборвалось. Олег заявил, что уезжает и больше не вернется в Москву. Отсек от себя прежнюю жизнь, запретил навещать его. Закрывшись в доме, он продолжал работать. Созданное отправлял по электронной почте заказчикам, но никогда не интересовался судьбой своих произведений.

Одни говорили, что причиной перемены судьбы стала несчастная любовь. Другие винили во всем священника, с которым Рыбаков оказался в одном купе, возвращаясь из Питера в Москву. Якобы священник сказал ему что-то такое, что заставило Олега переосмыслить жизнь. Третьи утверждали, что Рыбаков возомнил себя великим писателем и в глуши кропает роман-нетленку.

Как бы там ни было, уже два года Рыбаков жил отшельником, и чужих к себе не пускал.

Когда Светлане заказали проект «Люди Сцены», ее сразу спросили:

«Сможете выйти на Рыбакова? Он ведь как раз пишет для театра, да и сам по себе незаурядная фигура. Наверняка нашим читателям будет интересно увидеть его на страницах журнала».

Света честно сказала, что не сможет. Выходить на кого-то – это не ее функция. Ее задача – только приехать и сфотографировать. Почему бы сотрудникам журнала самим не договориться с Рыбаковым о съемке?

– А нам он не отвечает, – вздохнула ее собеседница. – И писали ему, и звонили! Игнорирует. Эх, как жаль, что некому убедить его сняться у вас...

Но оказалось, что есть кому.

– Давай я позвоню Олегу, – предложил Дрозд, когда Света поделилась с ним. – Поговорю. Составлю тебе, так сказать, протекцию. Правда, я слышал, что у него чердак переехал в подвал.

– Вы знакомы?! – поразилась Света, пропустив про чердак мимо ушей.

– Чему ты удивляешься? Он до своего затворничества был общительным чуваком. Помню, как-то выпивали мы на «Зеленых Холмах». Это типа слета...

– Я знаю, что такое «Зеленые Холмы», – заверила Света. – Когда сотни чуваков с гитарами собираются на берегу реки, беспробудно пьянствуют и поют романтические песни. А в перерывах между песнями предаются блуду. Я все правильно изложила?

Дрозд возмутился:

– Почему же обязательно романтические? Разные. Вот, например, про Монашку и Осла...

Он засвистел было веселый мотивчик, но под Светиным взглядом осекся.

– Прости, уклонился от темы. В общем, могу поговорить с Рыбаковым. С меня не убудет.

И позвонил, и договорился. А после старательно напускал на себя скромный и безразличный вид, пока Света ахала и восхищалась.

– После, аплодисменты и цветы после, – в конце концов сказал Лешка. – Ты еще с ним не работала. Вдруг в процессе стукнешь Рыбакова экспонометром по башке и проклянешь тот миг, когда я уломал его на съемку!

– С чего это? – подозрительно спросила Света.

– Ну, знаешь ли, он сильно изменился. Это даже по телефону слышно.

– Нет, я не об этом. С чего это я стукну его экспонометром? Уж я найду, чем дать по башке, если припрет.

Дом Рыбакова оказался очень захламленным. Пока Света шла за хозяином, ей под ноги подвернулись четыре собачьих миски, сломанная швабра, большой кусок обоев, исписанный с обратной стороны, куча каких-то деревяшек и совсем странное: оторванный рукав белого халата. Света заинтересовалась было, где хозяин халата, но, подумав, решила, что спрашивать не стоит. Рыбаков выудил откуда-то самодельный стул, поставил перед Светой. Сам сел на продавленный диван.

– У меня очень много дел, – сухо сказал он.

Это переводилось так: «Я очень занятой человек, и вы мне мешаете. Будьте любезны, заканчивайте побыстрее с вашей ерундой и проваливайтесь».

И Света прекрасно поняла, что от нее требуется: извиниться и подтвердить, что она быстренько-быстренько сделает свою работу – и уйдет.

Вместо этого она ответила в тон Рыбакову:

– У меня тоже.

Света не играла в эти игры. Не хочешь сниматься – откажись. Никто не заставлял тебя под дулом пистолета. А если согласился, не веди себя так, будто перед тобой назойливый проситель.

Пару секунд она думала, что Олег выгонит ее. Но он усмехнулся и встал:

– Что ж, тогда начнем.

Вскоре после начала съемки Света почувствовала, что задыхается среди вещей. Их слишком много! Полосатый шарф на полке свернулся клубком, словно аспид. Дряхлый комод с вывалившимся ящиком, как старик с отвисшей челюстью, смотрит из угла. На столе вперемешку – чашки, книги, ноутбук, пепельница, обломки карандашей... Вещи лезли в кадр, вытесняли оттуда человека. Вещи считали, что они важнее.

И в памяти почему-то возник другой дом. Ее собственный.

После смерти отца мама вдруг начала собирать статуэтки. Вся квартира была заставлена дурацкими фарфоровыми фигурками. Пастушки, слащавые собачки, кошечки с бантиками... Свете казалось, что среди них мама уменьшается ростом. Как будто пытается стать такой же, как они. Спрятаться на полке, потеряться среди улыбчивых дам и кавалеров.

И Света ненавидела их за это всей душой.

А фигурок становилось все больше и больше. Они распространялись по всем поверхностям, точно плесень. Света как-то задумалась о том, чтобы выкинуть их все или разбить вдребезги, но ее остановило нехорошее

предчувствие.

А потом наступил день, когда она поняла. Мама стирала пыль со своих безделушек, и на лице ее играла отрешенная улыбка. Руки бережно касались фарфоровых изгибов, легко скользили по ним. Света со странным чувством следила за мамиными пальцами. Ей хотелось закричать, чтобы вывести ее из транса. Нагрубить, обидеть – пусть она лучше плачет, чем так улыбается!

Отчим в соседней комнате включил телевизор, и хор из «Обыкновенного чуда» пропел:

Займемся обедом, займемся нарядами,  
Заполним заботами быт.  
Так легче, не так ли?  
Так проще, не правда ли?  
Не правда ли, меньше болит?

Мама кивала задумчиво в такт музыке. Она не вслушивалась в слова. А Света услышала.

И вспомнила недавний разговор с Дроздом. «Как она могла после папы выйти замуж за этого?! – кричала тогда Света. – Как она вообще могла так быстро выйти замуж?!»

Лешка посмотрел на нее очень взрослым взглядом. И сказал то, что она никак не ожидала услышать.

«Ты знаешь, в Англии одно время существовал интересный закон. Вдовцам и вдовам запрещалось создавать новые семьи в течение, кажется, двух лет после смерти супруга. Как ты думаешь, почему?»

– Потому что это аморально, – хмуро ответила Света.

– Дело не в морали! Закон защищал их имущество, чтобы из-за скоропалительного брака оно не переходило в руки недостойного человека.

– Ни один нормальный человек не станет так быстро жениться после смерти того, кого он любил!

– Ты ошибаешься. Многие из них очень быстро выходили замуж. Буквально за первого встречного. Причем так поступали именно те, у кого брак был удачным.

– Но почему?!

– Потому что они привыкли быть счастливыми, Света.

Дрозд помолчал, дожидаясь, пока смысл его слов дойдет до нее.

– Тот, кто был несчастен, овдовев, наслаждался свободой. А тот, кто

любил супруга, стремился побыстрее найти новую пару. Людям казалось, что так они опять обретут счастье».

...Песня закончилась. Света подошла к полке и принялась расставлять фигурки, зная, что никогда не разобьет ни одну из них.

– Они такие красивые, правда? – Мать со смущенной улыбкой смотрела на нее.

– Очень, – сказала Света. – Очень красивые.

И когда мама вышла из комнаты, даже смогла не расплакаться.

\* \* \*

Почти все время Рыбаков молчал. Это было не враждебное молчание, просто погруженность в себя. Лишь один раз он очнулся от своей задумчивости, когда Света заметила старенький телевизор и вслух удивилась:

– Неужели здесь ловит?

– У меня антенна на крыше, – ответил Олег. – Не такая уж тут глушь. К сожалению.

– Я с трудом нашла к вам дорогу.

– Потому что ехали через Завидово. А можно было с другой стороны – и проще, и быстрее. А в пяти километрах отсюда электричка ходит.

Света мысленно поклялась, что поставит на навигатор другую программу. Или лучше купит бумажную карту.

– У меня один канал настроен: «Культура». – Рыбаков говорил глуховато. – Там неплохие фильмы бывают. Недавно «Золотого теленка» смотрел, новую экранизацию.

– Меньшиков вас не разочаровал? – спросила Света, чтобы поддержать разговор. Рыбаков выглядел немного сонным, ей хотелось его чуть расшевелить.

Рыбаков не просто расшевелился, а вскинулся.

– Меньшиков – отличный актер! – резко ответил он. – Но кто такой актер, вы понимаете? Это сосуд! Его наполняет режиссер. Идеальный актер – это совершенно пустой сосуд, который можно наполнить чем угодно. И когда вы говорите: «ах, удивительно, что такой отличный актер Сидоров так плохо сыграл роль Гамлета», это неверно! Вы должны говорить: ах, как плохо режиссер использовал такого отличного актера Сидорова. Режиссер, понимаете? Это будет справедливо.

Он помолчал и повторил, успокаиваясь:

– Справедливо...

Перед уходом Света не выдержала:

– Олег Иванович, можно один вопрос?

– Один можно, – разрешил Рыбаков.

– Я знаю, вы не любите посторонних в своем доме...

– Не посторонних тоже не люблю. Кроме вас здесь никого и не было.

Почти никого.

– Тогда почему вы согласились на эту съемку?

– Потому что за мной был должок Дрозду. А теперь мы с ним квиты.

– Какой должок? – живо спросила Света.

Ей показалось, что в непроницаемых глазах Рыбакова мелькнуло злорадство.

– А это уже второй вопрос.

\* \* \*

– Давай сначала, – сказал Дрозд. – Итак, ты приезжала к Рыбакову, чтобы сфотографировать его для журнала. Несколько дней спустя Олега убили. Причем в точности так, как в его последней пьесе: закололи ножом. Зачем так сложно? Есть масса более простых и верных способов убить человека. Кто-то очень хотел, чтобы его гибель соответствовала тексту.

– А ты читал эту пьесу – «Человек из дома напротив»?

– Сразу же, как только узнал о его смерти. Света, никаких совпадений. Рыбаков адаптировал для театра старый добрый английский детектив.

– Единство места и времени, замкнутый круг подозреваемых?

– Угу.

– А кто жертва? Писатель? Актер?

– Добропорядочный буржуа. Его семья начинает склоки вокруг убитого, выплывают неприглядные детали их жизни.

Света задумалась.

– Где-то я это уже читала...

– Я тоже, причем не один раз. Идея не нова. Только у Рыбакова в силу обстоятельств герои вынуждены несколько часов находиться с трупом в одной комнате. Напряжение нарастает, все приобретает оттенок абсурда, и они начинают обращаться к нему как к живому. Ну и так далее. Местами смешно, местами жутко.

– Но на нашу ситуацию не проецируется никак.

– Абсолютно. Даже за уши ничего не притянешь. – Дрозд машинально

подергал себя за мочку уха. – Ладно, поехали дальше. Вчера ты отправилась к актрисе, играющей в спектакле по пьесе Олега, и в ее квартире случайно наткнулась на труп. То есть на манекен, который требовался для репетиции. Он лежал в том положении, которое описано в тексте...

– И в котором был найден Рыбаков, – тихо добавила Света.

– Получается, что так. Ты дотрагивалась до тела?

– До манекена? Я тебе уже говорила: нет. Схватила Тихона и побежала оттуда.

– Но вернулась. И хозяйка убедила тебя, что ты видела манекен.

– Это и был манекен! – упрямо воскликнула Света.

– Я с этим и не спору. Стрельникова рассказала о твоей ошибке своему брату и еще одному актеру... Как его...

– Серафимович.

– Серафимовичу. И ты поехала домой. Все правильно?

– Да.

– На такси?

Света кивнула. Да, она вызвала такси из квартиры Анны Васильевны. Машину пришлось ждать больше получаса.

– И, конечно, вы снова попали в пробку, – хмуро сказал Дрозд. – Ты занималась котом и не глазела по сторонам.

Света поняла, куда он клонит.

– Ты хочешь сказать, меня могли легко проследить от квартиры Стрельниковой?

Дрозд приподнялся и зачем-то осмотрел двор.

– Как нефиг делать, – подтвердил он, опять думая о чем-то своем.

– Леш, я тебя сейчас стукну, – серьезно сказала Света. – Прекрати меня пугать.

Он обернулся, вскинул брови:

– Что такое?

– Мне и без того страшно. А ты еще так себя ведешь... Как будто что-то знаешь, но мне не говоришь.

Дрозд раздраженно махнул рукой и сел.

– Ничего я не знаю! Но яма на дороге была вовсе не таких размеров, чтобы ее объезжать. Я еще вчера об этом подумал. Да и тебя очень сложно не заметить на обочине. Водитель должен быть слепой или пьяный.

– Да запросто, Лешка! Мало ли на наших дорогах пьяных водителей!

– Я бы поверил в несчастный случай, если бы в тебя сегодня не стреляли. Свет, подростки не палят по людям из настоящего оружия.

Слишком много совпадений.

Она сникла.

– Мы возвращаемся к вопросу «зачем», – сказал Дрозд. – У меня есть только одна версия: ты увидела то, что тебе нельзя было видеть.

– Что, например?

Тихон, с холодильника внимательно слушавший их разговор, решил переместиться поближе. Подобрался – и сиганул на подоконник.

– Понятия не имею. Слушай... – Лешка потер лоб. – А нож в спине манекена был бутафорский?

– Нож, нож... – забормотала Света, вспоминая. – Я не видела само лезвие. Ручка толстая такая, изолентой обмотана.

– Изолентой?

– Да. Обычной, синей. Там что-нибудь сказано про орудие убийства?

– Лишь то, что это охотничий нож, принадлежавший покойному. Но про ручку Рыбаков ничего не написал.

Дрозд вдруг щелкнул пальцами:

– Светка, а когда ты приезжала к Олегу домой, тебе на глаза не попадалось ничего похожего на этот нож?

Света вызвала в памяти картину рыбаковского пристанища.

– Кажется, нет, – с сомнением проговорила она. – Но там было столько хлама, что я могла и не заметить. Честно говоря, торопилась быстрее отработать и уйти оттуда.

Они уставились друг на друга, озаренные одной мыслью.

– Снимки!

Света схватила ноутбук, быстро нашла нужную папку.

– Будем просматривать все? Их около двухсот.

– Давай хотя бы начнем, – решил Дрозд.

Щелчок мыши вывел на экран портрет Олега Рыбакова, и оба умолкли.

На них смотрел пожилой бородач с невыразительным лицом. Говорили, что Олег обрел в своей деревушке мудрость и покой. Но в глазах на снимке не видно было ни мудрости, ни спокойствия – одна только усталость.

– Сколько ему..? – тихо спросила Света.

– Сорок пять, – так же тихо ответил Дрозд. – А выглядит старше, да?

– Это из-за бороды, – не очень уверенно предположила она.

Дрозд покачал головой. Нет, дело было не в бороде, а в выражении глаз.

– Знаешь, не роман он уехал писать в деревню, – вдруг сказала Света. – Он от чего-то сбежал.

– Или ему просто все осточертело. Выработал ресурс. А когда мы общались, был тот еще живчик. Ладно, листай дальше.

Они просмотрели все кадры, особенно внимательно разглядывая те, на которых встречались предметы. Два общих плана комнаты заставили Дрозда присвистнуть.

– Пусть кто-нибудь еще скажет, что у меня дома бардак!

– Подожди-ка! – Света даже наклонилась к экрану. – Вот здесь, кажется... Точно, шарф! Такой же был на манекене!

– Такой же или похожий?

– Ручаться на все сто не могу, но расцветка у них одинаковая. Дурацкий такой, полосатый. Их на всех лотках продают.

Дрозд вскочил. На его стул с подоконника немедленно перетек Тихон.

– Допустим, это тот же самый шарф, – возбужденно сказал Лешка и пошел обходить маленькую кухню по кругу. – Тогда все понятно. Убийца по какой-то причине забрал его из дома Рыбакова. Может быть, на шарфе были следы, позволявшие привязать его к преступлению.

– Забрал, – подхватила Света, – и вместо того, чтобы сжечь, повязал на шею манекену, к которому через две недели будут прикованы взгляды десятков зрителей. Потрясающе хитроумная идея!

Дрозд остановился и почесал в затылке.

– Черт, ерунда выходит, – признал он. – Хорошо, а если не было никаких следов?

– Тогда зачем брать шарф?

– С этим потом разберемся. Допустим, у убийцы имелись причины. Он приносит его в дом Стрельниковой, обматывает манекен, а потом заходишь ты и видишь эту чертову тряпку! Поскольку совсем недавно ты наносила визит Рыбакову, у тебя возникают закономерные подозрения.

– Какие подозрения у меня возникают? – заинтересовалась Света.

Дрозд поразмыслил и неохотно согласился, что никаких.

– Даже если убийца и совершил настолько глупый и неосторожный поступок, я ему ничем не опасна, – подтвердила Света. – Мало ли в Москве полосатых шарфов!

Дрозд сел на свой стул – и подскочил с воплем. Вслед за ним с воплем подскочил котенок Тихон.

– Ты его чуть не раздавил! – возмутилась Света.

– Еще совсем недавно ты была бы мне за это благодарна, – напомнил Дрозд. – Помнишь, как упрашивала запихать его в мешок и унести куда-нибудь в лес?

Тихон перевел взгляд на Свету.

– Врет, – заверила она. – Не слушай его, Тиша. Иди сюда, я тебя пожалею!

Котенок запрыгнул ей на колени, понюхал чашку с остывшим кофе, поморщился и вернулся на подоконник.

– Это мог быть дизайнерский шарф? – подумав, спросил Дрозд. – Я имею в виду, уникальная вещь, существующая в единственном экземпляре?

– Леш, поверь мне, он был самый обычный.

– Даже если так! Теоретически, на нем могли быть вышиты инициалы владельца?

Свете пришлось согласиться, что могли. Она не рассматривала пристально ни первый шарф, ни второй.

– Вот! – удовлетворенно сказал Дрозд. – Тогда нашли. Это один и тот же предмет, переместившийся из дома Рыбакова в квартиру актрисы. Она убила Олега – кстати, теперь ясно, почему именно такой странный способ убийства, с претензией на театральность. Забрала шарф и повязала на шею манекену. Допустим, у нее такое извращенное чувство юмора. Когда стало известно, что именно ты приедешь делать ее портрет, она попыталась свести время общения к минимуму. С этим ничего не вышло, и тогда она просто запретила выходить тебе из комнаты. Но чего она не могла предвидеть, так это Тихона. Ты побежала искать сбежавшего дурачка и наткнулась на шарф. То есть ты-то наткнулась на труп, но для актрисы имел значение только шарф. Перед тем, как позвать тебя в спальню второй раз, она спрятала шарф и, наверное, выдохнула с облегчением. Но после твоего отъезда ей становится не по себе. Вдруг ты запомнила эту приметную полосатую тряпку с первого раза? Она садится в машину, следит за тобой, ждет у подъезда. Ты играешь ей на руку: решаешь выйти в магазин. С первого раза Стрельникова не смогла тебя убить, и на второй день вернулась подготовленная, с оружием. Ей достаточно было снова проследить за тобой и дождаться, пока поблизости не будет свидетелей. Давай спорить, что машина у нее черного цвета?

Дрозд выглядел торжествующим, как мальчишка, решивший сложную задачу.

– Прекрасная версия, – с сожалением сказала Света. – Вот только Анна Васильевна не снимала шарф с манекена. Собственно говоря, я его заметила только тогда, когда зашла в спальню по ее приглашению.

Торжество мигом стерлось с лица Дрозда.

– Как не снимала? – сердито спросил он. – Быть такого не может! Какой тогда смысл...

– Вот именно. Какой?

Дрозд помолчал, напряженно размышляя.

– Но ведь Стрельникова что-то сделала в спальне! – наконец сказал он. – Она не провела тебя туда сразу, а оставила дожидаться в прихожей. Сколько прошло минут? Две? Три? Зачем ей потребовалось тянуть время, объясни мне! Она как-то использовала его.

Лешка бросил взгляд на Тихона, прищурился – и вдруг щелкнул пальцами:

– Полосатый шарф, точно! Именно такой, который продается на всех лотках!

– Ну и что?

– Да очень просто. Когда ты заглянула в спальню первый раз, на манекене был шарф Рыбакова. А во второй раз уже другой, один из множества полосатых шарфов, которые есть у Стрельниковой. Она подменила одним из своих. Можешь изложить эту версию следователю. Заодно попроси узнать, какая у нее машина.

Теперь наступил Светин черед вскакивать и мерять шагами кухню.

– Допустим! – с горячностью сказала Света. – Допустим, на нем монограмма! Стрельникова сообразила, что я фотограф, что у меня неплохая память на детали, и решила, что от меня нужно немедленно избавиться, потому что я свяжу ее с Рыбаковым. Я готова в это поверить, хоть и с натяжкой! Но объясни мне, зачем ей забирать шарф из дома убитого?! Выдвинь хоть одну версию, которая выглядела бы правдоподобно! Я не могу придумать ни одного подходящего объяснения, потому что убийца всегда, всегда старается скрыть улики. А ты пытаешься убедить меня в том, что он не только не скрыл их, но и положил на самое видное место.

Она выдохлась и села. И тут же подскочила, вскрикнув от испуга.

Тихон, только было перебравшийся на ее место с подоконника, издал вопль обиды и гнева. Он полагал, что все поверхности в квартире созданы для того, чтобы на них лежал кот. И был крайне возмущен тем фактом, что за последние десять минут его дважды пытались расплющить.

– Я с ним когда-нибудь стану заикой. – Света прижала руку к колотящемуся сердцу. – Если меня раньше не убьют.

– Даже шутить так не смей! – рассердился Дрозд. – Убьют ее... Я тебя сам убью за такой юмор.

– Извини, извини, – примирительно сказала Света. – Но, Леш, наше с тобой расследование – это несерьезно. Сидим тут, пытаемся придумать версии... Убивать меня из-за того, что я могла заметить какой-то шарф?! Никогда в это не поверю!

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Дрозд. – Согласен, дело может быть и не в шарфе. Тогда вспоминай, что еще странного ты видела на трупе. Тьфу ты, на манекене.

Света пожала плечами:

– Гольфы. Кстати, тоже полосатые. Серый свитер. На брюки не обратила внимания. Стрельникова упоминала, что у него очень реалистично выполнены кисти рук, но я на них не смотрела.

– Свет, а оба раза, что ты заходила в спальню, ты видела один и тот же манекен?

Света изумленно воззрилась на друга.

– В каком смысле?

– В прямом. Перед тем, как позвать тебя, актриса что-то делала в спальне. Она могла за это время спрятать куклу и положить вместо нее другую?

Света припомнила, сколько времени она стояла в прихожей. Представила размер шкафа в спальне. В таком шкафу без труда поместились бы и четыре манекена.

– Да, могла. Но для чего?

– Я просто пытаюсь думать в разные стороны.

Она улыбнулась, хотя ей было совсем не весело. «Думать в разные стороны» – это ее выражение.

Тихон снова выполз откуда-то и подкрался к ним поближе.

– Мало тебе доставалось? – спросила его Света. – Сегодня не твой день. И стулья не твои, ясно?

Котенок посмотрел на стол, словно прикидывая расстояние от пола до столешницы.

– Даже не думай! – предупредила Света. – На стол нельзя!

Ветер дохнул в приоткрытое окно. Легкая кисея наполнилась воздухом и надулась, точно парус. Котенок взлетел на холодильник и потрогал занавеску лапой.

– Тиша!

Тот отдернул лапу и свесил голову вниз. На морде его появилось выражение, хорошо знакомое Свете.

– Леш, он сейчас начнет разговаривать, – вздохнув, предупредила она.

– Кто, Тихон? Пусть разговаривает. – Дрозд ничуть не удивился ее словам. – Как будто я говорящих котом не видел.

«Таких не видел», – хотела сказать Света, но сдержалась. Сам все услышит.

Дрозд налил себе остывший кофе, бухнул три щедрых ложки сахара.

– Давай сварю свежий! – предложила Света. – Ты издеваешься над благородным напитком.

– Мня! – подтвердил Тихон. «Издевается!»

Дрозд покосился на него.

– И так сойдет. На чем мы с тобой остановились? На том, что у троих актеров была в то утро репетиция.

Котенок издал звук, который любой кошатник распознал бы как отрицательное мяуканье. Это был короткий отрывистый мяв, заставивший Дрозда посмотреть на него внимательнее.

– У двоих, – поправила Света. – Да, они отработывали какую-то сцену. Виктор – режиссер, его присутствие им необходимо.

– А заодно и продюсер, если я правильно помню. Так?

– Мяк! – утвердительно вякнул Тихон со своего холодильника.

– А Олег работал в «Хронографе», значит, знаком со всеми троими.

– Мяк!

– Он ведь не только писал для театра, но и играл там несколько лет назад.

– Мяк!

Дрозд со стуком приложил чашку об стол.

– Света! Это что?!

Она пожала плечами:

– Я ведь предупреждала. Он хочет общаться. А общается он обычно с людьми. С кем же еще?

– Ты что, подаешь ему сигналы? – заподозрил Дрозд.

– Да какие сигналы! Он сам по себе такой болтливый, от природы.

– Мяу, – согласился Тихон.

– А заткнуть его как-нибудь можно? – в отчаянии спросил Дрозд. Котенок фыркнул.

– Ты же любишь котов, – ехидно заметила Света. – Кто мне твердил, что у каждого человека в доме должен быть минимум один кот?

– Так кот, а не попугай!

– Мняу? – оскорбился Тихон.

– Это комплимент, – бросила в его сторону Света. – Попугаи очень мудрые птицы.

Тихон промолчал.

– Что насчет отвлечь? – настаивал Дрозд. – Он мешает полету моей мысли.

– На моей памяти, переключить его удалось единственный раз, – со скрытым злорадством сообщила Света. – Когда я упала с унитаза и чуть не

сломала ногу.

Дрозд поперхнулся кофе.

– Я понимаю, от тебя всего можно ожидать, – сказал он, откашлявшись. – Но объясни мне, как можно упасть с унитаза? Или ты надралась?

– Надираться – это твоя прерогатива, – с достоинством парировала Света. – Я всего лишь залезла на унитаз, чтобы добраться до бачка.

Если бы в эту секунду Дрозд мог во что-то превратиться, он бы стал большим вопросительным знаком.

– Стремянка сломалась, – оправдалась Света. – Стул тащить было лень. А иначе я не достала бы, он у меня высоко.

Дрозд просвистел короткий мотив.

– У «Несчастливого случая» есть песня про радио, а в ней такие слова: «Зачем ты полезла в траншеекопатель, если отчизна тебя не просила?»

Света казалась искренне удивленной его недогадливостью.

– Потому что на бачке сидел Тихон. Он туда запрыгнул, а слезть боялся. Ну, знаешь, как это бывает с котами.

– Не знаю, – сказал Дрозд. – У меня были разные коты. Но чтоб на бачок мог, а с бачка нет, я слышу впервые.

– Поверь мне на слово. Он сидел там и рыдал. Было два часа ночи, я хотела только одного: выключить ему звук. Как только я пришла, он страшно обрадовался и начал со мной разговаривать. Вот так: я-мняю-умняю!

– Умняю! – презрительно сказал Дрозд. – Тупняю и дурняю. Я понял: ты полезла снимать его с бачка и соскользнула с унитаза. Знаешь, ты меня прости, конечно, но на правах старого боевого товарища скажу: вы друг друга стоите.

– Мя! – согласился Тихон, внимательно слушавший их.

– Мя, – поддакнула Света.

Дрозд посмотрел на них и осторожно отодвинулся подальше вместе со стулом.

Человек, дожидавшийся фотографа во дворе, беспокойно переступил с ноги на ногу и сел на скамейку. До чего же паршиво, что о планах этой девахи ничего не известно.

Время, время – вот что его терзало. Время уходит стремительно. Что там с расхожей метафорой? Утекает сквозь пальцы? Если бы! Время не утекает, оно разбивается вдребезги на тысячи минут, и не успеешь обернуться – а ничего уже и нет. Только что был владельцем целого мешка

звонких отборных минуток, почти невесомых секунд и увесистых часов. А теперь? Стоишь, как нищий, с пустым мешком, и не можешь понять, что ты приобрел за отданное время.

Или попросту потерянное?

Сегодня пришлось заgrimироваться. И на это тоже уходят бесценные часы, но без маскировки нельзя: фотографиня перепугалась до смерти, она будет очень осторожна. Довольно сложный грим превратил того, кто дожидался ее, в пожилую оплывшую женщину. На таких никто не обращает внимания. Они из тех, кого запоминаешь не в лицо, а по породе семенящей рядом собачки. Если в один прекрасный день поменять женщину на другую, а собачку оставить прежнюю, соседи по-прежнему будут здороваться, не замечая подмены.

Люди невероятно любопытны и при этом до смешного ненаблюдательны.

Выйдет ли она сегодня? Или забаррикадируется в своей квартирке, станет заказывать еду на дом? Даже если так, ей никуда не деться от встреч с клиентами. Только бы она не перетрусилась настолько, чтобы бросить все и уехать!

Человек во дворе поднял голову и посмотрел на окна пятого этажа.

Ему был виден кот, сидящий на подоконнике. Мерзкая кошачья рожа, прижавшаяся к стеклу. Зверь как будто рассматривал его сверху и насмехался.

Не зря он ненавидел кошек. Вонючие, самодовольные, тупые! Но зато теперь, когда он увидел кота, не осталось почти никаких сомнений: это ее окна.

«Выйди-выйди-выйди-выйди!» Человек во дворе повторял это как заклинание. Со стороны казалось, что пожилая, не очень опрятная женщина напевает колыбельную малышу, мирно спящему в коляске.

Случайный прохожий, взглянув на нее, мог решить, что это няня. Может быть, он и задумался бы, зачем няня закрывает коляску пологом, когда солнце уже низко. Но, скорее всего, он не обратил бы на это внимания. Так же, как и на профессиональные беговые кроссовки, стоившие дороже, чем две коляски. И на слишком резкие движения няни, от которых младенец давно должен был проснуться и раскричаться.

Большинство людей до смешного ненаблюдательны.

В окно били лучи заходящего солнца и Дрозд задернул шторы, мельком взглянув вниз. Во дворе тихо и спокойно. Только одинокая няня качает коляску, да пара мальчишек лениво гоняет мяч в узком проходе

между домами.

Что-то словно слегка царапнуло его, пока он смотрел в окно. Мелкая неправильность в происходящем... Нет, ерунда, какая еще неправильность? Разве что мальчишки двигаются со странной медлительностью. Но попробуй сам побегай по асфальту, выдыхающему накопленный за день жар. Все в порядке.

Дрозд поправил шторы и вернулся на место.

– О чем мы с тобой говорили?

– О том, что Олег когда-то был актером. Постой...

Света поняла, что не задумывалась над этим. Но Дрозд прав: Рыбаков не только писал для театра, но и играл в нем.

Значит, и Анна Васильевна должна быть хорошо знакома с ним. Но тогда странно...

– О чем думаешь? – спросил Дрозд, наблюдавший за ней.

– О том, что Стрельникова никак не отреагировала, когда я упомянула о Рыбакове, – медленно сказала Света.

– А ты упоминала?

– Да. То есть нет. Сначала она объяснила, что репетирует пьесу, и назвала фамилию автора. Я что-то ответила, и мы переключились на другую тему. И больше про Рыбакова не было сказано ни слова. И, понимаешь, это-то странно!

– Что именно?

Света всплеснула руками.

– Ну как же! Представь, что убили автора пьесы, в которой ты играешь главную роль. Ты разговариваешь с посторонним человеком и выясняешь, что тот знает убитого. Пусть не лично, пусть только слышал его имя. Но неужели ты не скажешь: «а вы в курсе, что он умер?» Обязательно скажешь! Разве не так? А Стрельникова ничего мне не сказала. Она вела себя как ни в чем не бывало.

– Ну подожди! Она могла не слышать о его гибели. Ты же не слышала.

– Леш, не могла! Она не могла не знать! Он работал с ними бок о бок несколько лет! Известие о его смерти должно было разнестись моментально. Это я ни о чем не знаю, потому что сижу в информационном вакууме. Но театр должен был гудеть!

– Лишнее доказательство в копилку виновности Стрельниковой, – подытожил Дрозд. – Знаешь, у меня появилась идея. Следователь оставил тебе свой телефон?

– Конечно.

– Позвони ему и поделись нашими соображениями. Всеми, даже

самыми дурацкими.

– Он меня высмеет, – робко заикнулась Света.

– Не высмеет, – заверил Дрозд. – Наоборот, будет тебе очень признателен за то, что навела его на связь с убийством Рыбакова.

Подумал немного и хмыкнул:

– Впрочем, это я ерунду спорил, конечно. Благодарен он тебе не будет. Потому что теперь свалить стрельбу на подростков не получится.

– Это и есть твоя идея?

– Нет. Идея моя в другом. Ты хорошо запомнила дорогу до Малиновки?

## Глава шестая, в которой нет Кота, но зато есть Коза

Капитолина Григорьевна Чернова, а по-простому – Капа, вышла из дома, чертыхаясь и бранясь. Что-что, а ругаться Капитолина умела. Характер она имела вспыльчивый, а жизнь в Малиновке хоть и была на первый взгляд тиха, но каждый день давала поводы для гнева.

Вот, скажем, сын председательши сельсовета! Сама председательша – тетка дельная, с этим Капа спорить не могла. Но отрок ее, великовозрастный балбес Степка, пошел не в мать, а в своих отдаленных предков, висящих на ветвях и дико хохочущих на весь лес. Чем еще объяснить его тягу к зубоскальству?

Только третьего дня Капа на всю улицу чехвостила подлеца. А все почему? Потому что Степка, собачье отродье, забежал с утра к Капе и предупредил, что в Малиновку везут студентиков-филологов, собирающих фольклор. Она не удивилась. Студентики появлялись раз в пару лет, обходили дома и с внимательными лицами слушали старух и стариков. Раньше, как помнилось Капе, записывали за ними в блокнотики и тетрадошки, а в последнее время обленились, стали с диктофонами приходить.

– ТетьКап, интеллигенцию везут! – крикнул Степка. – Фольклору хотят! Ядреного, народного! Говорят, состязание по селам устраивают. Не посрамите честь Малиновки, тетьКап, христареди!

Капа шуганула Степку, но беззлобно. И горделиво выпрямилась. Правильно, к кому же еще ехать, как не к ней! Ей хоть и стукнуло восемьдесят позапрошлым летом, но до маразма далеко. А соседка Валя – молодая баба, еще и семидесяти нет, а уже заговариваться начала. Все флоксы выращивает в палисаднике да разговоры с ними ведет.

Ради студентиков Капа не собиралась принаряжаться. Только платок повязала на голову, а то в кепке ходить как-то неуважительно. И надпись на любимом головном уборе ее немного смущала. Все ж таки хорошо бы знать, что у тебя на лбу написано. А спросить Капе не позволяла гордость: никто во всей деревне, кроме того же балбеса Степки, по-английски не понимал.

Студентов подвезли через час. Руководитель их, сушеный таракан в очках, постучал деликатно в Капину калитку и заискивающе улыбнулся.

– Здравствуйте, Капитолина Григорьевна! Нам сказали...

– Да проходите вы! – оборвала его Капа. – Чего в дверях-то рассусоливать!

Гости сразу полезли по своим сумкам. Кто телефон достал, кто тетрадку. На первых Капа посмотрела неодобрительно, а ко вторым – со всей душой. Студентики были мелкие, чахлые, замухрышистые. Оробели от Капиного тона, засмутились.

Капа решила сразу брать быка за рога. Репутация Малиновки для нее не пустой звук, отстоит она ее в честном сражении. Хотят фольклору – сейчас получают!

– Ну, начнем, значит! – объявила Капа.

Вышла на середину комнаты, топнула ногой, повела рукой красиво, как лебедь крылом, и завела в полный голос:

– Полюбила тракториста,  
Да пошла на сеновал...

Допев частушку, она тут же перешла к следующей. Краем глаза отметила, что сушеный аж рот открыл от восторга. Да и студентики впечатлились: даже забыли про тетрадки.

Вдохновленная зрительской реакцией, Капа пропела своим сильным голосом, разносившимся на весь дом:

– У миленка у мово  
В штанах нету ничево!..

В следующих строках она решила проблему несчастного миленка и быстрой скороговоркой выдала серию похожих частушек: пусть записывает молодежь!

– Подождите! – выдавил сушеный, наливаясь красивым багрянцем.

Но Капу было не остановить.

– Эх, купил себе доху я! – задорно выкрикнула она в лицо руководителю. И сразу уточнила размеры дохи.

Тот так и сполз по стеночке.

Капа пошла с козырей и выложила весь запас. И про баржу спела, и про железяку, что дрейфует до Кукуева, и про то, почему девкам замуж ходить не надо. Про Ивана Кузина проговорила речитативом: видела, что

сейчас остановят. «На конкурентов работает! – зло подумала Капа про руководителя. – На горбатовских». В Горбатове жили два старика-сквернословия, но специализировались все больше на политике. А у нее, у Капы – вся жизнь, как она есть.

– Да замолчите же вы! – к сушеному таракану наконец-то вернулся голос.

Капа неохотно смолкла.

Но произведенным впечатлением она была довольна. Студенты сидели как пыльным мешком ударенные. Вот разве что в тетрабочки свои ничего не записали.

– Повторить? – деловито спросила Капа.

И тут руководителя прорвало.

Из всего бурного потока его восклицаний и междометий Капитолина выловила несколько слов: школьники, устное наследие, колыбельные. Она схватила со столика очки, нацепила их и, охваченная неприятным подозрением, уставилась на студентов.

Через десять секунд дом содрогнулся от яростного крика:

– Степаааан!

Если бы Малиновка находилась в сейсмоопасной зоне, на нее бы обрушилось землетрясение.

Капа выскочила на улицу.

– Степаааан!

Даже не блещущие умом куры, осознав, что приближается катаклизм, попрятались во дворах. За спиной Капы красный руководитель поспешно вывел детей, построив их попарно. Лица у школьников были отрешенные. Губы шевелились, шепча запомнившиеся строки. Счастливики, записавшие Капино выступление на телефоны, прижимали их к сердцу.

С видом оскорбленного достоинства руководитель довел своих подопечных до школьного автобуса, погрузил и увез залечивать моральные травмы. А Капа помчалась вершить правосудие.

Как и следовало ожидать, негодяй Степка закрылся в доме и, кажется, даже забаррикадировался. Капа бушевала под окнами председательши полчаса, пока не охрипла. На это время деревня вымерла. Ненароком высунувшегося из подворотни кота снесло обратно потоком брани.

– Завтра еще приду! – каркнула напоследок Капитолина и ушла.

Но назавтра подлец Степка уехал в город, и Капа осталась неотомщенной.

Теперь же Капитолина ругалась на козу. Козу звали ласковым именем Сисястая, а когда Капа была не в духе, то Зараза.

Зараза повадилась выдергивать колышек и удаляться с волочащейся веревкой куда глаза глядят. Капа стала привязывать ее к забору. В первый же день коза уронила хиленький заборчик и потащила его за собой, как борону, выдирая перепуганные ромашки. Капа отходила ее хворостиной, и на два дня коза присмирела.

На третий день она вырвала из забора одну перекладину – ту самую, к которой была привязана веревка. И пока ее не хватились, успела забрести в открытый палисадник соседки Валентины, где произвела чудовищные опустошения.

Увидав сытую козу, из пасти которой свисал последний флокс, Валентина схватилась за сердце.

А Капа вновь схватилась за хворостину.

Нынешним утром она привязала козу перед домом. Но на этот раз не к заборчику, а к дереву: рябине толщиной в руку. Погрозила козе кулаком:

– Смотри у меня, зараза!

И ушла в дом.

Когда пару часов спустя она выглянула из окна, козы у рябины не было.

Капа ощутила то, что мог бы ощутить начальник Синг-Синга, недосчитавшийся одного из заключенных. Она протерла глаза. Рябина стояла на месте и смущенно краснела. Коза исчезла.

Тут-то Капа и выскочила наружу, желая козе немедленной и небанальной гибели.

– Чтоб тебя глисты изнутри повыели, заразу! Чтоб у тебя вымя лопнуло! Чтоб ты на свои рога напоролась!

И осеклась. По улице к ее дому приближались двое, ведя на поводке сбежавшую козу.

Мужчина был исключительно высок и, на взгляд Капы, весьма хорош собой. Он напомнил ей художника, что приезжал в Малиновку лет десять назад и три месяца снимал у нее комнату. Художник был веселый и обаятельный, но ни к какой мужской работе не пригодный. Целыми днями шатался по окрестностям, возвращался весь в репьях и злых колючках череды, точно загулявший пес. «Никчемушный ты мужик! Легкомысленный!» – выговаривала ему Капитолина. Художник хохотал и соглашался. Капа и хотела бы разозлиться на него, но когда смотрела, как он хохочет, все запасы ее злости куда-то испарялись.

А в августе, за три дня до его отъезда, запылал дом Кузнецовых. Лето в том году выдалось знойное, горело везде, но Малиновку огонь до поры обходил стороной. Да только на сей раз не обошел.

Никчемушный художник тушил пожар вместе со всеми. А когда заметили, что среди выбравшихся из пожара не хватает двоих, вылил на себя ведро воды и рванул в дом.

Уже после выяснилось, что один из Кузнецовых накануне крепко выпил и проспал весь пожар в чужой бане. Внутри оставалась лишь дряхлая старуха, которой и без того пришел срок помирать. Никто бы в своем уме за ней не полез, и только полный кретин мог сунуться в огонь, к которому и подойти-то было страшно.

Все это она и высказала потом художнику. Орала так, что чуть стекла в доме не вылетели, аж себя не помнила от злости. Тот, дурачина, смеялся-смеялся, а потом перестал. «Ну что ты, – говорит, – Григорьевна, ну не плачь, ну все же хорошо закончилось».

Тьфу, дурень бестолковый.

Капитолина пригляделась к приезжему. Носатый, с сильным подбородком – все как ей нравилось. И глаза голубые, точно цветки цикория. Она машинально провела рукой по волосам, прихорашиваясь. Ладонь наткнулась на кепку, и Капа поправила ее.

И у девицы рост не подкачал. Капа даже уставилась ей на ноги: неужели на каблуках прицокала? Нет, в кроссовках. А ростом не намного ниже приятеля.

У этой черты были мягче. «Совсем не красавица», – удовлетворенно отметила Капа. Разве что лоб хорош: высокий, гладкий. И волосы цвета липового меда тоже ничего, хоть и торчат короткими лохмами. Когда подошла ближе, стало видно, что глаза серые, беззащитные, как у близоруких.

Капа порылась в памяти, вспоминая, на кого же похожа эта сероглазая. Память у Капы была подобна хорошему архиву, и карточек за всю ее долгую жизнь накопилось много. Так много, что лет с шестидесяти она не заводила новых, а лишь ставила мысленную пометку: копия Степана Сурякина. Или: вылитая Фая Зацепина.

Наконец она вспомнила. Вылитая младшая девчонка Симоновых! Две старших сестры ее были красавицы, в чернобровую мать, а младшая Варя – ни то ни се. Правда, голос мягкий, нежный, как первый снег. Начнет говорить – заслушаешься.

Удивительно, конечно, что из троих сестер именно Варька вышла замуж за того паренька... как же его звали? И не вспомнить уже. Каждое лето из Питера приезжал к бабке погостить, жил с ними по соседству. Недурной собой был хлопец, ничего не скажешь. В очередное лето приехал, как всегда, один, а уехал с Варварой. Сестры от злости локти себе

искусали.

Капа тоже никак не могла взять в толк: что он нашел в Варьке? Сестры – кровь с молоком, огонь в глазах, не подходи – ух, обожгут! А Варька как веточка вербы: тоненькая, неброская.

И чем она соседа взяла? Загадка.

Тем временем приезжие подошли к ней. Оба очень вежливо поздоровались, и парень сказал:

– Мы козу встретили на краю деревни. Не ваша?

– А чьей же ей еще быть, гадине, – кокетливо ответила Капа, забирая у него веревку. И замахнулась на козу: – У, зараза!

Но не ударила. У нее было правило: при посторонних – никаких разбирательств.

– Спасибо, что привели. А вы что же – в гости приехали? Или дом присматриваете?

Парень вытер пот со лба, и тут Капа заметила, что оба измучены. Девица поглядывала на скамеечку у палисадника, но без спроса сесть не решалась. Вежливая! Это хорошо. И попросить не спешит. Соображает, значит, что к Капе нужно со всей осторожностью! Тоже хорошо.

– Нет, мы по другому поводу, – сказал парень.

– Это по какому же? – насторожилась старуха, мигом вспомнив, что последние шесть месяцев скручивала показания счетчика. Ох, чуяла душа, не нужно хитрить! По совести нужно жить, не обманывая!

– У вас тут беда случилась несколько дней назад. Человека убили.

Капа тут же успокоилась. Счетчик, значит, ни при чем. Ну и ладненько! Совестьным хорошо быть, когда богатый, а если бедный, тут уж не до совести. Можно и дальше показания подкручивать: государству все равно, а ей трат меньше.

– Олега! Упокой господи его душу. – Капа перекрестилась. – Полиция уже была, всех допросили.

– А мы не из полиции, – вступила девица. Говорила она тихо – то ли от усталости, то ли голос слабенький. – Нам поручили собрать материал для статьи.

– Журналисты! – осудила Капа.

– Практиканты, – потупился парень. Вскинул на нее голубые глаза и спросил: – Вы нам поможете? На вас вся надежда!

Тут Капа и растаяла.

Света наблюдала, как Дрозд очаровывает старушку, и понемногу приходила в себя.

Они провели в деревне не меньше полутора часов, обошли двенадцать дворов – и все безрезультатно. Рыбаков жил очень замкнуто, дружбы ни с кем не водил. Никто из жителей ничего о нем не знал.

Но удивило Свету не это. Она встречалась с Рыбаковым и понимала, что он построил вокруг себя прочную стену.

Ее поразило полное равнодушие деревенских к его смерти.

– Не понимаю! – говорила Света Дрозду после очередной неудачной попытки. – Произошло убийство! Люди должны его обсуждать, строить предположения, подозревать друг друга, наконец. А они ведут себя так, словно у них раз в неделю кого-нибудь закалывают и всем это уже приелось!

– Вот и я не пойму, в чем дело, – признался Дрозд. – Думал, что с нами охотно станут разговаривать. Выходит, ошибся. Ну и на фига такие ландыши?

Он негромко пропел:

– Ты однажды мне принес гидравлический насос... Ландыши, ландыши!

И засвистел хорошо знакомую Свете мелодию.

Они спрятались в тени раскидистой липы. Где-то вверху бурлили то ли осы, то ли пчелы. Казалось, сам ствол дрожит от их жужжания.

Дрозд задрал голову и прищурился.

– Мы с тобой сидим прямо под гнездом, – сообщил он. – Здоровое, собака.

– Плевать мне на гнездо. – Света утомленно прикрыла глаза. – Я отсюда никуда не пойду. Здесь тень...

– ...и примерно две сотни ос.

– Скажи им «соль-вода-соль-вода-соль-вода». Тогда не укусят.

Крупная оса подлетела к Дрозду и покружилась над ним.

– Соль-вода, – неуверенно сказал Лешка. – Ай, черт!

Он вскочил.

– Это неправильные осы! – лениво сказала Света. – Они готовят...

Над ухом у нее пронзительно зазвенело на три голоса.

– Не знаю, что они готовят, но я точно присутствую в рецепте! – Дрозд быстро вышел из тени, отмахиваясь от насекомых.

Осы провожали его, пока он не оказался на достаточном расстоянии от дерева. И лишь тогда вернулись обратно.

Пришлось и Свете выползть из укрытия.

– Может, полиция запретила разглашать информацию об убийстве? – предположил Лешка.

Света покачала головой:

– Они не выглядят как люди, которым что-то запретили. Они выглядят так, как будто им все равно.

Впереди замаячило что-то белое. Подойдя ближе, Света увидела белую козу с пятном на боку.

– Балерина! – Она обрадовалась козе, будто старой знакомой. – Смотри-ка, двойным узлом привязали.

Дрозд внезапно ухмыльнулся и присел на корточки.

– А узелок-то слабенький. И рядом ни души. Как по заказу!

– Эй, ты чего? – испугалась Света. – Что ты задумал?

Дрозд поднял голову, подмигнул и спросил:

– Тебе раньше не приходилось воровать коз?

Старуха, которую звали Капитолиной, в дом их не пригласила. Но разрешила сесть на скамеечке возле палисадника и вынесла две кружки с холодным козьим молоком.

Света поднесла кружку к губам и сморщилась. Она с детства ненавидела козье молоко – не только вкус, но и запах.

Дрозд сделал страшные глаза. «Не могу!» – беззвучно взмолилась Света. «Надо, Федя, надо!» – так же беззвучно ответил Лешка.

Капитолина обернулась к ним, и Света пожалела, что не взяла с собой камеру. Старуха им попалась колоритная – тощая, мелкая и шустрая, как Шапокляк. На голове у нее красовалась ярко-желтая кепка с надписью, которую Света никак не могла разобрать.

– А что это вы молоко мое не пьете? – хмуро спросила хозяйка. – Брезгуете? Или микробов боитесь?

– Боимся! – пискнула Света, увидев единственный шанс избежать мучений.

– Не бойсь! Оно кипяченое!

Тут Свете совсем поплохело. Хуже козьего молока могло быть только кипяченое козье молоко.

Но деваться некуда. Обидишь хозяйку – потеряешь последний шанс выяснить хоть что-то об убийстве Рыбакова. Правда, шанс и без того был дохленький, призрачный: откуда ей знать то, чего не знают остальные жители! За пять минут разговора стало ясно, что старуха свирепа и несдержанна на язык. Такая точно не могла иметь никаких дел с Рыбаковым.

Под пристальным взглядом старухи Света задержала дыхание и быстрыми глотками стала проталкивать в себя белую жидкость.

К середине кружки она приостановилась и удивленно заглянула в чашку. Дрозд уже вытирал белые усы.

– А это точно козье молоко? – рискнула спросить Света.

– Нет, это я кота подоила, – рявкнула в ответ мигом рассердившаяся Капитолина. – Козье, конечно! От Заразы моей.

– Вкусно, – призналась Света. – Очень.

И уже не торопясь, с чувством допила остатки. Молоко было совсем не такое, как в детстве. Оно пахло орешками и чем-то сладким, похожим на пыльцу. Как будто коза питалась цветками флоксов.

Впрочем, достаточно было взглянуть на Капитолину, чтобы понять, насколько нереально это предположение. Да и флоксы вокруг не росли.

– Еще бы не вкусно! – Старуха немного смягчилась от комплимента. – Лучше молока, чем от Сисястой, не найдете. Это и усопший говорил. Так и напишите в своей статье! Прямо в заголовке и поставьте.

На миг Света ярко представила новость в Яндексе: «Усопший хвалил молоко Сисястой». А что, ничуть не хуже других заголовков.

– Какой усопший? – мигом спросил Дрозд.

– Ну, Олег. Сдержанный был мужчина, говорил мало. Я его однажды за это отлаяла по первое число. Прихожу к нему с банкой, а он такой: «Спасибо, Капитолина Григорьевна, деньги на полочке». Ну я ему и высказала все. А потому что нечего! Верно?

Света и Дрозд хором кивнули.

– Пришли к тебе – не стой бирюком! – горячилась старуха. – Нету настроения – поругайся! Есть настроение – поговори по-хорошему! А так, чтобы молчать, этого не надо!

Она сняла кепку и вытерла пот со лба.

Света с Дроздом переглянулись, переваривая информацию.

– Значит, вы продавали ему молоко? – осторожно начал Дрозд.

– Продавала. Молоко есть, что ж не продать?

– А часто заходили, Капитолина Григорьевна?

– В понедельник заходила и в четверг. Два литра оставляла, ему хватало. Предложила как-то больше, а он отказался.

Дрозд покивал, будто услышал нечто мудрое.

Света понимала его. Он подходил к делу издалека, боясь спугнуть старуху прямыми расспросами.

А вот Света не боялась. Ей надоело поджариваться на солнце и отгонять комаров. К тому же дома ждал оголодавший Тихон.

– Капитолина Григорьевна, а вы знаете что-нибудь о смерти этого Олега? – в лоб спросила она.

Старуха уставилась на нее и фыркнула. «Сейчас скажет: откуда же мне знать!» – подумала Света. Они с Дроздом уже несколько раз слышали сегодня эти слова. Лешка за спиной старухи укоризненно покачал головой.

– Как же мне не знать, когда я его и нашла, – проворчала Капа.

– Что?! – в один голос воскликнули оба.

Старуха посмотрела на них снисходительно. У парня глаза стали узкие, как льдинки. А девица, наоборот, округлила их в изумлении, так что даже подслеповатая Капитолина увидела, что они не просто серые, а серые с золотыми точками.

– Я нашла, я, – подтвердила старуха. – Кому еще-то? У него никто и не бывал, кроме меня. Я ему банку молока принесла с утра, постучалась – не открывает. Ну, думаю, спит. Зашла – тихо. И собака не гавкает. Тут я сразу сообразила, что беда стряслась. Только про убийство не думала, решила, что сам от сердца помер. В комнату заглянула – лежит, бедный, посреди кровати.

– И нож из спины торчит, – тихо сказала Света, вспомнив встречу с манекеном.

– Торчит. И дырка во лбу виднеется.

– Какая еще дырка? – вскинулся Дрозд.

Капа удивленно посмотрела на него.

– От ружья, от чего же еще.

– Какого ружья?!

Капа покачала головой. Правду говорят: если мужик хорош собой, то непременно дурак.

– Из которого Олега застрелили! – внятно, как маленькому, объяснила она.

Пришлось все-таки завести непрошенных гостей в дом. Они так насели на Капу с расспросами, услышав о ружье, что она поняла: быстро от них не отвяжешься.

Особенно настойчиво расспрашивал парень. Под его натиском хозяйка созналась, что о ружье она сказала наугад.

– Не разбираюсь я в ваших пукалках! Может, и не из ружья его застрелили. Может, из пистолета! Только дырка у него в голове была такая, что лягушка бы пролезла!

Парень насмешливо поднял брови.

– Может, и не лягушка, – спасовала Капа. – Но муха бы точно. Значит, с монету была дырка, с копеечную.

Слушая их диалог, девица отчего-то побледнела.

– Капитолина Григорьевна, вы уверены, что он умер от выстрела?

Тут Капа рассердилась не на шутку.

– Если я в твою глупую голову выстрелю, думаешь, ты живой останешься? Сам дурень, или меня за дуру держишь?

– Ни в коем случае, – открестился парень, не уточняя, какой из предложенных вариантов он отверг. – Но ножом-то вы меня колоть не будете, правда?

– Зачем мне тебя колоть? – прищурилась Капа.

– Чтобы убить. Потому что его убили ножом, об этом в газетах писали.

Капа посоветовала наилучший способ использования этих газет. Совет был дан с применением высокохудожественных оборотов, и бледная девица начала розоветь обратно.

– Но ведь нож... – попытался сказать парень.

Капа и ножу нашла применение. Девица покраснела еще сильнее.

Голубоглазый красавец посмотрел на подругу и ни с того ни с сего рассердился.

– В полицейских сводках писали, что Рыбакова убили ударом ножа в спину, – отчеканил он. – Откуда, черт возьми, взялось ружье? На кой ляд человека сначала застрелить, а потом заколоть?

– Вот и полиция так сказала! – подхватила Капитолина. – Этот, усатый, который меня допрашивал.

– Опрашивал, – вдруг влезла девица.

– Чего?

– Это был не допрос.

Капа махнула рукой:

– Один бес! Ничего, сказал этот усатый, не понимаю. Сначала застрелили, а потом еще и ножом добавили. Ладно бы если наоборот. А тут никакой логики.

Последние слова она повторила, очень точно копируя интонации следователя. Так, что Света легко представила худого мужчину с коротко постриженными усами, какие носят бывшие военные. И эксперта представила, сидящего над трупом и согласно кивающего: никакой логики, Костя, совершенно никакой.

– Следователя звали Костя? – спросила она.

– С чего бы это? – удивилась старуха. – Евгений Петровичем его звали. Как мужа моего покойного.

Из деревни Дрозд со Светой возвращались тем же путем, каким приехали: через станцию. Как Света и подозревала, в первый раз она

выбрала самую длинную и неудачную дорогу.

А теперь они катили между полей, а вдалеке ползла игрушечная зеленая электричка.

– М-да, насыщенная получилась поездка, – с непонятым выражением сказал Дрозд. – Жаль только, что по фотографиям старушка никого не узнала.

После разговора с Капитолиной они поняли, почему никто в деревне не придавал значения убийству. Олег остался для них чужаком, с которым никто не имел дел. Если не знаешь, то и убивать незачем. Значит, убили не свои, а приезжие. А о них и говорить нечего, пустое это дело.

Что до Рыбакова, то живой ли он, мертвый ли – для всех остальных никакой разницы. Разве что Капитолине придется искать нового покупателя на молоко.

К счастью для Светы и Алексея, старуха отнеслась к случившемуся иначе. Все, связанное с преступлением, вызывало у нее живой интерес. Трупов она не боялась, а поднявшаяся суматоха ее развлекала.

Рыбакова убили из его собственного оружия. Это Капитолина поняла из разговоров следственной группы. Уже мертвого перетащили на кровать и ударили ножом в спину. Нож тоже был хозяйский, похоже, первый, подвернувшийся убийце под руку. Кем бы ни был преступник, пьесу Олега он читал.

– Зачем? – недоумевал Дрозд. – Зачем это издевательство с ножом? Может, убийца таким образом оставил кому-то послание? Что там у нас в классике – пять зернышек апельсина?

Света молчала. У нее было объяснение, но ей хотелось самой его обдумать.

– Я завтра сгоняю на станцию с фотографиями твоих знакомцев, – сказал Лешка. – Вдруг там найдется человек, который видел кого-нибудь из них? Плохо, конечно, что мы имеем дело с актерами.

– Чем плохо?

– Ну, им легко изменить внешность. Шансов на успех у меня маловато, но хотя бы попытаюсь.

– Актерам – легко, – решила Света. – А вот...

Дрозд соображал быстро.

– Хочешь сказать, что актерам – легко, а режиссеру – нет? Подозреваешь брата Стрельниковой?

Света притормозила и встала на обочине.

– Ты чего остановилась?

– Мне нужно тебя видеть, если я с тобой разговариваю.

– Ну и смотрела бы.

– На скорости сто километров в час? Мне что-то не хочется облегчать убийце его задачу.

– Ладно, – сдался Лешка. – Стоим так стоим. Ты думаешь, это режиссер?

– Понимаешь, финт с кинжалом может быть выгоден только ему.

– Почему?

Света взглянула в зеркало – не остановился ли кто-нибудь за ними? Она бы не удивилась, увидев знакомую черную машину. Но на обочине они были одни. Автомобили проносились мимо с таким звуком, словно спички чиркали о коробок.

– Когда ты сказал мне, что Рыбакова убили, я полезла в интернет. И выяснила, что его смерть живо обсуждают.

– Неудивительно! Олега многие знали.

– Да, но обсуждают не поэтому. Всех интригует совпадение с убийством, которое он сам же и описал. Журналисты всячески подогревают интерес читателей. Думаешь, кто-то проговорился, что Олег Рыбаков был застрелен? Ни одно издание! Зато везде кричащие заголовки: «Писатель пал жертвой собственного вымысла». И еще во многих местах упоминается «Хронограф». Мол, Рыбаков погиб в процессе работы над постановкой. Хотя это полная чушь, потому что он не участвовал в спектакле.

– Может, журналисты не знали правды? Следственная группа не стала делиться информацией, а мы с тобой раскопали ее случайно. Исключительно благодаря тому, что разговорили старуху.

– Дело не в том, что журналисты что-то не раскопали. Если бы они хотели, то разузнали бы все подробности. Но правда им не нужна, потому что так интереснее. Нож в спине Рыбакова – это жареный факт, за который журналисты не могли не ухватиться!

– Думаешь, нож – приманка?

Мимо промчалась фура. Поток воздуха «Ниссан» толкнуло в бок, и от неожиданности Света схватилась за руль.

– Давай выйдем из машины, – предложил Дрозд. – Заодно разомнемся.

Они отошли подальше, под прикрытие тонких сосновых стволов. С дороги несло бензином и асфальтом, а из леса пахло можжевельником и смолой. Запахи сливались в типичный аромат загородного шоссе.

– Хорошо! – Лешка потянул носом. – Законсервировать бы этот воздух. Откупоривать долгими зимними вечерами.

– Мне, пожалуйста, законсервируй без автомобильной вони. Только лес.

– Это будет уже не то. Запах чем ценен? Тем, что в нем заложены воспоминания.

Света выразительно посмотрела на него. Она бы прекрасно обошлась без этих воспоминаний.

– Глупость сморозил, – тут же покаялся Лешка. – Извини. Но, все-таки, почему режиссер?

– Ему это выгодно. Когда я снимала Леру Белую, она рассказала, что Стрельников ищет, чем заинтересовать зрителя. Виктор вложил в спектакль свои средства. Может быть, он вложил их слишком много, и для него успех спектакля значит больше, чем может показаться со стороны.

Она подкинула в ладони шишку и с размаху бросила ее в лес. Шишка ударилась о ствол и отскочила, как мячик.

Дрозд проследил за ее полетом.

– Ты всерьез подозреваешь, что Стрельников убил Олега, чтобы подогреть интерес к спектаклю? Знаешь, это как-то совсем уж цинично.

– Не убил, – поправила Света, – а воткнул нож в спину уже мертвого человека. Убить его он мог по совершенно другой причине. Стрельников – ужасно неприятный тип, легко выходит из себя, самоуверен. Допустим, он приехал к Рыбакову, они поссорились, и в пылу спора Виктор схватил ружье.

– Пистолет, скорее всего.

– Пусть пистолет. Виктор выстрелил и – насмерть. Представляешь, собственными руками убить человека, который пишет для театра! Он, наверное, был в ярости.

– В ужасе он был, а не в ярости. – Дрозд тоже поднял шишку, швырнул ее вслед за Светиной, но попал в ближайшую сосну. Дерево вздрогнуло, и откуда-то сверху посыпались сухие иголки. – Запаниковал, наверное.

– Ничего он не запаниковал! Наоборот, решил извлечь выгоду даже из убийства. Воткнул в спину нож и убежал. А расчет оказался верным: все ухватились за этот нож и думать забыли про настоящую причину смерти.

Пока она говорила, Лешка набрал в широкую ладонь пяток шишек и запустил их друг за другом. Тук! Тук! Тук! Тук! Все шишки метко попали в ствол. Лес недовольно загудел.

– Все это убедительно, – сказал Дрозд, отряхивая ладони. – Но не отвечает на главный вопрос: при чем тут ты?

Света запнулась. Пытаясь понять, кто и зачем убил Рыбакова, она как-то совсем забыла о себе.

– У меня есть версия, но тебе не понравится, – призналась она.

Дрозд вопросительно поднял бровь.

– Смерть Рыбакова и покушение на меня никак не связаны. Это просто совпадение. Мы ищем совсем не там.

– А я об этом думал. – Лешка отнесся к ее версии неожиданно спокойно. – Нет, не складывается. Никому не может быть выгодна твоя смерть настолько, чтобы ради этого гоняться за тобой. Ты замкнутый человек, круг общения чисто профессиональный. Сказочного состояния нет, наследников, насколько я знаю, тоже не имеется. Твои портреты нравятся клиентам. Ты хоть раз кого-нибудь из них обидела?

Света отрицательно покачала головой. Случалось, обижали ее. Но она сама – нет.

– Вот видишь. – Дрозд снисходительно посмотрел на нее. – А, нет, я соврал. У тебя же есть квартира. Пусть не сказочное, но состояние. Кому она достанется в случае твоей смерти?

И тут он понял, кому. Лицо у него мгновенно изменилось, стало жестким и злым. Из глаз исчезла вся теплота.

– Он ведь все еще жив, – тихо сказала Света.

Дрозд хотел ответить, но сдержался. Она и так знала, что у него на уме. «Лучше бы умер».

– Пора ехать, – коротко и сухо распорядился он.

И пошел к машине широкими шагами, а Света поплелась за ним.

Когда Дроздов становился таким, она пугалась. Вместо друга детства – чужой человек, и смотрит чужими глазами. Такое случалось редко, и каждый раз Света в тихом ужасе искала нужные слова, которые выгнали бы чужака и вернули обратно ее друга.

Но в этот раз нужные слова искать не пришлось.

– Ты зря считаешь, что вся квартира достанется ему, – сказала она в широкую спину.

– Он наследник по закону, – бросил Дрозд, не оборачиваясь. – Он же тебя удочерил.

– Я написала завещание. Он получит только часть.

Лешка остановился, и Света догнала его. В голубых глазах мелькнуло любопытство.

– Да? И кого же ты вписала в завещание?

– Тебя, – сказала Света.

Если она хотела ошеломить его, это удалось. Дрозд остолбенел. Даже кирпич, брошенный Светиной рукой ему в затылок, поразил бы его меньше.

– Нет, ну подожди, подожди, – торопливо сказала Света, испугавшись снова. – А кого мне, по-твоему, туда вписывать? Тихона, что ли?

– Ты назначила наследником меня? – изумленно повторил Дрозд. – С ума сошла?

– Ничего не с ума! – Света начала злиться, что случилось с ней редко. – Зато, если я умру раньше тебя, ты продашь свою долю.

– Зачем?

– Альбом запишешь!

– Какой, к чертям собачьим, альбом?!

– Твой альбом, вот какой! Про синих котов в голубых небесах!

Дрозд открыл рот и снова лишился дара речи.

«Забыл», – поняла Света. Он начисто забыл о том, что говорил ей об этом год назад. В общем, и неудивительно: Лешка тогда пришел к ней, хорошо выпив, и выразался довольно бессвязно.

О причине, побудившей его напиться, говорить он отказался. Но из отрывочных высказываний Света восстановила примерную картину случившегося.

Дрозд попытался выгнать одну из тех девиц с шальными глазами, что бродили по его квартире неприкаянно, точно бездомные кошки. Нимфа неделю назад заглянула в гости вместе с компанией волосатых бардов. К утру барды ушли, а она осталась, и следующие семь дней провела в его постели, изредка выбираясь на кухню, чтобы покурить и сцапать что-нибудь съестное.

Вскоре Дрозд от нее устал. Но когда он заговорил о том, что ей пора бы возвращаться к себе...

Света сумела вытянуть из друга, что девушка рыдала так, что соседи стучали по батареям. Это были привычные соседи с крепкими нервами, много лет стойко переносившие Дрозда и его разномастные музыкальные компании. Они имели приобретенный иммунитет к шуму. Но проняло даже их.

В конце концов Лешка сбежал из собственного дома, оставив рыдающую нимфу одну. До Светы он добрался через несколько часов, и к этому времени успел качественно набраться.

...– Вот здесь это все у меня! – Дрозд выразительно провел ребром ладони по горлу.

Он сидел на тумбочке в ее прихожей, а совершенно растерявшаяся Света смотрела на него. Она ни разу в жизни не видела Лешку таким пьяным.

– Осточертело плыть по течению. Прибивает к тебе кого-то... людей каких-то невнятных... Ни хрена не выбираешь сам, ни за что не отвечаешь,

плывешь на спине, облака рассматриваешь... Оба-на! – а рядом с тобой уже кто-то есть. Один, другой, третий... Мы тоже, говорят, хотим как ты – не напрягаясь, на спинке, без руля и без ветрил. Утром сочиняешь, вечером в кабаке лабаешь, ночью снова лабаешь в хорошей компании, но уже бесплатно. Вот такая, блин, вечная музыка! Если я заменю батарейки.

В голосе его прорезалась горечь.

– Без руля и без ветрил в море плавают дебил.

«Ты не дебил, – хотела сказать Света. – Я всю жизнь тебе завидовала, потому что жить легко, как ты – это особый дар. А я вечно что-то преодолеваю, ломлюсь через закрытые двери. Замуж вышла, потому что это было сложно – влюбить в себя Сашу. Влюбила. Женился. И что? Семейная жизнь получилась бегом с препятствиями. Только не сигаешь через барьеры, а проваливаешься в ямы. Выбрался? Беги дальше! Следующая яма может быть глубже.

Или вот дело твоей жизни. Ты занимаешься тем, чем хочешь. Всегда. Тебя невозможно свернуть с твоего пути, как невозможно заставить облако плыть в указанном направлении, наорав на него снизу, с земли. Ты где-то очень высоко, у тебя свои ветра. А у меня что было до последнего времени? Колея, как у рабочей лошади: морду повесила, уздечку закусил – и вперед.

Работа, работа, работа. Дедлайны, проекты, девочки, отточенные, как карандаши, мальчишки-метросексуалы с бесцветным маникюром и узкими мятыми брючками, кофе из «Старбакса». Нет, он не самый вкусный, но ведь такой пьет безукоризненная Миранда Пристли из «Дьявол носит Прада», а она пьет его, потому что так поступает ее прототип, безукоризненная Анна Винтур. Все кому-то подражают. Но при этом вслух настаивают на своей уникальности. Причем даже настаивают хором!

Час добираться до офиса, как ни пытайся сократить путь. Тебя проглатывает прожорливое метро, давится тобою с утра и брезгливо выплевывает на Красносельской. Ха! Нас не переваришь. Или толкаешься в пробке, с тоской глядя, как «дворники» бесконечно машут по лобовому стеклу. Хочется прижать ладонь к обратной стороне стекла и помахать им в ответ, чтобы приободрить.

Начальник на утренней планерке мимоходом бросает: «Мы производим высококачественный контент», – и ты чувствуешь, что в голове у тебя что-то взрывается с тихим звоном. Контент. Контент. Контент.

А Лешка Дрозд в это время сидит на тахте у себя дома и поет под гитару».

– Всю жизнь тебе завидовал, – вслух сказал Дрозд, и Света онемела. – Ты разворачиваешь свою жизнь в нужном тебе направлении. Помнишь, как

на своей работе мучилась? Скучно, тяжело. Следующего отпуска начинала ждать с того дня, когда закончился предыдущий. Я думал, так будет ближайшие двадцать лет. А ты взяла и ушла. Я бы не смог, побоялся. Сейчас с зеркалками все, кому ни лень. Где гарантия, что получится заработать фотографией себе на жизнь? А ты – смогла!

«Да ты что?! – хотела крикнуть Света. – Вспомни, как ты меня поддерживал! Кто говорил, что у меня талант, кто меня саму убедил в этом? Я редела от страха, а ты твердил, что все получится, что обязательно нужно попробовать!»

Но Дрозд не дал ей и рта открыть.

– А Сашка твой, Голсуорси недоделанный? Сагу он пишет! Творец, блин! Что он там плел?

«Что мне нужно потерпеть в моем офисе пару-тройку лет, пока он закончит книгу».

– Хотел я ему рыло начистить, но пока собирался, ты уже хоп – и развелась. Только что сидела вся влюбленная и по макушку в лапше, а через пять минут за тобой мчится и канючит твой уже бывший муж.

«Я и потом еще некоторое время была в него влюбленная. Просто мне стало понятно, что влюбленность и счастливая семейная жизнь между собой не коррелируют. А другой семейной жизни, кроме счастливой, мне не нужно».

Все это Света собиралась выплеснуть на Дрозда, но тот уже встал и толкнул входную дверь.

– Четыре года мечтаю его записать! – Он утаивался куда-то в потолок. – Альбом, ага. Про синих котов в голубых небесах. Это заглавная песня так называется, как-нибудь спою тебе. Но! Денег же нету ни хрена! Записать – куда ни шло, самое интересное начинается потом... Сто-о-о-п!

Дрозд оборвал себя и приложил руку к губам. Перевел на Свету протрезвевшие глаза и четко проговорил:

– Когда мужчина начинает жаловаться женщине на отсутствие денег... Тогда что?

– Что? – это было первое слово, произнесенное Светой.

– Тогда он мудака, – отчеканил Лешка и ушел.

На следующий день он совершенно забыл о своем ночном визите. А нимфа исчезла сама, зацепившись за кого-то из прибывших.

...– Про синих котов, – протянул Лешка и шагнул к Свете. – Вот, значит, что у тебя в голове! Ты помрешь, а я, радостный, побегу альбомы записывать и продвигать себя, любимого, в массы.

Света отступила к лесу. Пожалуй, зря она сказала о наследстве.

– А почему бы и нет? Я не понимаю, что в этом такого!

– Не понимаешь, потому что ты эмоциональный пень! – взорвался Дрозд. – Никого не чувствуешь и чувствовать не хочешь! Благодетельница фигова!

Вместо того, чтобы обидеться, разозлиться или испытать другие чувства, положенные женщине, названной пнем, Света озадачилась.

– Как так – пень? – спросила она и огляделась вокруг в поисках подходящего пня. – Слушай, это же некорректное сравнение. Пень – остаток от дерева. То есть я – остаток?

Дрозд молча смотрел на нее.

– Может, эмоционально глухая? – предложила Света. – Конечно, затасканное выражение, я понимаю. Но зато сразу виден образ.

Лешка по-прежнему молчал, и она забеспокоилась:

– А что ты на меня так смотришь, будто хочешь закопать прямо тут?

– Бесполезно, – выдавил Дрозд. – Ты будешь требовать, чтобы я выкопал яму гармонично по отношению к линии леса, но при этом избегал банальных решений.

По шоссе снова пронеслась фура, обдав их потоком горячего воздуха.

– Тогда давай поедем, – примирительно попросила Света. – Не будем меня закапывать.

Они сели в машину, успевшую нагреться на солнце. Внутри с надрывом жужжал овод, зачем-то забравшийся вместе с ними. Он кружил возле окна – наверное, смотрел через стекло и хотел в лес. Дрозд тоже смотрел в окно, и Света никак не могла понять: сердится он или уже нет. Может, он тоже хочет в лес, подальше от нее?

– Леш, – позвала она.

– М-м?

– Эта старушка, хозяйка козы...

– Да?

– У нее что-то было написано на кепке. По-английски, кажется. Ты разобрал надпись?

Дрозд засмеялся, повернулся к ней, и Света с облегчением поняла, что все в порядке. Это был свой, тысячу лет знакомый Лешка, который никогда не сердился на нее дольше десяти минут и всегда приходил мириться первым.

Он открыл окно, и овод, загудев освобожденно и радостно, устремился на волю.

– Прочитал, – сказал Дрозд. – У нее там написано: «Моя территория.

Мои правила». И кулак нарисован.

## Глава седьмая, в которой Кот становится похитителем

Соль, сахар, гречка, молоко, упаковка кофе, замороженная пицца и три пакета мандаринов.

– Теперь я понимаю, что думают мужчины о том, как питаются женщины. – Света с интересом разглядывала эту кучу на столе в своей кухне.

Ей никто не ответил. Дрозд привез продукты и уехал в клуб, где у него было выступление. Перед этим запретив ей выходить из квартиры.

– Свет, у придурка есть оружие. Пожалуйста, не забывай об этом.

– Я помню. Но все-это как-то... нелепо. Ты бы меня еще в бомбоубежище отвел.

– И отвел бы, если б знал куда, – серьезно ответил Дрозд. – Дверь никому не открывать, к окнам...

Он помялся.

– ...к окнам не подходить, – послушно согласилась Света.

– Да нет, со стороны окон тебе как раз ничего не грозит. Он же не снайпер, а дилетант, раз не попал в тебя с десяти метров. Но ты все равно не подходи.

Дрозд посмотрел в глазок, потом вышел на лестничную площадку, спрятался за мусоропроводом и велел Свете убедиться, что его видно из-за трубы. Но даже это его не успокоило.

– Черт, как же не хочется тебя оставлять!

Света так и подскочила.

– Ты что?! Кто мне месяц назад все уши прожужжал, то есть просвистел?! Как это круто, престижно, и что там даже «Черные снеговики» выступали! Кто мне объяснял, что это выход на новый уровень?! Отправляйся немедленно!

Лешка с сомнением смотрел на нее.

– Леш, я же не идиотка, – Света постаралась придать голосу максимум убедительности. – То есть, конечно, иногда да, но не законченная. Я никуда не пойду. К окнам подходить не стану. Ни на один звонок дверь не открою.

– А если пожар на лестничной клетке?

– Заткну дверные щели мокрыми тряпками и стану дожидаться пожарников.

– Да-да-да, – с подозрительным энтузиазмом согласился Дрозд. – Я потом про тебя рассказ напишу. «Дом был объят огнем, пламя пожирало его, облизываясь красным языком. Все взгляды зевак были обращены к женщине, стоявшей в проеме открытого окна. Женщина кричала: «Пожарники! Помогите». И тут тысячи маленьких красных жучков устремились с небес к горящему дому. Но толку от них не было никакого, потому что все сгорели на подлете». Конец!

Света почувствовала себя уязвленной.

– Подумаешь, пожарников с пожарными перепутала. Некоторые гайморит с геморроем путают. И потом требуют от лора невозможного.

Дрозд покраснел.

– Все, ликбез окончен, я поехал. Утром буду у тебя, перед этим позвоню.

И исчез прежде, чем она успела ответить.

Света достала пиццу из коробки и повертела в руках. Оставить, что ли, на крайний случай? Или сразу выкинуть?

Зазвонил телефон. Она наспех сунула замороженный блин в коробку и побежала искать трубку.

– Это снова я, – быстро проговорил Дрозд. – Что забыл сказать: мусор не выноси. Поняла?

– Я зарасту мусором!

– До завтра не успеешь.

Света вернулась в кухню и в недоумении остановилась. Пицца, наполовину торчавшая из коробки, исчезла.

На секунду ее охватил ужас. Кто-то проник в ее квартиру и издевается над ней? Пицца лежала здесь еще две минуты назад!

В следующий миг из-под стола раздались странные звуки. Света наклонилась и приподняла скатерть.

Ее глазам открылось трагическое зрелище. Тихон волочил украденную пиццу под батарею, где у него хранились запасы на случай голода. Раз в три дня, к большому возмущению кота, Света вычищала под батареей и выкидывала любовно припрятанные им кусочки сухого корма.

Сейчас кот пятился назад, вцепившись зубами в тестяной край. На его беду, Дрозд купил самую большую и пухлую пиццу, которая нашлась в магазине. К тому же она оказалась настолько промерзлой, что вонзить в нее зубы как следует Тихону никак не удавалось. Наконец он разинул пасть, точно крокодил, пытающийся ухватить антилопу за слишком толстый зад, и тут увидел Свету.

– Ага! – с удовольствием сказала Света и полезла снимать тапочку.

Кот тотчас выплюнул добычу и уселся с видом вегетарианца, которому злые люди сунули в тарелку бифштекс с кровью. Морда его выразила легкую степень брезгливости и одновременно печаль о несовершенстве окружающего мира. Как они могли? Опорочить его, честного кота, который никогда и ничего...

Тапочка с громким хлопком приземлилась в сантиметре от его носа.

Кот подскочил с возмущенным мяуканьем, которое можно было истолковать как крик: «За что, товарищи?!», и бросился наутек.

– За пиццу! – Света метнула ему вслед вторую тапочку. – За обглоданный батон! За разлитый кофе!

Она перевела дыхание, вспоминая недавние прегрешения кота.

– А! Еще за перегрызенный провод от Мака! – крикнула она ему вслед. Услышав это, Тихон бесшумно затек под диван.

– Вот я тебя оттуда пылесосом! – в запале пригрозила Света. Зарядка от Макинтоша стоила три с половиной тысячи, и кот не просто перегрыз ее пополам, а сладострастно жевал всю ночь, разбросав обглоданные кусочки.

Вопрос с пиццей решился сам собой. Света выбросила ее и вернулась в комнату.

– Выходи, подлый трус!

Подлый трус отмалчивался.

– Ну и как хочешь.

Света села на диван, подумала – и поджала ноги под себя. Пару раз на Тихона находило помешательство: он вдруг понимал, что все беды происходят от наличия у хозяйки нижних конечностей. Если бы не они, то и тапочек бы не существовало! В припадке безумной храбрости Тихон бросился на Светины ноги и со всей силы лупил по ним лапой – хорошо хоть, без когтей.

Нападение всегда осуществлялось из-под дивана. Было в поддиванье что-то такое, отчего в коте просыпались духи предков, героически откусывавших бледнолицым их ходилки и пиналки.

Света взяла компьютер, попробовала работать. Не работалось. И не думалось ни о чем, кроме того, что есть человек, который хочет ее убить.

Это было дико и нелепо. Нелепо, что где-то ходит мужчина или женщина, носит с собой оружие, выслеживает Свету. И все время желает ей смерти.

Света считала, что трудно найти человека безобиднее, чем она. Когда-то знакомый психолог провел с ней шуточный тест: предложил назвать животное, в которое она хотела бы превратиться. «В оленя», – сказала Света, подумав. Стремительное, гордое животное. К тому же травоядное,

то есть никому не вредит.

«А если в оленя нельзя?» – изменил условия психолог. «Тогда в дельфина», – решила Света. Мчаться за яхтами, красиво выпрыгивая из воды, и нырять в синюю глубину – разве не прекрасно!

«А если и в дельфина нельзя?» – потребовал вредный психолог.

Света огорчилась. Ну как же так: в оленя нельзя, в дельфина нельзя. Какая тогда разница, кем быть? И она буркнула, не задумываясь: «В божью коровку».

Тут-то вредный психолог захохотал и объяснил, что осмысленный выбор – это то, кем человек хочет быть. А непроизвольный – это то, кем он себя подсознательно ощущает. То есть Света может воображать себя сильным гордым животным сколько угодно, но сама знает, что она букашка в крапинку.

– Я – букашка, – печально проговорила Света.

Из-под дивана послышался сдавленный звук. Кажется, Тихон возражал. Он придерживался мнения, что она монстр, лупящий невинных котов тапочками.

Очень обидно быть букашкой, на которую охотятся. Будь она оленем или даже дельфином, ее не терзало бы с такой силой ощущение нелепости происходящего.

И, может быть, ей даже не было бы так страшно.

Перед Дроздом Света храбрилась. Но после его ухода первым делом задвинула засов и задернула шторы. Конечно, Лешка сказал, что убийца – далеко не снайпер. Но кто знает, что взбредет ему в голову? Вдруг он решит, что у него ничего не получается, и найдет того, кто умеет метко стрелять?

Света сидела одна в квартире и отчаянно гнала от себя панику. Под диваном скребся кот, изображая мышшь.

– Что мы будем делать дальше? – вслух спросила она.

Кот притих. Затем, поняв, что гроза окончательно миновала, вылез из-под дивана, отряхнулся и с независимым видом прошествовал к кухонному подоконнику.

Завтра она может отсидеться в квартире. Но ведь наступит и послезавтра, а послезавтра у нее съемка в театре. Позвонить в редакцию журнала и сказать, что она отказывается от проекта? А что потом? Сколько она сможет прятаться дома, постепенно сходя с ума?

Свету неумолимо охватывало понимание, что у нее нет никаких способов противостоять убийце. Когда один человек задумал убить другого, он это сделает. Если только его жертва не богата настолько, что

может закрыться телохранителями, камерами слежения и бронированными автомобилями.

Света Морозова не была богата. У нее не было телохранителя, кроме друга детства Лешки Дроздова, не было камер слежения – кроме кота на подоконнике, и не было бронированного автомобиля – лишь малюсенький «Ниссан».

Ее охватило горячее желание сбежать из города и спрятаться где-нибудь в деревне. Да хоть у злющей Капитолины! Света доила бы по утрам ее козу и ходила с ней гулять.

Только надо обязательно взять с собой оружие. Вдруг он найдет ее и там? Ей нужно будет защищаться.

«Буду вести прицельный огонь», – услужливо подкинула выражение память.

«Прикрываясь козой», – саркастически дополнил здравый смысл.

Кот мякнул с подоконника, напоминая о себе.

– Никуда я не уеду, – сказала Света и поднялась. – Куда я без тебя, дуралей?

Она подошла к Тихону, и тот потянулся лобастой головой ей под руку. Света проутюжила полосатую спину ладонью от макушки до хвоста. Когда она его так гладила, кот ухитрился каким-то образом вытянуться в длину, словно дождевой червяк. Света все вела и вела по нему, а кот все не кончался и не кончался.

– Нам надо самим найти его, – неуверенно сказала она. Кот повернул к ней голову и зажмурился. – По-другому никак не получится.

Раздался телефонный звонок. Света вздрогнула и посмотрела на трубку со страхом. Это не Дрозд – у него уже приближается время концерта. Клиенты на этот номер ей не звонят: все знают, что она предпочитает общаться по электронной почте. А для звонка из журнала слишком поздно.

Телефон все играл и играл Моцарта.

Нет, глупости! Зачем убийце звонить ей? Только в фильмах преступник таким образом пугает жертву. И после этого та обязательно спускается в самый темный подвал или лезет на чердак, где по случайному стечению обстоятельств одна за другой погибли три ее тетушки, собачка соседа и электрик.

«Возьми трубку. Возьми».

Но Света стояла, вцепившись в загривок кота, и смотрела на телефон затравленными глазами.

Наконец Тихону надоело. Он вывернулся из-под ее руки и

повелительно мяукнул. А потом еще раз, и еще.

Света схватила телефон, нажала кнопку и совершенно чужим голосом сказала:

– Алло! Кто на проводе?

В трубке помолчали, затем спросили:

– Удавленник, что ли?

– Почему удавленник? – к Свете от изумления вернулся нормальный голос.

– А кто еще на проводе может быть? Ну если только ласточки.

– Константин Мстиславович, это вы?

С перепугу ей даже удалось с первого раза выговорить имя-отчество следователя, не запутавшись в согласных.

– Я, Светлана Валерьевна. А вы, значит, в хорошем настроении?

– Я? – поразила Света, пять минут назад собиравшаяся отстреливаться от убийцы или, на крайний случай, отмахиваться козой. – С чего вы взяли?

– Ну, шутки шутите. Загадки загадываете.

На миг Свету охватило опасение, что следователь свихнулся. Не хватало ей в придачу к убийце душевнобольного сыщика...

– Какие загадки? – мягко уточнила она.

– Ну, кто на проводе...

Света помолчала, а затем удрученно сказала:

– Константин Мстиславович, мы ведь с вами почти ровесники.

– И что же? – напрягся следователь.

– Вы должны помнить проводные телефоны. Раньше, когда поднимали трубку, могли спросить: «Кто у телефона?» Или «кто на проводе?» Ну, помните?

– Н-н-ну, допустим... – с сомнением протянул следователь. – А при чем тут вы?

– Совершенно ни при чем, – созналась она.

Оба помолчали. Следователь осуждающе, Света – виновато. У нее отлично получалось виновато молчать. В повести «Театр», которую она очень любила и часто перечитывала, героиню – молодую актрису – учили правильно держать паузу. Но сколько сама Света ни пыталась следовать рекомендациям, в конце концов сдалась. К ней эта наука оказалась неприменима: любую паузу она умело превращала в признание своей ошибки.

– Ну, а ведь я вам не для загадок звоню, – обрадовал следователь. – В вашем деле появилось кое-что новое.

– Вы его поймали?!

– Пока нет. Вам бы заехать к нам завтра, Светлана Валерьевна.

Поговорить.

– Давайте сейчас поговорим, – предложила она.

– У меня будет удобнее.

«Кому удобнее, а кому потенциальная пуля в голову», – хотела сказать Света. Но, как обычно, промолчала.

– Ну, на шестнадцать часов я вам пропуск выпишу, – сказал Константин Мстиславович, не дождавшись ее ответа. – Подходит?

– Подходит.

– Все, жду вас завтра.

– Стойте! – крикнула Света. – Подождите, не вешайтесь!

– Пока не планировал, – невозмутимо отозвались в телефоне.

– Я хотела сказать, не вешайте трубку, – попросила Света уже тише. –

И, пожалуйста, все-таки скажите мне, какие у вас новости.

Она ожидала, что придется уговаривать следователя, но все это будет напрасно, поскольку он все равно не выдаст ей тайны. Но Константин Мстиславович почему-то без возражений ответил:

– Ну, пулю вашу идентифицировали. Прилетела она из того же пистолета, из которого убили Олега Рыбакова. Мы правильно предполагали, это «Макаров». Принадлежал не убийце, а жертве.

– Как вы узнали?

– Ну, у Рыбакова в огороде нашли мишень, по которой он палил. Пули совпадают. Значит, его оружие. Никакого разрешения на него, конечно, не было, и теперь уже вряд ли можно узнать, где Рыбаков его достал. Купил у кого-нибудь с рук, наверняка.

– А сам пистолет не нашли? – с надеждой спросила Света.

– Ну! Откуда! – удивился следователь. – Рыбаков его хранил дома на всякий случай. Тренировался он с мишенью часто, поэтому выстрел в его доме никого не встревожил.

– Значит, все-таки сначала выстрел, а уже потом нож!

– Ну, об этом мы с вами завтра побеседуем. До свиданья, Светлана Валерьевна.

– До свиданья.

Положив трубку, Света постояла в задумчивости.

Один и тот же человек пытался убить и ее, и Рыбакова.

Или нет? Вдруг тот, кто застрелил Олега, передал пистолет кому-то другому? Но тогда все становится совсем запутано.

«А сейчас все просто?»

Пусть будет один и тот же. Тогда можно хотя бы попробовать разобраться.

Они с Дроздом решили, что искать причину покушений нужно в том нелепом событии, что случилось утром у Стрельниковой. Что, если они ошиблись? Быть может, корни растут из ее визита к Рыбакову? А злополучный манекен вовсе ни при чем?

«Вспоминай, вспоминай, вспоминай! – приказала она себе. – Что могло случиться у Рыбакова? Что прошло незамеченным мимо тебя?»

Она закрыла глаза и погрузилась в тот день, когда приехала к Олегу. Вот его дом, вот она идет за ним по коридору, осторожно переступая через собачьи миски, доски, какие-то обломки – и что еще? Ах да, рукав от халата. Рыбаков дрался с кем-то и оторвал его? Убийца – врач?

Да-да, конечно, врач! Он испугался, что она присвоит себе обрывок, а каждому врачу известно: если кто-то заберет оторванный рукав, то новый на халате уже не вырастет. Теперь по ночам врач будет приходить к ней и стонать: отдай мой рукав! Отдавай! И в руке у него будет черная-пречерная клизма.

Света сама застонала от бессилия. Боже, почему ее мозг рождает такую ахинею?!

Вспоминай!

Вот они разговаривают... О чем? Что-то о режиссуре, о фильме «Золотой теленок»... Света даже зажмурилась от напряжения. Почему она способна в деталях воспроизвести обстановку комнаты Олега, но никак не может припомнить содержание их разговора?

«Потому что ты воспринимаешь мир глазами, а не ушами, – подсказал здравый смысл. – На слух его воспринимает Дрозд. У тебя дождь – серый, а у него – тихий. Чувствуешь разницу?»

Света чувствовала, но это ничем ей не помогало.

Память сохранила одно: Рыбаков был чем-то недоволен. Недовольство прорвалось лишь один раз и касалось...

– Режиссер!

Вот оно! Рыбаков утверждал, что провал хорошего актера – всегда «заслуга» режиссера. Он высказал это неожиданно эмоционально и резко.

«Я тогда еще подумала, что к ним у него свой счет».

А кто у нас режиссер? Виктор Стрельников.

Света вдруг вскочила, осененная новой идеей. Что, если Рыбаков незаметно подложил ей что-то? Дискету, флешку... Улику, которая опасна для Стрельникова. Как она оказалась у Олега и что это за улика – второй вопрос. Для Светы важно то, что эта вещь могла попасть к ней.

Она достала из шкафа джинсы, искала в карманах. Обнаружился неиспользованный проездной на метро и сто рублей, скрученные в узелок. Света развернула купюру и тщательно изучила на предмет наличия чисел, инструкций и загадочных номеров, написанных от руки.

Интуиция ее не подвела. На лицевой стороне купюры действительно обнаружилась надпись. Корявым почерком на ней было выведено: «передай другому и будет счастье».

– Счастье, – вздохнула Света. – С большой буквы «Ща».

Больше в карманах ничего не нашлось. Ни ключей от таинственных дверей, ни флешек с гигабайтами компрометирующей информации, ни даже банальной записки, в которой излагалась бы суть происходящего. Вкратце. Конспективно. Так и так, в моей смерти прошу винить Витю Сэ, который... который...

Который что?

Свете не хватало фантазии придумать, в чем покойный Рыбаков обвинял Витю Сэ. В бездарности? В уклонении от уплаты налогов? В другом убийстве? Не слишком ли много убийств на одного режиссера?

Возле миски требовательно пискнул Тихон, отвлекая ее от размышлений.

– Ну, ты же недавно ел, – сказала Света и с ужасом поняла, что подхватила от следователя слово-паразит.

Кот с трагическим лицом понюхал пустую миску и заявил о себе громче.

– Ну, хватит. То есть просто хватит! Я тебя полчаса назад кормила.

Кот тоскливо посмотрел в миску. Затем так же тоскливо посмотрел на Свету. Выдержать этот взгляд мог только исключительно бессердечный человек.

Или владелец исключительно прожорливого кота.

– Ничего не дам!

Кот понуро отошел от миски. С каждым шагом ребра его выпирали все сильнее. На глазах Светы упитанный, как сосиска, зверь превратился в изможденного сироту. Усы обвисли, взгляд потух. Теперь это было несчастное, недокормленное животное, навсегда травмированное голодным детством.

Сердце Светы не выдержало. Она достала пакетик корма и щедро положила целую ложку. Подумала – и добавила немножко сверху.

– Тиша! На!

Кот подбежал к ней, радостно мрякая на ходу, и с ушами зарылся в миску. Он ел, чавкая и урча, словно его не кормили двое суток.

Вылизав миску дочиста, кот пришел к Свете на диван, лег возле нее, сыто сопя, и приткнулся головой к ее руке. Через минуту Тихон спал, похрапывая, как престарелый мопс.

А Света поглаживала его и улыбалась – первый раз за этот долгий день.

Машина мчалась по Ленинградскому проспекту. Вел на этот раз Дрозд, заявивший, что, во-первых, он больше не в силах складываться пополам в Светином «Ниссане». А во-вторых, после концерта не пил ничего, кроме стакана минеральной воды.

Последний аргумент сразил Свету наповал.

– Ты так реагируешь, будто я запойный алкаш, – заметил Дрозд, лихо ныряя в узкий просвет между двумя «Пежо».

– Я просто... – Света смущенно замолчала.

– Что просто? Давай, режь правду-матку, не стесняйся.

В детстве, услышав выражение «режь правду-матку», Света живо представила несчастную толстобокую правду-матку, которую ведут резать. И рыдала, пока ей не объяснили ее ошибку. Но образ впечатался в память намертво, поэтому, услышав предложение Дрозда, Света содрогнулась.

– Не буду резать, – решительно сказала она. – Пусть живет. А удивилась я просто от неожиданности. Концерт ведь прошел хорошо, ты мне сам сказал. Я думала, ты мог выпить чисто символически, за удачное выступление.

Она нахмурилась и взглянула на Дрозда. Тот вел расслабленно, почти небрежно. Но быстрота его реакции поражала Свету, которая сама водила с двадцати лет.

Он и сейчас выглядел расслабленным, даже посвистывал иногда. Но что-то в его лице Свете категорически не понравилось.

– Леш, выступление провалилось, правда? – упавшим голосом спросила она. – Все прошло плохо?

– С чего ты взяла?

– Ты не стал мне рассказывать, чтобы я не расстроилась? Ты поэтому такой трезвый, да?

– Света!

– Я бы и не расстроилась, – горестно сказала она и шмыгнула носом. – Подумаешь, одно неудачное выступление!

Дрозд что-то глухо прорычал.

– Это у всех бывает, Леш! Даже «УмаТурман»...

Впереди загорелся красный, и машина плавно затормозила. Дрозд

повернулся к Свете.

– Нет, ты все-таки эмоциональный пень, – убежденно сказал он. – Выступление прошло отлично! Прекрасно прошло, замечательно, удивительно! Я сам офигел. Ждал меньшего, честно. А не выпил я ни капли, потому что знал, что утром нам с тобой нужно будет ехать к этой певичке!

– Ты не мог знать! Я только час назад ей позвонила!

– Света! Я был уверен, что мы куда-нибудь поедem. Если не к певичке, значит, на станцию. Если не на станцию, значит, к следователю. Куда угодно! Или ты думала, что я позволю тебе мотаться по городу одной?

– Я собиралась отсиживаться дома.

– А разыскивать этого козла кто будет? Пушкин?

– Полиция! Следователь теперь знает то же, что и мы.

– Причем половину знает от нас, – язвительно напомнил Дрозд. – Как там было у Жванецкого? «Теперь не газета нам, а мы газете новости сообщаем. – Правда ли, что здесь мост будут строить? – Правда, – сообщает газета, – верно!»

Света заступилась за следователя:

– Без него мы не узнали бы про пистолет.

– Согласен, это важно.

Некоторое время ехали молча.

– Если ты не хочешь ничего предпринимать, давай все отменим, – вдруг сказал Дрозд.

– Как это отменим?

– Очень просто. Позвонишь своей Лере, объяснишь, что ничего не получается. Мы вернемся домой, и ты будешь отсиживаться там, как мышь в норе. До тех пор, пока его не поймают.

Света задумалась. Предложение было заманчивым.

С того момента, как они вышли из подъезда, она ни секунды не чувствовала себя спокойно. Прятаться за широкую Лешкину спину ей претило, и она храбро вышагивала рядом, но ощущала себя мишенью на ножках. Попадут-не попадут? И сколько очков выбьют, если попадут?

Раньше Светлана и не предполагала, что вокруг их дома столько подходящих мест для засады. Можно спрятаться за углом или вон в тех кустах боярышника, которые словно нарочно посадили для этой цели. Отличное место за машиной – стреляй, сколько хочешь! А старенький гараж-ракушка, который уже два года собирались снести, вообще идеален для покушения. Можно встать за ним, а можно залезть на крышу...

Света замерла и вцепилась в рукав Дрозда.

– Там... на крыше... Гараж! – шепотом крикнула она.

– Это мальчишки, – сказал Дрозд, отцепляя ее пальцы и беря за руку, как ребенка. – Я их уже видел. Пойдем, пойдем.

Над гаражом поднялись две коротко стриженные головы. К уху одной головы был прижат телефон, и до Светы донесся писклявый голос:

– ...в музыкалке... Мам, ну чего ты!

«В музыкалке он, как же», – подумала Света, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. – Маленький врунишка».

В машине Дрозда она перевела дыхание. Лешка гонял на старушке-«Хонде», которую любовно звал вездеходиком. Умом Света понимала, что застрелить ее можно и в машине, но все равно почувствовала себя куда увереннее.

– ...вернемся! – настойчиво повторил Дрозд. – Ты меня слушаешь?

Света встряхнулась.

– На следующем перекрестке будет разворот. – Дрозд бросил взгляд в зеркало заднего вида. – Я довезу тебя до дома, а там решим, что делать.

– Не нужно разворачиваться. Поедем.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

– Ты уверена?

– Да. Леш, сколько я смогу прятаться? А если полиция будет ловить его еще полгода? Нет, так не пойдет. Давай сделаем то, что от нас зависит. Хотя бы самое простое.

Он молча кивнул и прибавил газ, чтобы проскочить на зеленый.

«Самое простое» они придумали утром.

– Нам нужны сплетни, – сказал Дрозд.

– Ты говоришь как издатель газеты, ищущий кратчайшие пути к успеху, – пошутила Света.

Но Лешка даже не улыбнулся.

– Мы ничего не знаем об отношениях в театре, а это плохо. Вдруг Стрельников с Олегом были лучшими друзьями? В СМИ об этом не напишут, поэтому требуется очевидец.

Долго ломать голову не пришлось. Они не знали никого, кроме троих актеров «Хронографа». Двоих исключили сразу: к Стрельниковой или Серафимовичу идти за информацией о взаимоотношениях в коллективе было бы странно.

Оставался один, а точнее – одна. Лера Белая.

Лера выглядела уставшей и невыспавшейся. Света неловко извинилась за раннее вторжение.

– Ничего-ничего. – Певица потерла красные глаза. – Я же сама попросила вас приехать пораньше. У меня через час занятия, не хочу подводить тренера.

Света поняла намек и быстро перешла к делу.

– Я не смогу вам помочь, – с сожалением сказала Лера, выслушав ее. – Если бы вы спросили меня об этом по телефону, вам не пришлось бы зря ехать.

– Ничего, прокатилась в свое удовольствие, – пробормотала Света, вспомнив пережитый возле дома стресс.

Лера провела рукой по лбу, будто пытаясь прогнать усталость. Подошла к окну, настежь открыла обе створки и глубоко вдохнула.

– Вы хорошо себя чувствуете? – забеспокоилась Света.

– Вчера немножко перетренировалась. У меня занятия в спортзале каждый день, я решила увеличить нагрузку, и вот результат.

– Я пойду.

Света поднялась, но Лера схватила ее за руку.

– Нет, что вы, не уходите! Мне достаточно подышать свежим воздухом, чтобы прийти в себя. У нас тут прекрасный вид на парк. Смотрите, сколько зелени.

Смущенная и озадаченная, Света остановилась. Большие черные глаза с непонятым выражением уставились на нее.

«До чего же красивая девушка. – В мыслях Светы не было и тени зависти. Чужую красоту она фиксировала с отстраненностью художника, подбирающего модель для картины. – Готовая Аксинья из «Тихого Дона». Черты как будто слишком крупные – и нос, и губы, и даже брови чересчур широкие, – но все вместе гармонично и привлекательно. Конечно, ее нужно было снимать не в квартире, а где-нибудь на природе, в поле, рядом с лошадьми. Цыганская кибитка тоже бы неплохо подошла».

Сидя вчера в компании Тихона и заставляя себя не дрожать от страха, Света, чтобы отвлечься, нашла в Интернете песни Леры Белой. Оказалось, что некоторые она слышала раньше. «Ловцы душ», «Подземка» и хит прошлого лета – «Двести двадцать вольт», сотрясавший динамики на всех вечеринках. Дрозд был прав, утверждая, что девушка талантлива. Тексты ее песен – жестких, экспрессивных – запоминались с первого раза.

Света аккуратно, чтобы не показаться грубой, высвободила руку.

– Большой парк?

– Нет, маленький. – Лера явно обрадовалась, что она не уходит. Свете

пришло в голову, что девушка боится остаться одна. Но почему? Разве здесь есть еще кто-то, кроме них двоих?

Словно в ответ на ее мысли послышался тихий топоток.

Света наклонила голову и прислушалась. Звук ей не понравился. Если это животное, то довольно крупное. Но при первом посещении она не заметила никаких его признаков, и вряд ли за эти дни Лера успела завести взрослую овчарку или дога.

– Вы держите собаку?

– Собаку? – Лера непонимающе уставилась на нее. – А, это маленький ребенок над нами. У меня нет ни собак, ни кошек. Здесь своеобразная слышимость: иногда, когда соседи возвращаются домой, кажется, что они заходят прямо в твою квартиру.

– У нас тоже так бывает. Только не иногда, а всегда.

Успокоившись от того, что ей не грозит встреча с незнакомым догом или овчаркой, Света выглянула в окно. Действительно, парк, хоть и маленький. По дорожке к нему несется белая болонка, а за болонкой, подпрыгивая, словно груженная дынями тележка, скачет полная курчавая дама.

Дама размахивала поводком и что-то выкрикивала, но с такой высоты слов было не разобрать.

Света улыбнулась.

– Смешная тетечка, – сказала за ее спиной Лера. – Она из нашего подъезда. У нее собаку зовут Шампиньон.

– Да, я знаю. Видела их, когда мы к вам приехали. Она звала его с таким смешным прононсом: «Шадпидьёд»!

– Так вы на такси?

– Нет, на машине.

Лера высунулась в окно, покрутила головой.

– А почему ее нет во дворе?

Свету как будто кольнули. Ее окатило тем же холодком, который она почувствовала возле двери собственного подъезда, когда птицы метались над ее головой, а в ушах звенело эхо от выстрела. Она отодвинулась от Леры и спросила, будто невзначай:

– Откуда вы знаете, что ее нет? Разве вы раньше видели мою машину?

Лера еще повисела, перегнувшись через подоконник, и выпрямилась:

– Ну, конечно! Вы приезжали на ней первый раз. Красный «Ниссан», да? Я его в окно рассмотрела. Или это была не ваша?

Света выдохнула и расслабилась.

– Моя. Но сейчас мы приехали с другом. Вон его машина, темно-

синяя.

Лера прикрыла створки. Лицо ее порозовело – условно свежий воздух Москвы и впрямь пошел девушке на пользу. Она бросила короткий взгляд на часы, и Света решила закругляться с визитом.

– Вы точно не сможете нам помочь?

Певица покачала головой.

– Меня взяли в «Хронограф» только полгода назад. Да и то я занята всего в двух спектаклях. Стрельников считает, что я могу привлечь в театр аудиторию, которая редко его посещает.

– Подростки?

– Скорее те, кому вокруг двадцати. Ну, знаете, для них это довольно неожиданно: Лера Белая играет в академическом театре!

– Для меня тоже неожиданно, – призналась Света, и девушка рассмеялась.

– Актриса я посредственная. Не смотрите на меня так, это правда. Но для меня важно играть, важно, чтобы моя фамилия значилась на афише. Я с детства об этом мечтала! Да, большого таланта мне не выдано. Но на сцене театра все зависит от режиссера. А Стрельников – режиссер от бога, можете мне поверить. Если есть хоть капля способностей, то он выжимает все, что возможно. Даже то, чего сам от себя никак не ожидаешь.

Свете опять вспомнился разговор с Олегом.

– Скажите, Лера, вы были знакомы с Рыбаковым? – спросила она, хотя еще секунду назад и не думала задавать этот вопрос.

Но ее вдруг снова охватили смутные подозрения. Света не смогла бы сформулировать их. Слабый голос сомнения что-то нашептывал, но что – не поймешь.

– Что вы! – Лера с сожалением покачала головой. – Нет, знакомы-то были! Нас представили друг другу сто лет назад на какой-то тусовке. Я должна была в тот вечер петь, но что-то не заладилось: сначала микрофон жутко скрипел, так что все гости зажимали уши, потом я слова забыла... Короче, была в ударе. Когда все закончилось, решила напиться с горя. И вот представьте: стою с бутербродом в руке – последним бутербродом, между прочим, потому что все сожрали, – собираюсь глотнуть не чего-нибудь, а водки. И тут меня дергают за локоть и кричат на ухо: «Лера, познакомься, это наш Олежек!»

Я рукой взмахнула, семга с бутерброда взлетела – и бац этому Олежеку на ботинок. Он, бедняжка, так рассматривал свою ногу, будто на нее чайка нагадила. А я тоже рассматриваю и думаю: «Вот же черт! Последний бутерброд!»

– И что? – засмеялась Света, представив эту картину.  
– Что-то... Пришлось сыром закусывать. Представляете: водку – под сыр!

Лера скривилась от отвращения.

– Нет, я про Рыбакова. Что было дальше с вашим знакомством?

– Да какое тут может быть знакомство! Он что-то процедил, собрал мою семгу салфеточкой с ноги и ушел. Наверное, запомнил меня как дуреху, которая сначала испортила выступление, а потом его ботинок. А у меня вообще не было никакого желания продолжать. Зачем мне какой-то старый мужик? Целых сорок лет! Я тогда не знала, кто он такой. И вообще была такой душой набитой, просто ужас! Прямо страшно представить.

– И больше вы с ним не встречались?

– Видела его несколько раз на всяких мероприятиях. Но мы, по-моему, даже не здоровались.

– Почему?

– Я не здоровалась, потому что мне было стыдно. Я ведь перед ним тогда даже не извинилась. А он – потому что не узнал меня. Вот и все наше общение.

Света успокоилась, но не до конца. Девушка могла и врать.

«Но ее слова легко проверить. Достаточно спросить людей, хорошо знавших Рыбакова. Их несложно найти».

– Мне жаль, что я не смогла вам помочь. – Лера с вежливой улыбкой открыла дверь, недвусмысленно намекая на то, что время истекло. – Но я и в самом деле ни о ком не знаю. Могу только поделиться последними сплетнями, но вас ведь не это интересует.

«Конечно, не это, – про себя согласилась Света. – Меня интересуют не последние, а хорошо выдержанные, проверенные временем сплетни».

– Вот если только... – начала Лера и умолкла.

Света сдержала рвавшийся с губ вопрос. Если только – что?

– Я вот о чем подумала... – решила Лера. – Вам обязательно, чтобы о наших актерах рассказывал кто-то из своих?

– Видите ли, журналу требуется мнение человека, знакомого с «Хронографом» изнутри.

– Да-да, я так и поняла. Но этот человек обязательно должен быть из актеров, которые сейчас работают в театре?

– Вовсе нет. Лера, у вас есть кто-то на примете?

Девушка помялась.

– Я боюсь вас к нему отправлять! Но больше никто не приходит в голову, честное слово.

– Почему боитесь?

– У него характер... Непростой, в общем, характер. Даже, честно говоря, склочный.

– Склочный характер – это еще не самое страшное, – успокоила Света. – Кто он такой, этот загадочный мужчина с непростым характером?

Лера поколебалась немного. Понизила голос, будто опасаясь вызвать злого духа:

– Яacobсон. Марк Самуилович. Только я вам этого не говорила!

Выйдя от певицы, Света сразу полезла в сумку за блокнотом. От стены отделилась высокая тень и шагнула к ней.

– Хочу записать, пока не забыла. Запоминай: Марк Самуилович Яacobсон. Живет где-то на Баррикадной.

– Запомнил, – сказал Дрозд. – Можешь не записывать, у меня память хорошая.

Но Света все-таки вывела на белой страничке имя того, кто мог им помочь.

– Зачем ты вообще носишь с собой блокнот? У тебя же в телефоне есть функция записной книжки, можно пользоваться ею.

– Ты, когда тексты песен придумываешь, тоже записываешь их в телефон? – поинтересовалась Света.

Дрозд засмеялся и покачал головой.

– Вот и я не буду. И так целыми днями за компьютером, скоро совсем утрачу навык письма от руки.

– Пойдем. – Лешка взял ее под локоть, но направился не к лифту, а к лестнице. – Ты подозрительно быстро вышла. Визит был неудачным?

– Отчасти. Сама Лера ничего не знает и никого описать не может. Она здорово не любит Стрельникову, но при этом о ее личной жизни не имеет понятия.

– Или не хочет распространяться.

– Может и так. Но она подсказала, кто знает больше.

– Ты свалила свой интерес на журнал?

– Нет, я сказала, что меня пытались убить, и теперь мы мечемся по городу в поисках человека, который выложит нам подноготную «Хронографа» и живописует все дрязги, происходившие в его стенах.

– Так и сказала? – поразился Дрозд и встал, как вкопанный.

Света тоже встала, потому что он по-прежнему держал ее за локоть.

– Господи, Леша, конечно, нет! Я объяснила, что журнал собирается выпустить большую статью или даже цикл статей об их театре. И пробует

почву.

– Твоя певица не поинтересовалась, почему почву пробует фотограф, а не журналист?

– Нет. Ей, кажется, было совсем не до меня.

Дрозд взгляделся в ее лицо и с неожиданной пронизательностью спросил:

– Тебя что-то беспокоит?

– Помимо того, что меня два раза пытались убить и, скорее всего, попытаются третий? – невесело пошутила Света.

– Угу. Помимо.

– Эта девушка, – созналась Света. – Не могу объяснить, почему. Она была очень напряжена во время моего визита, и у нее несколько раз менялось настроение. То она мрачная, то уже веселая и оживленная. Сначала не хочет беседовать, потом становится разговорчивой и вдруг вспоминает, что ей пора бежать.

– Под кайфом? – деловито уточнил Дрозд.

– Что? – Это объяснение не пришло Свете в голову. – Нет... То есть, я не знаю. А как определить?

– Самое простое – по глазам. Зрачки расширены или, наоборот, сужены в точку. Еще белки могут быть красные после марихуаны.

– Зрачки обычные. А белки красные, да!

– Этого недостаточно. Белки краснеют и после бессонной ночи. А вела она себя как? Не заторможено?

– Да нет, кажется...

– Может, дурашливость странная?

– Тоже нет. Меня что-то смутило в ее поведении, но что – не пойму.

Они спустились на первый этаж, и Дрозд приказал, придерживая дверь подъезда:

– Постой пока здесь, не выходи.

– Это почему?

– Потому! Слушайся старших.

Он быстро высунулся наружу и через полминуты заглянул обратно:

– Путь свободен, мадам.

Оказавшись на улице, Света прищурилась от солнца.

– Опять день будет жаркий, – недовольно сказал Дрозд. – Да что ж такое...

Навстречу им, тяжело вздыхая, прошли дама с болонкой, еще пятнадцать минут назад бывшей белого цвета. В парке болонка явно повстречалась с очень грязной лужей и часть этой лужи теперь гордо несла

на себе.

Свету внезапно осенила идея.

– Здравствуйте! – громко сказала она даме.

Та обернула к ней страдальческое лицо.

– Добрый день. Хотя какой он добрый... Жаркий!

Дама промокнула платком лоб.

– Я поклонница Леры Белой, – представилась Света. – Знаете ее? Она из вашего дома.

– Конечно! – оживилась дама. – Стой, Шампиньёша! Ее все знают. Чудесная девушка, такая воспитанная. Я вам про нее слова дурного не скажу.

– Нам не нужны дурные слова, – открестилась Света. – Наоборот, мы хотели ей сделать сюрприз. Моему другу, – она кивнула на Дрозда, – тоже очень нравятся ее песни.

– Ах, фанат, – без энтузиазма отметила дама.

– Фанат! – Дрозд прижал руку к сердцу.

– Мы хотели подарить ей цветы, – подхватила Света. – Положить утром на капот машины. Чтобы Лера вышла из дома – а ее встречает букет белых роз!

– С бантиком!

– Прекрасно-прекрасно, – дама явно теряла терпение, как и ее Шампиньон. – А я вам зачем, простите?

– Мы не знаем, где машина Леры, – сокрушенно сказала Света. – И про саму машину тоже не знаем: ни марку, ни цвет. Может быть, вы подскажете?

Дама покровительственно похлопала Свету по плечу:

– Ну что же вы, милая моя! Поклонница, а не в курсе таких простых вещей. Лера не водит машину. Она у нас девушка простая, ездит на метро.

– Засада! – огорчился Дрозд. – А где ж мы розы оставим? И бантик...

...Света выключила кондиционер и приоткрыла окно. Вместо ровного холодного воздуха в лицо ударил теплый, рвущийся, будто собака с поводка, ветер.

– У меня как будто камень с души свалился, когда она сказала, что Лера не водит. Знаешь, очень страшно подозревать всех подряд. Когда в квартире я стояла рядом с Лерой...

– Что?

– Меня от страха как будто заморозило. Такое чувство, что если бы она взяла палку и ударила, я бы разлетелась на куски, как ледяная статуя. Понимаешь? Отвратительное ощущение! И холод, и беспомощность...

– Понимаю. Только я бы на твоём месте не торопился вычеркивать её из списка.

Дрозд посигналил длинноволосой девушке, храбро выскочившей на проезжую часть в двадцати метрах от пешеходного перехода, но притормозил, давая ей пройти.

– Зачем ты остановился? – возмутилась Света. – Она нарушает правила! Переход же рядом, а ей лень пройти три шага!

– С точки зрения пешехода, наиболее опасным местом является переход, – наставительно сказал Дрозд, – так как именно здесь поведение водителя наименее предсказуемо. Старая водительская мудрость. И вообще, пешеходов нужно беречь. Представь, что это была бы твоя Лера.

– Так почему её не нужно вычеркивать из списка? Если она не водит машину...

– ...то это не значит, что вместо неё за рулем не мог сидеть кто-то другой. Хотя должен признать, что аргументов «против» больше. Самое главное, что её не было в то утро у Стрельниковой. Теперь давай конкретику: кого она тебе сдала? Что за Сигизмунд Лазаревич?

– Марк Самуилович. Впервые слышу это имя. Ой! Лешка, стой!

Из-за припаркованной машины высунулся пенсионер в белой шляпе, явно намереваясь перейти через улицу. Дрозд нажал на тормоз и одновременно засигналил. Пенсионер подпрыгнул и резво спрятался обратно.

– Ну вашу ж мать! – рявкнул Лешка, проносясь мимо него. – Вон же зебра! Нет, нужно как баранам лезть под колеса!

– Безобразие! – горячо поддержала Света. – Ещё, понимаешь, хотят, чтобы их берегли! Как будто не понимают, что переход – самое безопасное место для пешехода!

Дрозд отчего-то немедленно перестал ругаться, и остаток пути до дома пристыженно молчал.

Кто такой Якобсон, они выяснили быстро. Марк Самуилович даже имел свой сайт в интернете, где выкладывал наиболее удачные фотографии и записи спектаклей со своим участием. Посмотрев отрывок, Света восхитилась:

– Как он молодо выглядит для своих семидесяти! Наверное, потому что толстяк. Смотри, ни одной морщины.

Дрозд перегнулся через её плечо и ткнул пальцем в дату записи:

– Это снято десять лет назад. Внимательнее, господа сыщики, внимательнее. Слушай, где у тебя домашний телефон?

– Поищи на диване. Эх, а этим снимкам вообще лет двадцать. – Света перелистала фотографии. – Вот он на лошади, на какой-то башне, на дереве...

– Что, одновременно? – удивился Дрозд, осматривая диван. На краешке дивана скромно притулился Тихон, обернувший себя хвостом. – Свет, не вижу телефона.

– Говорю тебе, он там. Я вчера положила его рядом с собой. Смотри-ка, на сайте даже номер Якобсона указан. В разделе: «для прессы». Мы с тобой будем представляться прессой?

– Мы с тобой сначала телефон найдем! Хочу позвонить одному старому приятелю.

– Позвони по сотовому.

Дрозд поморщился, не ответив. Света и без его слов знала, что он не любит разговоров по сотовому. Дрозд считал, что мобильник годится лишь для быстрого обмена информацией. А для общения нужен полноценный стационарный телефон.

Пришлось Свете принять участие в поисках. Но через две минуты она была вынуждена признать свое поражение: трубка не нашлась.

Свете не была свойственна забывчивость. Вещи слушались ее и не имели обыкновения прятаться и удирать со своих мест. Еще утром телефон лежал на диване, а сейчас на диване лежит один Тихон и посматривает на них прищуренным глазом.

– Что за чертовщина... – Света обескураженно огляделась. – Леш, он был здесь!

– Я не сомневаюсь.

Дрозд хорошо знал подругу и был уверен, что она не страдает рассеянностью.

– Вопрос не в том, где он сейчас – это мы выясним за пять секунд. А в том, кто и зачем переложил его.

Они переглянулись.

– Даже если в квартиру забрался вор, зачем ему трубка? – Света изо всех сил пыталась быть рассудительной. – У всех сейчас с собой мобильники.

– Не знаю. Давай для начала отыщем пропажу.

Дрозд вытащил из кармана сотовый и набрал ее домашний номер.

Оба напряженно прислушались. Вначале не было слышно ничего, и вдруг...

– Трам! Та-рам-пам-тра-та-та-ра-рам! – торжественно заиграла увертюра к «Шерлоку Холмсу» с Ливановым в главной роли.

Кот взвился в воздух. Его можно было понять: когда у тебя в складках пушистого живота вдруг гремит оркестр, это нервирует. Телефон упал на пол с громким стуком, а Тихон, приземлившись, умчался прочь, негодуяще размахивая хвостом.

Сообразив, что все это время трубка лежала под кошачьим пузом, Света помчалась за ним, выкрикивая оскорбления.

Дрозд посмотрел им вслед, поднял теплый телефон, и на память набрал одиннадцать цифр.

К тому времени, когда Света вернулась в комнату, он уже закончил разговор.

– Погоня не увенчалась успехом, – констатировал Лешка, посмотрев на запыхавшуюся подругу. – Куда он смылся?

– За холодильник! Чуть не застрял, пока протискивался в щель. Поганец...

– Брось, за что ты его так?

– Не стоит недооценивать его умственные способности. – Света в изнеможении упала на диван. – Думаешь, он случайно оказался на телефоне? Ничего подобного! Он лежал на нем с умыслом!

Дрозд почесал нос.

– Ты еще скажи, что он получал удовольствие, наблюдая за тем, как мы мечемся.

– Разумеется. Это вредное, подлое, хитрое животное, весь смысл жизни которого заключается в том, чтобы строить мне козни.

– Мяу! – протестующе крикнули из кухни.

– Сама такая, – перевел Дрозд.

Света пренебрежительно хмыкнула.

– Ты дозвонился до своего старого приятеля? Кто он?

– Журналист, когда-то писавший о театре. В том числе о «Хронографе».

Света тут же села.

– Так, может, у него и нужно было попросить помощи?

– Я и попросил, – усмехнулся Дрозд. – Но от этого парня можно ожидать только небольших услуг. За большие он выставит тебе потом такой счет, что не рассчитаешься.

– В чем заключается небольшая услуга?

– Я попросил его рассказать про Якобсона. Просто чтобы убедиться, что нас отправили к нужному человеку. Не хотелось бы зря тратить время и силы.

«И вообще лишний раз выходить из дома», – добавила про себя Света.

А вслух спросила:

– Убедился?

Дрозд, кажется, не был уверен в ответе. Но все-таки кивнул, хотя и с неохотой.

– Похоже, более подходящей кандидатуры на роль информатора нам не найти. Якобсон не просто ушел из театра, а с громким скандалом. У него был конфликт с режиссером.

– То есть со Стрельниковым?

– Поначалу – нет. Они тогда приглашали режиссера-варяга, какого-то молодого и прогрессивного парня из Питера. Молодой и прогрессивный нашел общий язык со всеми, кроме старого и консервативного. Грызня быстро набрала обороты. А когда Стрельников занял сторону не актера, а варяга, вышла на новый уровень.

– Мне всегда казалось, что отношения актера с режиссером сродни отношениям подчиненного и начальника, – вслух подумала Света. – Не совсем в точности так, но ссора между ними – это тупик. Кому-то одному придется уйти, и понятно, что это будет не начальник. Чего же добивался Якобсон?

Дрозд рассмеялся.

– Старикан хотел сместить Стрельникова и предлагал себя на режиссерскую должность.

– В семьдесят лет? – не поверила Света.

– Он считает, что молод душой и телом.

– А что насчет ума?

– Якобсон полагал, что в театре его все поддержат, и устроил не обычный скандал, а скандал с большим размахом. Привлекал прессу, даже сам тиснул две статейки под чужой фамилией. В статейках разоблачал злоупотребления Стрельникова и грозил судом.

– Интересно-интересно... А злоупотребления действительно были?

– Очень сомневаюсь. Какой смысл злоупотреблять, когда театр, фактически, и так принадлежит ему? Он смог убыточное предприятие превратить в прибыльное. Зачем обворовывать самого себя?

Света поразмыслила.

– У Стрельникова нет компаньонов?

– Вот это нам и надо выяснить. Звони Якобсону и представляйся журналисткой, ищущей сенсаций.

– Тавтология, – проворчала Света. – Журналисты всегда ищут сенсаций.

Но послушно отправилась звонить скандальному Марку Самуиловичу.

## Глава восьмая, в которой появляется Странное Животное

По дороге Дрозд предупредил:

– Яacobсон очень стар. Но журналист, с которым я говорил, утверждает, что мозги у старикана еще не совсем заплесневели. По телефону ты ничего настораживающего не услышала? Дружные выкрики тараканов? Шепот мозговых слизней?

Представив мозговых слизней, Света поежилась.

– Адрес он продиктовал как вполне нормальный человек. А больше мы ни о чем не успели поговорить.

Вся беседа Светы с пожилым актером свелась к тому, что она представилась – и тут же получила приглашение в гости. «По телефону дела не обсуждаю», – важно сообщил Марк Самуилович. Голос в трубке звучал надтреснуто, но бодро. Его не заинтересовали ни тема беседы, ни название журнала.

– Вот только он подозрительно нелюбопытен, – добавила она. – Даже имени моего не спросил!

– Значит, наоборот – любопытен до крайности. Только услышал твой голос и сразу понял, что хочет видеть тебя воочию.

– Думаешь?

– Уверен.

Дрозд бросил взгляд в окно и перестроился в правый ряд.

– Нам еще рано сворачивать, – встрепенулась Света.

– Я и не собираюсь. Сейчас будет магазин, а при нем цветочный киоск. Не с пустыми же руками мы с тобой поедем к отставному актеру...

Света позвонила, держа букет в вытянутой руке перед собой, точно вымпел. Семь желтых хризантем – пышные шапки, каждая величиной с кошачью голову – были самым ярким пятном в полутемном коридоре.

– Из-за гнусного Тихона мне теперь везде мерещатся кошачьи головы, – тихо поделилась Света.

– Отрезанные? – так же тихо поинтересовался Дрозд.

Света вздрогнула и чуть не уронила букет.

– Что у тебя за болезненная фантазия?! – свирепо прошептала она. – У кого из вас двоих тараканы и мозговые слизи, это еще посмотреть!

– Да, очень хочется посмотреть. Только что-то нас с тобой никто не торопится пускать в обитель искусства.

Про обитель Дрозд не придумал. Прямо перед ними на двери тускло отсвечивала латунная табличка, на которой с наклоном было выведено имя хозяина квартиры. А чуть ниже обычным прозрачным скотчем приклеен листок бумаги в клеточку, извещающий: «Вход в обитель искусства – звонить пять раз».

– Ты точно пять раз позвонила?

– Не точно! – огрызнулась Света. С букетом она чувствовала себя глупо, а тишина за дверью начала тяготить ее. – У меня с детства проблемы с устным счетом.

– Я так и знал. Нельзя было доверять тебе такое важное дело, как нажать пять раз на кнопку. Дай я сам.

Дрозд потянулся к звонку, но Света перехватила его руку.

– Ты что? Нельзя!

– Почему это? Случится страшное? Призрак Якобсона будет преследовать нас и рыдать: «Зачем вы позвонили шесть раз?!»

Света, любящая точность в деталях, не могла не заметить ошибку:

– Какой еще призрак, если Якобсон жив!

– Был жив, – уточнил Дрозд. И, встретив непонимающий Светин взгляд, пожал плечами: – Вы разговаривали час назад. За это время многое могло случиться.

Именно этого уточнения Свете не хватало для того, чтобы всучить букет Дрозду и направиться к лестнице.

Тот схватил ее за плечо:

– Стой! Ты куда?

– Леш, поехали обратно. Его нет дома или он передумал нас пускать.

Но тут заскрежетал засов. В этом скрежете Свете послышалась ненависть, словно кого-то силой заставили разомкнуть зубастые челюсти.

Через несколько томительно долгих секунд изнутри упал клин света. Света ожидала услышать скрип открывающейся двери, но дверь открылась совершенно бесшумно. И от этого почему-то было еще неприятнее.

В щели кто-то показался. Свет падал сзади, и лицо разглядеть не получалось. Ясно было лишь одно: этот человек очень стар.

– Здравсьте! – жизнерадостно провозгласил Дрозд и протянул хризантемы.

– Это вы мне звонили? – проскрежетал тот, принимая цветы.

– Я.

– А женщина?

– Она тоже здесь.

Дрозд предъявил упирающуюся женщину.

– Прекрасно! – промолвил хозяин с удовлетворением каннибала, захватившего самого толстого представителя враждебного племени. – Тогда милости прошу. Хе-хе...

Он отступил на шаг назад, скрываясь в сумраке.

– Вы Марк Самуилович? – вслед ему недоверчиво спросила Света.

– Был им когда-то, – отозвался старик.

И исчез в недрах квартиры, оставив дверь открытой.

– Леша, мне что-то расхотелось туда идти... – горячо зашептала она, вцепившись в Дрозда.

Но тот не разделил ее страхов.

– Главное – не задавай ему вопросов о прошлой жизни, – внушительно сказал он, наклонившись к ее уху. – Ну там, знаешь, как вам жилось до того, как вы умерли... Не скучаете ли вы по дневному свету... Короче, прояви несвойственную тебе деликатность.

Света отстранилась и уставилась на него.

– Ты что, издеваешься?!

– Есть немного, – признался Дрозд и безбоязненно шагнул в темноту.

Ей ничего не оставалось, как последовать за ним.

Узкий длинный коридор. Желтый линолеум, прикидывающийся паркетом. Груды картонных коробок вдоль обеих стен, громоздящиеся друг на друга. И над всем этим зловеще раскачивается лампочка.

– Закрывайте дверь! – донеслось откуда-то издалека.

– Закрывай дверь, – передал Дрозд.

– Закрываю, – пробормотала Света и с силой задвинула засов. – Господи, куда мы попали...

Кажется, примерно в таких условиях должны обитать городские вампиры. Недоставало лишь черного кота с горящими глазами, словно вышедшего из самого жуткого рассказа Эдгара По. Или летучей мыши, по ночам парящей над кварталом в поисках добычи, а днем свивающейся в кокон под потолком квартиры.

Девушка представила мышь, похожую на черный подвядший бутон гладиолуса, и поежилась. В ногу ей что-то ткнулось и глухо заворчало.

Света не умела визжать. При виде таракана или ухвертки она молча отпрыгивала назад и на несколько секунд крепко зажмуривалась, надеясь, что за это время гнусная тварь рассосется сама собой. Обычно подобная тактика себя оправдывала. Если же насекомое попадалось непонятливое, она капитулировала, оставив врага на захваченной территории.

Вот и на этот раз Света, не издав ни звука, воспроизвела прыжок кенгуру, наступившего на сколопендру. Настоящий кенгуру позавидовал бы ее скачку. Возможно, он даже покинул бы саванну навсегда, не выдержав удара по самолюбию.

Но за спиной были не просторы Австралии, а узкий коридор, заставленный коробками. Задом Света врезалась в коробку, и пирамида, пошатнувшись, обрушилась.

Когда на шум вернулся Дрозд, Света сидела на полу, потирая макушку, а вокруг лежали рассыпавшиеся журналы.

– Ушиблась? – Он поднял ее одним рывком. – Что случилось?

– На меня кто-то рычал!

Издали недовольно позвали:

– Что вы там копаетесь? Можете не раздеваться.

– Мы только обувь снимем! – крикнул в ответ Дрозд. И обернулся к Свете: – Кто рычал?

– Я сама хотела бы знать!

Дрозд осмотрелся и пожал плечами:

– Тебе точно не показалось?

Света наклонилась, чтобы собрать журналы, и получила ответ на свой вопрос.

– Ой! Вон оно! За шкафом!

Дрозд присел на корточки и с неподдельным изумлением уставился на животное, тарасившееся на них из угла.

– Ё-мае! Кто-то скрестил жабу с бульдогом!

Существо, сидевшее в углу, ухмыльнулось во всю пасть.

– Хорошая собака, хорошая, – успокаивающе проговорил Алексей.

– Ты себя уговариваешь или ее? – Света на всякий случай встала у него за спиной. – Это вообще не собака! У нее нет лап!

Но существо лениво поднялось, и стало видно, что лапы у него все-таки имеются. Как и полагается, четыре штуки, правда, все – исключительной кривизны. Переваливаясь, животное побрело в комнату, а Дрозд и Света последовали за своим новым провожатым.

– Почему он такой бело-розовый? – шепотом спросила Света.

– Может, альбинос?

– Тогда глаза должны быть голубые. Кажется.

Существо обернулось и укоризненно уставилось на них. Поворот головы дался ему с трудом – мешали толстые складки кожи.

– Черные, – вполголоса констатировал Дрозд. – Не альбинос.

Пес отвернулся и с трудом двинулся дальше.

- А почему он такой толстый? – не успокаивалась Света.
- Кушает много. Аппетит хороший, значит.
- А почему у него бородавки?

Дрозд не успел ответить – они вошли в комнату.

Это была небольшая гостиная, стены которой когда-то давно оклеили красными обоями с крупными золотыми лилиями. За много лет золото выцвело. Теперь лилии напоминали не монарший цветок, а следы гуся, криво прошедшего по стенам.

Потолок по чьей-то странной прихоти тоже закрыли обоями. Быть может, дизайнер планировал создать эффект королевских покоев, но в этом случае он жестоко просчитался. Его творение больше походило на обитый тканью ящик или шкатулку. Человек в первые несколько секунд испытывал здесь слабый приступ клаустрофобии, усугублявшийся тем, что окна были плотно зашторены.

У стены скалилось желтыми клавишами пианино. Возле него громоздилась невнятная куча тряпья, от которой Света постаралась встать подальше.

Сам хозяин сидел в широком резном кресле посреди гостиной. Вернее было бы сказать – утопал. Кресло с высокой спинкой, похоже, когда-то служило реквизитом в спектаклях по Шекспиру и предназначалось для царственных особ.

Якобсон напоминал царственную особу не больше, чем его собака – борзую. Он был мал, лыс и невообразимо толст. Актер не отличался худобой даже на старых записях и снимках. Но теперь он выглядел так, словно за прошедшие десять лет только и делал, что предавался чревоугодничеству.

– Здравствуйте, Марк Самуилович, – пролепетала Света. Пораженный Дрозд едва сумел выдать что-то нечленораздельное.

Животное неторопливо направилось к хозяину и шмякнулось у его ног, словно ком теста, кинутый хозяйкой на пол. Стоило им оказаться рядом, невероятное сходство бросилось Свете в глаза.

– По-моему, они родственники, – еле слышно проговорил Дрозд, подумавший о том же.

– Эг-хм! – Старик откашлялся и подозвал их к себе властным движением. На нем был плотно запахнутый темно-синий шелковый халат с широкими рукавами, которые заколыхались, когда он махнул рукой.

Света и Дрозд подошли ближе и наткнулись на два крошечных стульчика, выстроившихся перед креслом.

- Присаживайтесь, присаживайтесь, – милостиво разрешил Марк

Самуилович.

Последний раз Свете доводилось сидеть на таких стульях в детском саду. Она осторожно опустилась на свой, разрисованный под хохлому. Дрозд криво усмехнулся и сел рядом. Теперь они взирали на Якобсона снизу вверх, как школьники на учителя.

– Итак, – хозяин послал Свете снисходительную улыбку, – чем я могу быть вам полезен?

Света быстро оттарабанила название журнала и сразу перешла к делу.

Стоило ей упомянуть «Хронограф», как с лица старика сползла притворная любезность, а глаза яростно сверкнули. Он приподнялся, вцепившись пухлой рукой в подлокотник.

– А-а, мародеры! – взвизгнул он неожиданно высоким голосом.

– Мы? – испугалась Света. – Что вы, Марк Самуилович!

– При чем здесь вы?! Они, эти мерзавцы, укравшие у меня все, что я имел! Мою славу, моих зрителей, мои роли! – Он потряс кулаком, грозя невидимым мерзавцам. – Только талант у меня остался, ибо талант оказался им неподвластен.

– Почему мародеры-то? – хмуро спросил Дрозд, мысленно выразившийся нецензурно в адрес своего приятеля, отправившего их к старому маразматiku. Лера Белая вряд ли знала, в каком состоянии пребывает актер.

– Потому что это была война, молодой человек! Я потерпел в ней поражение.

Якобсон вскинул голову и выдвинул подбородок вперед, точно главнокомандующий перед решающим сражением. Во всем его облике вдруг вспыхнуло достоинство и даже величие – величие обреченных. Все-таки он был хорошим актером, этот старикан, выглядевший карикатурой на Шалтая-Болтая.

Но главнокомандующего Якобсон изображал недолго. Минута – и он снова рухнул в кресло, трагически закрыв лицо руками. Пес у его ног поднял брылястую голову и заскулил.

– Да, Эдмон, да, мой мальчик, – тут же засюсюкал старик. – Только ты со мной остался, ангел мой! Все отвернулись. Лишь собачья преданность неизменна.

Он погладил животное по голове, и пес, успокоившись, вновь повалился на бок. В глазах старика, обращенных к питомцу, блеснули слезы. Одна мутная капля стекла по щеке.

Марк Самуилович застыл на несколько секунд – брошенный всеми старик, протянувший руку к любимому псу. Перед Дроздом и Светой была

воплощенная трагедия старости.

И тут пес подвел. Закрыв глаза, он блаженно хрюкнул и дрыгнул задней ногой – ни дать ни взять свинья, добравшаяся до лужи. Градус трагизма в помещении резко снизился.

Якобсон отреагировал быстро. Рассмеявшись, он похлопал пса по морде и закинул ногу на ногу.

– Н-да, веселенькое было сраженьице! – протянул он с интонацией старого солдата, травящего байки в придорожном трактире. – Но им тоже здорово досталось. Как в анекдоте: окружили крокодилы обезьяну и говорят... Хе-хе! Хе-хе-хе-хе! Ах-ха-ха-ха!

Он зашелся в хриплом кашле.

Дрозд вскочил.

– Принести воды?

Но Марк Самуилович замахал на него руками.

Еще три минуты они были вынуждены терпеливо наблюдать, как старик откашливается, вытирает слезы, открывает рот, и снова откашливается.

Дрозд наклонился к Свете и шепнул ей на ухо:

– Вот как помрет он на наших глазах, и что будем делать?

– Не помрет, – прошелестела она. – Это все голое притворство. Он пока пробует маски, никак не выберет одну, на которой нужно остановиться. Штук пять уже перепробовал, по моим подсчетам.

– Черт, а ведь точно. Ну, шутник...

Якобсон, наконец, откашлялся и вытер слезы тыльной стороной руки.

– Что вы хотите от меня! – надтреснутым голосом воскликнул он. – Летописи пишут победители, а не побежденные. Если я расскажу то, что знаю, вам никогда не позволят опубликовать ваш материал.

– Длинные руки врагов? – очень натурально испугался Дрозд.

Света пихнула его локтем.

– И не только руки, молодой человек! – многозначительно заверил Марк Самуилович. – Не только руки!

– Стесняюсь спросить, что еще? – встревожился Дрозд, игнорируя Светины тычки. – И стоит ли об этом при дамах?

Старик подался к нему.

– У них длинные языки! Вас опорочат! Хула побегит впереди, и вы не сможете пробить стену лжи и поклепа. О, что обо мне говорили! Как меня поносили в «Хронографе»! А ведь у них до сих пор нет никого, кто мог бы заменить меня! – Он горделиво выпрямился. – Я хочу сказать, нет актера моего уровня. Не подумайте, что я так уж бесконечно талантлив... – Он

скосил глаз на слушателей.

– Не подумаем, – простодушно заверил Дрозд, и Якобсон помрачнел.

– ... но масштаб свой я осознаю! Ни-ко-го! Вы понимаете? Сколько они ни бились, им не удалось вырастить в стенах театра равнозначную фигуру.

– А как же Стрельникова? – быстро вставила Света.

Ее вопрос произвел сильное впечатление. Марк Самуилович отшатнулся, будто его ударили, и тяжело задышал.

– Стрельникова? Стрельникова?!

Обильные щеки старика начали наливаться краснотой. Казалось, Света с Дроздом наблюдают ускоренную запись созревания яблока. Пес, чутко уловив перемену настроения хозяина, с тихим рычанием вздернул верхнюю губу.

– Вы... смеете... эту... эту...

Он тщетно пытался подобрать приличное слово, хватая воздух ртом. Глядя на него, Света испугалась уже всерьез – это не было похоже на игру.

– Эту распутную особу? Эту блудницу? – хладнокровно подсказал Дрозд.

– Леша! – взмолилась Света.

– Подожди, – отмахнулся Дрозд. – Мы должны установить истину.

У старика наконец-то прорезался голос.

– Истину?! Истина состоит в том, что в актерской табели эта бесчестная торговка стоит на десять ступеней ниже меня. И равнять нас, нас!

Он взмахнул рукой, показывая, что не может даже приблизительно охарактеризовать степень падения тех, кто ставит их рядом.

Дрозд хотел что-то спросить, но Света опередила его. Ее любовь к точным определениям требовала ясности.

– Почему торговка?

Якобсон гневно сверкнул на нее очами, но все-таки снизошел до ответа.

– Потому что она продает свое тело в обмен на некоторые блага. Или вы думаете, она стала примой благодаря своему таланту?

Он вытер пот со лба, понемногу успокаиваясь.

– Коалиция! Вот что они создали! И настраивали против меня остальных. Не желали понимать, что Анна слишком стара, что она далеко не красива. А ведь были и другие, куда более достойные...

Взгляд его затуманился. Марк Самуилович погружался в воспоминания.

– Скажем, Люсенька... – пробормотал он. – Снежинка! Фея! Не то, что ваша Анна – унтер-офицер в юбке.

– Она вовсе не наша. – Дрозд вытащил из кармана блокнот и открыл его. – Марк Самуилович, мы не меньше вашего заинтересованы в том, чтобы рассказать правду нашим читателям.

Бывший актер вздрогнул и вышел из оцепенения. На лице его отразилось сомнение.

– Да, конечно, но...

– Но? – удивился Дрозд.

– Не будет ли это расценено как клевета? Ведь формально я не имею доказательств...

– Обещаю: никаких фамилий. Вы не будете фигурировать как наш источник.

Якобсон с сомнением посмотрел на них и опустил взгляд на собаку.

– Эдмон! Что скажешь? Послужим справедливости?

Пес поднял голову и утробно ухнул. Это уханье лишь отдаленно напоминало лай. Похожие звуки маленькая Света когда-то извлекала из пустой дождевой бочки, бросая в нее твердые комья земли.

– Ну что ж, записывайте, молодой человек, – разрешил Якобсон. И ослабилась, будто бы в предвкушении длинной приятной беседы.

Приятной беседы не получилось. Получился монолог, изредка прерываемый вопросами Дрозда. Алексей направлял Марка Самуиловича на верный путь, когда тот слишком уж далеко отходил от темы.

Старик, который, как подозревала Света, все это время кривлялся, взял шутовской тон. Несколько раз с его языка срывались скабрёзности, над которыми он сам же и хихикал, не обращая внимания на слушателей. Сальности были им противны, но говорить об этом старому актеру не имело смысла.

– Романчик они крутили, – поведал Марк Самуилович, сложив на животе белые ручки. – Анна с Рыбаковым. Влюблена была в него как кошка! Пантера! Львица! Все готова была бросить и идти за ним пешком, голодная и босая. Но ведь она на пять лет его старше, а это, я вам скажу на минуточку, приличная разница. Будь я в возрасте Олега, считал бы ее старухой. Да она и есть старуха, циничная и расчетливая! Холодна в жизни и лишена божьей искры на сцене.

Дрозд и Света услышали, что Стрельникова выжала из Рыбакова все, что можно. В каждой пьесе он прописывал для нее самую выигрышную, самую яркую роль.

Но Виктор Стрельников был против связи Олега с его сестрой. Очень быстро его молчаливое противодействие перешло в протест.

– Витька всегда имел большое влияние на Анну. Что вы хотите – он ее практически сделал своими руками!

Света так и не поняла из рассказа старика, за что Виктор невзлюбил Рыбакова. На прямой вопрос Якобсон ответил уклончиво – похоже, сам не знал ответа. Но обстановка в театре накалялась с каждым днем.

– Что уж Виктор ей внушал, мне неизвестно. Может, запрещал понапрасну расходовать силы души, чтобы целиком отдаться творчеству. Витенька-то сам у нас известный аскет! Или импотент, смотря с какой стороны посмотреть, хе-хе... Но после его нравоучений она ходила бледная и кусала губы.

– Его запрет касался только Рыбакова? – вдруг спросил Дрозд.

Старик непонимающе взглянул на него.

– Наверняка у Анны были и другие романы, – пояснил Алексей. – К ним Виктор относился так же, как к роману с Олегом?

Марк Самуилович пожевал губами.

– Вообще-то нет, – признал он. – Никак он к ним не относился, будто это его и не касалось. А ведь Анна много еще с кем шашни крутила, всех не припомню.

«Тогда объяснение о расходовании душевных сил не подходит, – поняла Света. – Поэтому Лешка и спросил. Стрельников отчего-то был настроен именно против Рыбакова».

В чем бы ни заключалась причина, напряжение между прямой, режиссером и автором нарастало. Все ожидали стычки, драки, убийства – чего угодно, лишь бы это положило конец происходящему.

И, наконец, гром грянул. Кто-то из своих (Света предположила, что сам Марк Самуилович) передал Анне Васильевне последние слухи. Слухи касались личной жизни Олега Рыбакова и его якобы существовавшей связи с одной из молоденьких актрис.

– Олег был видный мужчина, интересный. На него обращали внимание. Среди нашей актерской братии он казался... м-м-м... спокойным? Нет, не то...

– Надежным, – подсказал Дрозд.

– Да, надежным. Наверное, это и привлекло к нему Анну. Когда вокруг бурлят страсти, хочется ухватиться за скалу. Но и к ней мужчины тянулись, не буду отрицать.

– Вы же сказали, она была на пять лет его старше, – уличила Света. – Почти старуха.

– Немолодое тело, морщины, седина, тлен... – развил образ Дрозд. Марку Самуиловичу пришлось пойти на попятный:

– Я говорил о своем вкусе. Он у меня слишком изысканный. Но многие в театре были влюблены в нее без памяти и, полагаю, влюблены по сей день. Она умеет приручать мужчин и вызывать в них стойкие чувства – уж не знаю, как ей это удается. Лично мне всегда претила ее жесткость. Женщина должна быть подобна свежесдобитой булке – мягкой, ароматной, воздушной... А не гвоздю, если вы понимаете, что я имею в виду.

Стрельникова не стала устраивать с Рыбаковым ссору на людях. «Слишком гордая», – с осуждением пояснил Марк Самуилович. Анна поняла, что все вокруг ждали от нее сцены ревности и весьма огорчились, когда их лишили зрелища. Но совладать с собой полностью прима не смогла и на репетиции работала из рук вон плохо.

Вот тогда-то Виктор Стрельников и вышел из себя. Он долго сдерживался, а репетиция стала последней каплей.

– Ах, как он наорал на нее! – Якобсон с удовлетворением потер ладони. – Учинил прилюдную расправу, вылил, голубчик, все, что накопилось. Наш Витенька бывает весьма остер на язык. А когда подошел Рыбаков, досталось и ему. Славная, славная вышла разборка!

– И чем все закончилось? – спросила Света.

– Репетиция, конечно, была сорвана.

– А глобально? – уточнил Дрозд.

– Стрельниковы помирились. Виктор с Рыбаковым, впрочем, тоже. Или сделали вид, что помирились. – Старик подмигнул ему. – Выгода у деловых людей на первом месте!

– Значит, Стрельников извинился?

– А почему бы и не извиниться, если не прав? А если прав, тем более можно просить прощения. Ты ничего не теряешь, а сопернику приятно...

Он заметно подчеркнул «соперника». И вновь подмигнул, теперь уже адресуясь Свете.

«Вот ведь старый пакостник, – неприязненно подумала она. – Какой еще «соперник», когда Виктор – родной брат Анны? Намекает на всякие мерзости и сам же ими опивается».

А Марк Самуилович, покончив с любовными страданиями Стрельниковой, перешел к жизнеописанию ее брата.

Стариком до сих пор владели сильные чувства по отношению к человеку, выгнавшему его из театра. За десять лет ненависть ничуть не уменьшилась. Он обвинял Виктора в растратах, кражах, взятках – во всех

махинациях, какие только мог сочинить. Чем дольше Света и Дрозд слушали Якобсона, тем очевиднее становилось, что все это небывицы. Марк Самуилович держался старой версии, придуманной много лет назад. Сейчас она выглядела не менее нелепой, чем тогда.

Дрозд незаметно толкнул Свету ногой: «Пора заканчивать». И спросил:

– Марк Самуилович, вы забыли кое-что рассказать. После того инцидента на репетиции Рыбаков и Стрельникова перестали встречаться?

Якобсон наморщил лоб.

– Не помню... А, впрочем, да. Перестали. Рыбаков держался в стороне и как-то охладел к Анне. Но помани он ее – и все бы закрутилось заново.

Больше им не удалось ничего выжать из старика. Он сворачивал на рассуждения о своей роли в жизни театра, пересказывал исторические анекдоты и наконец понес совсем уже откровенную чушь.

Дрозд захлопнул блокнот и поднялся.

– Большое спасибо за ваш познавательный рассказ.

– Пожалуйста, пожалуйста, голубчики. – Марк Самуилович выложил всю подноготную давних врагов и теперь благодушеествовал. – Когда выйдет ваша разоблачительная статья?

– Мы вам позвоним, – уклонился от ответа Дрозд. – Можно вопрос, не относящийся к делу? – И, не дожидаясь разрешения, спросил: – Зачем вы нас посадили на эти стулья? Чего вы добивались?

«Ну, сейчас Якобсона понесет, – ужаснулась Света. – Наверняка запоет о контакте между зрителем и актером, о дистанции... Напрасно Лешка это затеял».

Но вместо того, чтобы снизить до объяснения, Марк Самуилович неожиданно смутился.

– Это ни в коем случае не с целью унижить вас, – забормотал он, отводя глаза. – Видите ли, у меня есть кресла, и даже стулья... То есть были. Но Эдмончик питает к ним слабость.

Эдмончик поднял голову и вновь жизнерадостно оскалился. Свете показалось, что в пасти у него, как у акулы, шесть рядов зубов.

– Он что, погрыз их? – догадалась она. И тут же вспомнила Тихона, с появлением которого одной диванной обивкой в ее доме стало меньше.

Якобсон кивнул.

– Все что ли? – не поверил Дрозд.

– Ну почему же все... Кое-что осталось. Вот, пожалуйста, посмотрите сами.

Он колыхнул щеками в сторону фортепиано. Света подошла ближе к

бесформенной куче. Снизу из кучи торчало что-то, отдаленно напоминавшее резной подлокотник.

– Это что, кресло?

– Было, – уныло признал хозяин. – И не так давно.

Дрозд по-новому взглянул на пса. В его глазах мелькнуло уважение.

– А почему вы ему не запрещаете? – наивно удивилась Света.

Якобсон поджал губы.

– У вас есть животное?

– Есть.

– Вы ему что-то запрещаете?

– Ну, конечно!

– И что, оно слушается?

Света запнулась.

– Э-э-э... нет, – призналась она под насмешливым взглядом Дрозда.

– Вот и не задавайте тогда глупых вопросов, – отрезал Марк Самуилович.

Когда они выезжали из двора, по радио крутили песню Леры Белой «Синдром клопа». Запись была с концерта, и до них доносился дружный рев поклонников, подпевавших припеву: «Море! А на море суша! А на суше пальма! А на пальме клоп сидит и видит море! А на море суша! А на суше пальма! А на пальме клоп сидит и видит...»

Этот бесконечный стишок Светлана помнила с детства и меньше всего ожидала, что из него можно сделать ноту протеста офисного планктона.

– Включи погромче, а? – попросил Дрозд. – Там дальше речитатив, я его никак не разберу.

Света прибавила звук.

– Наслаждайся.

«А кого-то ждет свидание, купание в субботу! – затараторила Лера. – Но ты сидишь на своей пальме и строгаешь отчеты. Тебе пришлось ползти наверх, и это было непросто, но ты видел перспективы карьерного роста. Теперь оттуда видно море, берег, чайки, понтон и ты отныне важный клоп, а не какой-то планктон!»

– Можешь выключать, – разрешил Дрозд.

– Уверен? Там дальше будет про трансцендентальную тоску клопа и утрату смысла жизни. Клоп хочет искупаться в море, но не может, потому что для этого нужно лезть вниз.

– Да и черт с ним. В какое-то странное направление уходит твоя Лера. Это все довольно вторично.

– Экспериментирует, – оправдала Света певицу. – Ты слишком многого от нее требуешь. Какая конкуренция самая тяжелая, знаешь? Конкуренция с самим собой. Лере еще долго будут ставить в пример ее же собственные песни вроде «Двести двадцать вольт». Она пытается уйти от того, что делала три года назад, и тебе, как музыканту, это должно быть понятно.

– Мне понятно... – Дрозд задумался на несколько секунд. И когда Света уже была готова выслушать взвешенное мнение о тенденциях в музыкальном развитии певицы, решительно закончил: – Мне понятно, что я жрать хочу, как из пулемета. Поехали, перекусим, пока есть время.

Если Света хотела описать какое-то место в Москве, она говорила так: «Это на Садовом, неподалеку от дома с мозаикой, там еще справа сквер с голубыми елями».

Если Дрозд хотел описать какое-то место в Москве, он объяснял: «Это между «Сырной дыркой» и «Оладушками», если идти пять минут вглубь от бывшей столовки номер семь».

Он ориентировался в столице не хуже мыши в буфете, знающей, где можно достать кусочек пряника, печенье, а то и пастилу, а где стоит обойти рассыпанную отраву. Он держал в памяти невероятное количество кафе, ресторанчиков и простецких забегаловок, где можно было купить беляш «как из детства» или съесть, обжигаясь, тарелку горячих, вкусных до умопомрачения пельменей. Дрозд не был гурманом, а всем прочим блюдам предпочитал жареную картошку с лисичками в сметане. Но, бродя с ним по Москве, можно было не беспокоиться о том, где поесть и как после этого остаться здоровым.

На этот раз он привел Свету в маленькое кафе, выдержанное во французском стиле. Столики в зале стояли плотно друг к другу, а Света терпеть не могла есть в тесноте. Но Дрозд, не останавливаясь, проследовал дальше и вышел во второй зал, где в дальнем уголке, у окна, обнаружилось уединенное место. На подоконнике буйствовала красная герань, солнце тербило листья, а стеклянные солонка с перечницей отправляли друг другу солнечные зайчики.

Света с удовольствием опустилась в кресло.

– Чудное местечко. Почему этот столик не занят?

– Потому что здесь герань, – усмехнулся Дрозд.

Он раскрыл меню и углубился в изучение супов.

– Ну и что?

– Не всем посетителям нравится запах. Некоторые жалуются, что он отбивает аппетит.

– Почему же тогда ее не уберут?

Дрозд с сожалением оторвался от изучения холодных закусок.

– Невнимательное ты существо, Света. А еще фотограф. Как называется это заведение?

И снова углубился в меню, пока она пыталась вспомнить, как выглядела вывеска над окнами.

Сами окна вспоминались хорошо. Бело-синие полосатые маркизы над ними – тоже. А вот вывеска...

– Неразборчивое что-то красными буквами, – сформулировала наконец Света.

– Интересное название для кафе. Но нет. Попробуй еще раз.

Света засмеялась.

– Ты же понял, что я имела в виду!

– Что, сдаешься?

– Сдаюсь!

– Вдвойне невнимательное, – упрекнул Лешка. – На, любуйся.

И сунул ей под нос второй экземпляр меню, на кожаной обложке которого было вытиснено название кафе.

– Ле петит гераниум, – с трудом прочла Света по-французски. – А, «Маленькая герань»! Вот почему цветы!

– Не «лепетит гераниум», а «ле пти жераньюм». Да, именно поэтому. Так, супы... Луковый, грибной, тыквенный... Кстати, тыквенный здесь очень неплох.

– Закажи мне, – попросила Света. Не хотелось углубляться в меню, разбираться в ингредиентах, а хотелось сидеть здесь, в безмятежном уголке, и вдыхать терпкий аромат листьев.

Она любила герань. Как и все, создававшее в доме эффект уюта. «Вот взять кактус, – думала Света. – Кактус может жить у кого угодно. У одинокого сисадмина, например, или у молодой девушки, которой подарили кактусенка. А герань – нет. Если смотришь на окно и видишь там горшки с геранью, значит, в доме есть хозяйка. Она печет пирожки, разводит цветы на окне и... Что еще? И вышивает!»

Мысли о вышивке вернули Свету к Стрельниковой. Дождавшись, пока Дрозд сделает заказ, она спросила:

– Как ты думаешь, он нам поверил?

– Кто, Якобсон?

– Да. Что мы журналисты.

– Черт его знает. – Дрозд повертел в руках стеклянную солонку, разбрызгивая солнечные искры. – Я в нем так и не разобрался. То ли

прикидывается дураком, то ли и в самом деле небольшого ума. Мне сначала вообще хотелось уйти, думал, зря потеряем время.

– Правильно сделали, что не ушли.

– М-да, выяснили то, чего нам не хватало. Что у нас в сухом остатке?

– То, что мы и сами подозревали, но не имели подтверждения. – Света прищурилась от брызг света. – Леш, ты меня ослепишь.

– Извини!

Он спрятал солонку в кулак и изобразил на лице раскаяние.

– Караул, хулиганы зрения лишают! – процитировала Света «Джентльменов удачи».

Дрозд сразу подхватил игру: сурово нахмурился, взял самого себя за шею, словно желая придушить, и спросил басом, подражая голосу актера Юрия Яковлева:

– Ты пошто боярыню обидел, смерд?

– Пребывание в России действует разлагающе на неокрепшие умы? – предположила Света, вовремя вспомнив «Формулу любви».

Дрозд наклонил голову и прищурил глаз:

– Ты на что намекаешь? – с характерными блатными интонациями Жоржа Милославского поинтересовался он. – Я тебя спрашиваю, ты на что, царская морда, намекаешь?

И только тут оба заметили официантку, застывшую возле них с двумя тарелками супа.

– Э-хм! – Дрозд откашлялся. Да, последняя фраза прозвучала, пожалуй, чересчур эмоционально.

Света едва сдерживала смех. Обращение «царская морда» явно повергло молоденькую официантку в шок.

– Пожалуйста, супчик ваш, – пролепетала она, ставя тарелку перед Алексеем.

– Благодарю вас. – Дрозд был сама любезность.

Но бедная девушка с опаской отодвинулась и испытующе взглянула на Свету, видимо, пытаясь найти в ней признаки «царской морды».

– Ваш тоже, пожалуйста.

– Спасибо!

Официантка выгрузила сухари и сбежала от эксцентричных посетителей.

Как только она исчезла, друзья от души рассмеялись.

Они обожали эту игру, в которой нужно было вести связный диалог, перебрасываясь цитатами из разных фильмов. И Света, и Дрозд наизусть знали не меньше двух десятков кинокартин. По условиям игры проигрывал

тот, чья цитата выпадала из контекста.

Света вспомнила, как несколько лет назад Лешка привел познакомиться свою девушку. Перед встречей Света почему-то разволновалась. Это было и смешно, и глупо, и раздражало ее: как будто она ему мама или сестра! Да, раньше он не считал нужным представлять своих пассий, ну и что? Это говорит только об одном: новые отношения он считает серьезными.

У нее даже мелькнула мысль, что Лешка собрался жениться. Хотя представить женатого Дрозда... Нет, на это у Светы не хватало фантазии. Его образ жизни могла бы выдержать только очень, очень влюбленная в него девушка.

Девушка оказалась именно такой. Очень юной, очень красивой и очень, очень влюбленной. Они втроем сидели в кафе, ели мороженое, и она все время залезала своей ложкой в креманку Дрозда. Они заказали разные виды: девушка – пралине, а Дрозд – шоколадное. Он любил только такое и не признавал никаких фруктовых или, боже упаси, ореховых добавок.

Девушка протягивала тонкую смуглую руку, задерживала ее около руки Дрозда – терлась, словно кошка. Осторожно вынимала ложечку подтаявшего шоколадного пломбира и подносила к своим губам. Она знала, что у нее красиво очерченные губы, и знала, что подруга Алексея смотрит на нее. И потому чуть нарочито слизывала мороженое и прикрывала от удовольствия глаза.

Света действительно смотрела, и ей отчаянно хотелось сказать: не надо, не делай этого! Он терпеть не может, когда едят из его тарелки, разве ты не успела об этом узнать? Посмотри, он раздражается, но старается скрыть это от тебя. Когда он так незаметно начинает потирать ладонью край стола, это не очень хороший признак.

Но она только старательно отводила глаза, когда девушка тянулась к Дрозду, чтобы поцеловать его в шею. Это было как вторжение в чужое пространство. Только Света не сама входила в него, а ее втягивали силком. Заставляли смотреть, чтобы она оценила их счастье и то, какую идеальную пару они составляют – просто картинка из журнала.

Они и в самом деле отлично смотрелись вместе: миниатюрная девушка с длинными темными волосами – и высоченный светловолосый Дрозд.

Девушка была как ящерица, греющаяся в лучах солнца. Солнцем был Лешка. Когда он прикасался к ней, она замирала, словно впитывала лучи. А потом снова тянулась за его мороженым.

Света с горечью поняла, что она не понравилась этой красивой девочке. И это, в общем-то, правильно. Ни одной нормальной девушке не

придется по вкусу, что у ее парня есть друг женского пола. И любая нормальная девушка постарается застолбить возлюбленного всеми доступными способами, чтобы даже на его зубной щетке стоял штампик: «занято!»

Все это время за их столиком велась оживленная беседа. Но поддерживалась она силами Светы и Дрозда. Девушка в основном молчала, а если отвечала, то односложно. Или вовсе отделялась улыбкой. Света даже была огорошена, когда в самом начале разговора спросила: «Кристина, а где вы учитесь?», и девушка послала ей милую улыбку – и больше ничего. Света еще некоторое время сидела в ожидании ответа и тоже мило улыбалась. А потом вдруг поняла, что ответа не будет. Точнее, ей уже все сказали.

От этого ей расхотелось задавать новые вопросы, и даже почему-то стало неуютно. Но она быстро убедила себя, что на это нельзя обижаться, это просто, как сейчас принято говорить, фишка. Вот такая модная фишечка: сидит девушка, улыбается загадочно, как русалка на обрыве, и молчит. Улыбка – это ее форма взаимодействия с окружающими.

Встреча могла закончиться хорошо. Света после в осторожных выражениях похвалила бы вкус друга. Лешка бы дипломатично сказал: «Да, ты ей тоже очень понравилась». Затем повисла бы неловкая пауза, во время которой каждый из них осознал, что сказал неправду и второму об этом известно. Но неловкие паузы, к счастью, заканчиваются очень быстро.

Однако сценарий оказался нарушен.

Из веранды кафе, на которой они расположились, был виден магазин с лаконичным названием «Хлеб» – пережиток прошлого, чудом сохранивший узкую специализацию среди окружающих супермаркетов. Света любовалась его вывеской с устаревшим шрифтом, витриной, в которой был выставлен муляж огромного калача. И люди, заходившие внутрь, выглядели на редкость несовременно: то просеменит старушка в крошечной шляпке, то пробежит девочка в красном шарфике, издали похожем на пионерский галстук.

Ко входу магазина медленно подполз черный джип. Его появление словно перетасило рычажок времени вперед, и Света удрученно вздохнула.

Дрозд проследил за ее взглядом.

– Наши люди в булочную на такси не ездят! – пробормотала она.

Лешка не мог не отразить подачу.

– Все, что нажито непосильным трудом, – пояснил он, разглядывая квадратный «Гелендваген», из которого выпорхнула девочка лет

шестнадцати на вид.

Света щелкнула пальцами, роясь в памяти в поисках подходящей цитаты. Но тут на ее удачу девочка вытащила из машины трясущегося йорка и гордо проследовала с ним в магазин.

– Не знаю, как в Лондоне, – обрадованно заявила Света, – может, там собака – друг человека. А у нас – управдом – друг человека!

– Высокие, высокие отношения! – парировал Дрозд, отмахиваясь «Покровскими воротами».

Владелица йорка уже пыталась выйти из магазина, но дергала дверь не в ту сторону.

– Замуровали, демоны! – прочувствованно сказала Света.

Дрозд взглянул на Кристину, взглядом взывая о помощи. И помощь подоспела, но не в том виде, который он ожидал.

– Я не согласна с тем, что нельзя ездить в булочную на такси, – мелодично проговорила девушка, обращаясь к Свете. – Почему ты ограничиваешь людей в их праве?

За столом повисло растерянное молчание.

Света не нашлась что ответить. Исправить положение попытался Дрозд.

– Это же шутка, – с натянутой улыбкой пояснил он. – Помнишь «Бриллиантовую руку»?

Кристина повела плечиками.

– Не помню. А в чем смех?

– Ну, в том, что это цитата к месту, – пробормотал Дрозд, перестав улыбаться.

– Хорошо, цитата. – Девушка смотрела честно и серьезно, как октябренок на линейке. – Но откуда такое отношение к собакам? Вы думаете, что если собака маленькая, значит, она вроде игрушки? Но ведь и игрушку можно любить!

Теперь и Дрозд заткнулся.

И тут Света поняла.

Кристина не узнала ни одной фразы. Она не видела тех фильмов, над которыми они с Дроздом хохотали, как сумасшедшие. Не кричала вслед за Мартой: «Они подсыпали сырой порох, Карл!» Не повторяла вместе с Фимкой: «Амо-о-о-ор! И глазами так – зырк!» Весь толстый пласт, на котором выросли Дрозд со Светой, от Винни-Пуха до Штирлица, был ей незнаком.

Или просто неинтересен.

Дрозд объяснил:

– Кристина, про собаку – это тоже из «Бриллиантовой руки». Тебе не нравится этот фильм?

– Не помню. Я не очень люблю кино, ты же знаешь.

– Ты любишь мое шоколадное мороженое, – сказал он, глядя, как она добирает остатки его пломбира.

И переключил разговор на другое.

Света вновь поддерживала беседу, смеялась его шуткам, заказала еще одну порцию мороженого... Только теперь тщательно следила за речью, чтобы не обронить случайно какую-нибудь цитату. И Лешка казался чуть более напряженным, чем обычно.

– Пойду к витрине, посмотрю, что у них есть из сладостей, – сказал он, поднимаясь. – Вам что-нибудь принести?

Кристина послала ему воздушный поцелуй:

– Сладкоежка моя! Принеси мне тирамису.

– Свет, а тебе?

– Нет, Леш, спасибо. Больше ничего не хочется.

Когда Дрозд скрылся к глубине кафе, за их столиком воцарилось молчание. Нужно было поддерживать разговор, но Света устала. Тяжело вести светскую беседу, если собеседник смотрит сквозь тебя.

Но Кристина оторвалась от созерцания золотых часиков на своем запястье и взглянула прямо в глаза Свете.

– В выходные мы собираемся в Раменское, – она дружелюбно улыбнулась, – на соревнования по мотокроссу.

Света кивнула, приятно удивленная ее благожелательностью. Выходит, зря она решила, что девушка не желает с ней общаться. Вот же, пожалуйста – первая нашла тему для разговора, и очень удачно: Света с Дроздом часто бывали в Раменском.

– Я надеюсь, – продолжала Кристина, по-прежнему мило улыбаясь, – ты понимаешь, что тебе там нечего делать?

Громко хлопнула дверь кафе. Но это был не Дрозд – тот по-прежнему что-то обсуждал с официанткой, наклонившись над витриной.

– Именно тебе – нечего, – подчеркнула девушка, не обращая внимания на ошеломленное Светино молчание. – Понятно, что Алеша позовет тебя с нами. Но мне бы не хотелось, чтобы ты ставила себя в глупое положение.

– В глупое положение... – повторила Света.

Кристина скорчила гримаску:

– Ну, знаешь, третий лишний, все такое. Между нами, девочками, тебе лучше заняться своей личной жизнью, а не чужой. Это мой добрый совет. Я не люблю всякие женские хитрости, интриги. Предпочитаю честность.

– Честность?

Света поймала себя на том, что стала просто эхом. Ей хотелось повторять за Кристиной каждое слово, попутно уточняя его значение. Казалось, она разговаривает с инопланетянином, овладевшим человеческой речью. Вроде бы все фразы понятны. Но инопланетянин вкладывает в них свой, инопланетянский смысл. Слово «честный» в его терминологии означало что-то другое, не то, что принято на планете Земля.

Света собралась с мыслями.

– Вот этот наш разговор ты называешь честностью, правильно я понимаю?

– Естественно. – Казалось, Кристина удивлена ее тупостью. – Я могла бы просто капать ему на мозги. – Она кивнула в ту сторону, куда ушел Дрозд. – Объяснять ему, чего ты добиваешься. Раскрывать твою натуру. Думаешь, не могла бы?

– Могла бы.

– Может, думаешь, не получится?

Девушка подождала ответа, но Света молчала.

– Получилось бы, – заверила Кристина. – Ты считаешь меня глупой, а зря. Наверное, смотришь на меня сейчас и думаешь: «Какая же она дура!»

Света думала не об этом. А о том, что у этой милой девушки два голоса: один – для Дрозда, другой – для всех остальных. Наверное, поэтому Кристина молча улыбалась ей все время: не хотела, чтобы Дрозд слышал этот второй голос. Он бы вряд ли пришелся ему по душе.

– Тебе сейчас нужно думать не обо мне, а о себе. – Кристина постучала по золотому циферблату на своем запястье. – Время ухо-о-одит. У тебя биологические часики тикают! Слышишь? Тик-так-тик-так! Тебе сколько, двадцать девять? – Она сочувственно вздохнула. – В твоём возрасте уже дети должны быть.

«Ей, наверное, не больше девятнадцати», – подумала Света.

– Знаешь, мне тебя жалко, – проникновенно сказала Кристина. – Я смотрю на тебя и вижу твое будущее. В тридцать попробуешь найти себе мужа. Займешься фигурой, лицом, сделаешь новую стрижку. Но все будет бесполезно. В тридцать четыре станешь искать уже не мужа, а спермодонора, и метаться по врачам. В тридцать шесть поймешь, что у тебя больше ничего хорошего не будет.

– И впереди беззубая старость, – кивнула Света.

– Как-то так, да. – Девушка не уловила иронии. – И что тогда?

Света задумалась.

– Завернись в простыню и медленно поползу в сторону кладбища? –

предположила она.

С лица Кристины исчезло сочувствие. Она посмотрела на Свету внимательнее и, кажется, что-то поняла.

– По хорошему не получилось, – протянула она. – Жалко. Но ты сама напросилась. Я думала, ты умная. А оказалось – просто тупая лошадь.

– Что? – изумленно спросили сзади.

Девушка обернулась. Дрозд стоял у ее стула с двумя тарелками в руках. Ни Света, ни Кристина не заметили, как он подошел.

Дрозд аккуратно поставил на стол пирожные.

– Сядь, пожалуйста, я тебе все объясню, – быстро проговорила Кристина.

Дрозд стоял.

– Пожалуйста, сядь!

Он сел, не сводя с нее глаз.

– Пока тебя не было, она сказала, что я тебе не подхожу. – Кристина закусила губу. – Что я глупая, что я тебе не ровня.

Света потеряла дар речи. Ее хватило лишь на то, чтобы пискнуть что-то невнятное. Но Дрозд даже не посмотрел в ее сторону.

– Я не хотела тебе признаваться! – со страданием в голосе проговорила Кристина. – Но ты же понимаешь, я не могу допустить, когда меня оскорбляют. Даже если это делают люди, которые называют себя твоими друзьями. Прости, я не сдержалась!

Света испытала сильное желание ущипнуть себя, чтобы удостовериться, что она все еще здесь, и взглянуть в зеркало – убедиться, что ее видно. Что она не растворилась, не исчезла, не сбежала, оставив этих двоих наедине. Потому что Кристина вела себя так, будто рядом с ней никого не было, кроме Дрозда. Как будто Свету можно вообще не принимать в расчет.

– Она меня обидела, – пожаловалась Кристина и взяла его за запястье. – Ты бы слышал, что она мне наговорила!

Дрозд отнял руку. Девушка сбилась с выбранного тона и сказала громче, чем следовало:

– Она считает тебя своей собственностью! Она специально все это начала, чтобы выставить меня дурой!

На них начали оборачиваться из-за соседних столиков.

– Ну что ты молчишь?!

Дрозд не ответил. Он смотрел на Кристину, прищурившись.

– Мне здесь плохо, пойдём, – попросила Кристина.

Дрозд молчал.

– Ты меня слышишь? Я не хочу здесь больше оставаться!

Дрозд по-прежнему молчал.

– Лешик, она же тобой манипулирует! Разве ты не понимаешь? Я ей сразу не понравилась. Она меня ревнует к тебе!

Дрозд молчал. Но теперь это было тяжелое молчание. И взгляд из недоуменного тоже стал тяжелым, недобрый.

Под этим взглядом Кристина поднялась.

Дрозд даже не пошевелился, и это было удивительно. Когда-то мать вдолбила ему, что законы приличия требуют встать, если при нем стоит женщина. Лешка неуклонно следовал этому правилу со школы, умиляя учительниц и забавляя одноклассников.

Но сейчас он сидел.

– Так ты идешь со мной? – позвала Кристина.

Она даже попыталась улыбнуться. Это была робкая, немножко жалкая улыбка. Такая улыбка должна была растрогать любого мужчину.

– Резать к чертовой матери, – непонятно сказал Дрозд. – Не дожидаясь перитонита.

Губы Кристины дрогнули. Несколько секунд она стояла неподвижно. А затем развернулась и пошла прочь, очень прямо держа спину.

Дрозд перевел взгляд на Свету и сухо проговорил:

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться.

Напряжение, сгустившееся вокруг них, понемногу стало рассеиваться. Но он смотрел на нее так, как будто боялся, что она сейчас тоже встанет и уйдет.

– Товарищ жених, – тихо сказала Света, – вы совершили грубейшую ошибку. Нужно было сначала закончить все дела с невестой, а уже потом идти на собрание.

– Это откуда?

– Из «Гаража», серость.

– А я его никогда особенно не любил, – сказал Дрозд.

\* \* \*

После они не обмолвились и словом о том, что произошло в кафе. Долгое время Свете было неприятно даже вспоминать об этом.

Но сейчас Света поняла, что угрызения совести куда-то испарились. Кажется, она наконец-то перестала чувствовать ответственность за чужую глупость.

Странно, что это случилось только сейчас.

– Старею, – вслух подумала Света.

– Представь, будешь как Яacobсон, – напугал ее Дрозд. – Разжиреешь! Собаку заведешь!

– Никогда!

– По первому пункту или по второму?

– По обоим! Это не собака, что бы ты ни говорил.

В сумке у нее зазвонил телефон.

– Да?

– Ну, Светлана Валерьевна, не успеваю с вами сегодня встретиться, – озабоченно сообщили в трубке.

– Константин Мстиславович?

– Ну. Он самый.

– А когда...

– Завтра, все завтра, – быстро заверил следователь. – Жду в десять, отбой.

– Подождите-подождите! – Света лихорадочно вспоминала, что хотела спросить у него. – Вы разговаривали со Стрельниковыми? Кто-нибудь из них бывал у Рыбакова?

Следователь с сомнением помолчал.

– Константин Мстиславович, вы помните, что в меня стреляли? – с нажимом спросила Света. – Так кого мне нужно избегать в темном переулке?

В трубке вздохнули.

– Ни один из вашей троицы не подтвердил, что был у Рыбакова. Вам бы темных переулков нужно избегать, Светлана Валерьевна.

Раздались гудки. Света спрятала телефон в сумку.

– Отменил встречу? – догадался Дрозд.

– Ну. И что теперь делать?

Официантка незаметно изъяла у каждого из них его тарелку и так же незаметно принесла второе.

– Я думаю, для начала – поесть как следует. – Дрозд поддел на вилку кусок сочного мяса. – А потом я отвезу тебя домой, а сам успею сгонять в Малиновку. Если нет пробок, обернусь за три часа.

– Леш, не выдумывай, – попросила Света. – Оперативники наверняка всех опросили.

– Что сказал тебе следователь?

– Что никто из «нашей троицы» не был у Рыбакова.

Дрозд нахмурился и отложил вилку.

– Подожди... Он именно так и сказал? Ты уверена?

Света сообразила, что переврала фразу.

– Нет, прости! Он сказал: никто не подтвердил, что был у Рыбакова.

– Это другое дело. Значит, все всё отрицают. Это облегчает нашу задачу.

– В чем же?

Но Дрозд не стал ничего объяснять. Он подвинул к ней тарелку:

– Ешь, стынет.

Света посмотрела на обжаренные ломтики кабачков и покачала головой.

– Appetit пропал. Есть совсем не хочется. Где ты собираешься брать фотографии?

– Они у меня уже с собой. Вчера залез на сайт театра и на всякий случай распечатал всю труппу в полном составе.

– Включая режиссера?

– Его в первую очередь. После рассказа Якобсона он первый под подозрением. Слушай, съешь хоть один кабачок! Ты не представляешь, как их здесь готовят. Вроде бы трава травой, а вкусно.

Света без всякого желания откусила от кабачка. Потом еще раз. И еще.

– Ну, что я говорил! Кстати, а что я говорил?

– Ты говорил о Стрельникове... – с набитым ртом промычала Света.

– А, точно. Мы только не выяснили, почему он так сопротивлялся роману своей сестры и Олега. Может, он гей? И сам был неравнодушен к Рыбакову? Ты не обратила внимания?

Света чуть не поперхнулась.

– Как ты предлагаешь мне обратить на это внимание, интересно? Думаешь, у него где-нибудь в секретном месте есть татуировка: «Я – гей»?

– Может, манеры? Или он весь из себя такой ухоженный?

– Он весь из себя такой противный! – искренне сказала Света.

– О!

– Что – «о»?! Ничего не «о»! Он противный в другом смысле. В общечеловеческом!

– Жаль, славная выстраивалась версия. Мы уперлись в то, что Стрельников не желал видеть свою сестру рядом с Рыбаковым. А я вдруг подумал: может, это Рыбакова он не желал видеть рядом со своей сестрой?

– Полагаешь, ревновал?

– Угу. Но это только предположение.

Света вынуждена была признать, что выглядит оно вполне логично. Сюда укладывалось то, что против других романов Анны Виктор не

протестовал.

– А сам Рыбаков... – вопросительно начала она.

– Гетеросексуален до мозга костей, – заверил Дрозд. – Когда-то ему нравились женщины определенного типажа: стройные брюнетки.

«То есть такие, как Стрельникова».

– Если ты прав, то понятно, почему Рыбаков и Стрельников поссорились. Допустим, Виктор приехал к нему... Зачем?

– С непристойными предложениями, – пришел на выручку Дрозд.

Света подозрительно взглянула на него, но он был серьезен.

– Хорошо, с предложениями, – согласилась она. – Рыбаков – вовсе не тот общительный веселый парень, каким был раньше. Может быть, Виктор рассчитывал хотя бы на спокойный разговор, но ничего не вышло. Олег его отверг и высмеял.

– Высмеял? – усомнился Дрозд. – Не похоже на него.

– Мы же не знаем содержание их разговора. Может, он его оскорбил. Или Рыбаков вообще был гомофобом.

– Раньше не был. Не забывай, в какой среде он вращался. Тут, знаешь, долго гомофобом не побудешь. Это как приехать в Голландию и ненавидеть тюльпаны.

– Ты сам говорил, что он сильно изменился, – напомнила Света. – На фотографии ты его даже не узнал. Мог поменять и убеждения.

– Хорошо, допустим, так. Отверг, высмеял, и Стрельников его застрелил в состоянии аффекта. А перед уходом из дома захватил пистолет.

Дрозд осекся и резко помрачнел.

– Леш, ты чего? – Света подергала его за рукав. – Лешка! Что ты придумал?

Он отодвинул тарелку с недоеденным мясом.

– Не придумал, а кое-что понял. Знаешь, о чем говорит этот факт?

– О чем?

– О том, что ты была права. Дело не в манекене.

– Почему?

– Смотри: убийца забрал пистолет с места преступления. И не выкинул в ближайшую реку, как сделал бы на его месте любой нормальный человек, а носил с собой. Пистолет – это железная привязка к преступлению. Именно поэтому от орудия убийства обычно избавляются в первую очередь.

– А он не избавился...

– Нет. И это может означать только одно: когда он уходил из дома Рыбакова, то уже знал, что пистолет ему понадобится.

Света широко раскрыла глаза.

– Он знал, что пойдет убивать меня!

– Вот именно. И это случилось до того, как ты поехала к Стрельниковой. Значит, что-то заставило его считать тебя опасной! С Рыбаковым тебя связывает одна-единственная встреча. Света, вспоминай! Что такого ты могла увидеть у него?

– Оторванный рукав халата! – в полном отчаянии сказала она.

– Что?

– Шарф! – не останавливаясь, продолжала перечислять Света. – Пишущую машинку старую! Грязные миски. Швабру. Пятнадцать расчлененных стульев.

– погоди! – перебил Дрозд. – Что значит расчлененных?

– Ну, ножки отдельно, сиденья отдельно. Может, их было не пятнадцать, а восемь, я не считала.

– Что еще? Может, фотографии на стенах? Записки на столе?

– У него весь стол был в записках! А также в чашках, чайных пакетиках, огрызках карандашей и...

Света запнулась.

– Что?

Света еще раз проверила то, что подсказывала ей память.

– Ты знаешь, – удивленно проговорила она, – я, кажется, видела пистолет.

Дрозд схватил ее за руку:

– Где?

– Как раз на столе. Ты сейчас сказал, и я вдруг вспомнила. Из-под пары листов торчала короткая черная рукоятка. Знаешь, как если бы пистолет просто валялся на столе, а потом на него небрежно бросили сверху листы бумаги.

– Бросили или специально прикрыли? – быстро спросил Дрозд. – Света, это важно. Вспомни! Если прикрыли, это означает, что Олег ждал кого-то, кого он сильно боялся. Вряд ли он подготовил оружие к твоему приезду. Олег, конечно, не любил фотографов, но не до такой же степени.

– А если просто валялся?

– Значит, Рыбаков был до идиотизма неосторожен с оружием. Может, все-таки не пистолет?

Света нервно рассмеялась. А в ответ на молчаливый вопрос в глазах Дрозда пояснила:

– Вспомнила старую детскую загадку: длинное, зеленое, на стене висит. Вот и у меня: черное, рифленое и поблескивает. Что это такое?

– Это может быть что угодно. Какой-нибудь кухонный тефлоновый прибалбас. Или вообще телефон. Похоже было на угол телефона?

Света высвободила руку, достала из сумки блокнот и по памяти нарисовала предмет, который она видела. Подвинула открытый блокнот к Дрозду:

– Вот. Похоже на телефон?

– Нет, – сказал Дрозд, помолчав. – На пистолет похоже. На «Макаров». Ни слова не говоря, Света спрятала блокнот в сумку.

– Так... – Дрозд побарабанил пальцами по столу. – Давай я тебя отвезу домой, а по пути поговорим. Иначе я в Малиновку не успею.

Света поднялась и похлопала его по плечу:

– Не надо меня никуда отвозить. Я с тобой поеду.

Из кафе они выходили в уже привычном порядке: сначала Дрозд высунулся наружу и осмотрел улицу, потом выпустил Свету. Она обернулась к окну. Герань радостно пламенела на подоконнике. За стеклом медленно двигалась официантка, убирая их столик. Она походила на большую рыбу, плавающую за водорослями. Света мысленно сделала кадр.

Улица была почти безлюдна. Вдалеке к остановке прижался троллейбус, уронивший усы, и стоял, как уставшая лошадь возле забора.

Света замедлила шаг. Ей хотелось поймать и удержать в памяти эту улочку, такую тихую, сонную, разморенную под июльским солнцем. Внутреннее чутье подсказывало, что в ближайшее время такой тишины и умиротворенности в ее жизни не случится.

В позвоночнике прочно поселилось новое для нее чувство – чувство опасности. Света ощущала его как холодный стержень. Как иглу, воткнутую в спину, не дающую забыть о себе ни на миг.

Черт бы побрал тот день, когда она решила поехать к Рыбакову!

– Свет, – позвал Дрозд.

Она вздрогнула.

– Не пугайся. Я только хотел спросить, что это такое – зеленое и на стене? Я помню, что отгадка какая-то дурацкая.

Они подошли к «Хонде». Когда Дрозд открыл дверь, изнутри дохнуло жаром, как из нагретой духовки.

– Дурацкая, – подтвердила Света. – Их много, этих отгадок. В моем варианте это был тренирующийся альпинист.

– А почему зеленый?

– Потому что испугался.

– М-да... – язвительно протянул Дрозд. – Единственная загадка,

которую я знаю, и то лучше.

Света хмыкнула.

– Не знаешь ты никаких загадок!

– А вот и знаю. Одну. Висит груша, нельзя скушать – почему?

– Почему? – заинтересованно повторила она.

– Потому что боксеры морду набьют. Все, поехали.

Света засмеялась и села в машину.

И только когда Москва осталась позади, она вдруг сообразила, что Дрозд не просто так вспомнил про загадки. Он отвлекал ее, заметив страх в глазах.

Через два с половиной часа на дороге промелькнул указатель к станции. Они издали увидели зеленый хребет электрички.

Дрозд повернулся к Свете и предупредил:

– Никуда от меня не отходить. Ясно?

Она кивнула. В позвоночнике по-прежнему звенел холод, будто она прижималась спиной не к автомобильному креслу, а к глыбе льда.

На станции оказалось оживленно.

Возле кассы переговаривались две женщины с хозяйственными сумками. К автобусной остановке гуськом, как утки, шла группа старушек в шерстяных кофтах.

Загорелый мальчишка, остановившись на краю платформы, смотрел вниз, на железнодорожное полотно, и глаза у него были такие, словно он видел перед собой не рельсы, а накатывающие волны.

Неподалеку от него старик в кургузом пиджачке кричал в сотовый телефон: «Давай забирай меня уже, Миша! Давай, я тебя заждался!»

– Это он с архангелом Михаилом общается, – тихо сказал Дрозд. – Все, говорит, надоело мне тут, хочу в рай. Забери меня, Миша.

Света посмотрела на маршрутку, ждущую с открытыми дверями.

– Начнем с водителя? – предложила она. – Сейчас будут развозить народ по деревням, через пять минут здесь все опустеет.

– Согласен.

Пассажиров оказалось около двадцати человек. Света с Дроздом подходили к каждому, показывали снимки.

Куривший водитель, стряхивая пепел за окно, рассматривал фотографии дольше всех.

– Вот эта вроде ничего так, – хохотнул он, ткнув загрубелым пальцем в Стрельникову.

– Вы ее видели? – с надеждой спросила Света.

– Да ну, откуда! Вон только каких вожу!

Он мотнул головой в сторону салона. С первого сиденья ему лучисто улыбалась сухонькая старушка лет девяноста на вид.

Света присела возле нее.

– Простите, пожалуйста, вы откуда?

– Чево? – с улыбкой крикнула старушка ей в ухо.

– Откуда вы, бабушка? – повторила Света громче и потерла ухо.

– Из Малиновки она, – подсказали сзади.

«Из Малиновки!»

– Посмотрите, вы никого из эти людей здесь не видели? Может, в деревне?

Старушка живо перебрала фотографии, щурясь на каждую.

– Может, вам очки надеть? – подсказала Света.

– Чево?!

– Очки, говорю, не нужны?! – рявкнула Света.

– Ты очки продаешь? – удивилась старушка.

– Ваши! Ваши очки!

– Девушка, вы с ней только зря время потеряете, – проговорили сзади. – Она мало того, что глухая, еще и не видит ничего. А если видит, то не запоминает. Ее сын встречает в Малиновке, иначе она не помнит, в какой дом идти. А на станции я ее сажаю в автобус. Давайте лучше мне. Гляну, кто там у вас.

Света обернулась к советчице. Симпатичная круглолицая женщина лет пятидесяти, похожая на сельскую учительницу из книжек, протянула руку.

Света молча отдала ей пачку фотографий.

– Это кто? – с любопытством спросила «учительница». – Лица все какие хорошие...

Света уклонилась от прямого ответа.

– Вы кого-нибудь из них здесь видели?

Женщина покачала головой. И вдруг сказала:

– Ой, вот эту, кажется, помню. Точно, помню! На машине она приезжала.

Света выхватила снимок у нее из рук. Неужели им так повезло?! Они нашли, кто может опознать Стрельникову!

Но в следующую секунду испытала острое разочарование. На фотографии была неизвестная ей молодая актриса, которую она прежде никогда не видела. Смуглая черноволосая девушка в ярком длинном платье загадочно улыбалась зрителю. «Кармен, наверное, ставили. Или

пушкинских “Цыган”».

Женщина явно ждала одобрения, и Света через силу улыбнулась.

– Спасибо большое, вы очень нам помогли.

В самом конце салона, опросив последнего пассажира, выпрямился Дрозд, и по его лицу стало ясно, что он тоже ничего не добился.

– Да, уже года два прошло, не меньше, – горделиво сказала «учительница». – Но у меня память на лица прекрасная, скажу вам без ложной скромности. Каждому бы такую память! Эта девушка дорогу не могла найти. А я ей говорю: вам, говорю, нужно ехать...

И подробно пересказала их разговор. Свете показалось, что пересказ мог бы быть и покороче. Но собеседница увлеклась собственными воспоминаниями.

На их счастье, водитель громко объявил:

– Перекур закончен, поехали, граждане!

Как только Дрозд со Светой спрыгнули со ступенек, дверь за ними захлопнулась. Маршрутка фыркнула и умчалась, взметая пыль на проселочной дороге.

– Кого там тетенька опознала? – спросил Дрозд. – Покажи.

– Да ошиблась она, наверное. К тому же это было несколько лет назад.

– Эх, черт... Все равно давай проверим.

– Давай, – согласилась Света без малейшей веры в успех. – Ну что, теперь домой? В Малиновку не поедем, я надеюсь?

– Подожди, мы кассира не опросили.

Но касса уже закрылась. Станция опустела, и только седой старик, призывавший Мишу, бродил по платформе.

Света с Дроздом переглянулись.

– Дедушка, вас подвезти? – предложил Дрозд, подходя к нему.

– А? Что? – вздрогнул старик. – А-а, нет, ребятки, спасибо. Я зятя жду. Зять за мной должен приехать. Перепутал время, опоздал, что поделаешь. Я ничего, погуляю здесь. Тепло у нас, можно и погулять.

Он пощипал клочковатую бородку и полубопытствовал:

– А вы что же, едете куда? В Назарово?

– В Малиновку собирались, – ответил Дрозд.

– Эх! Так вам со мной не по пути. Я-то в Назарово. Автобусом можно, конечно, только пока он доплюхает! – Старик махнул рукой. – Ничего, Миша мой приедет, домчит, как говорится, с ветерком.

Он доверчиво посмотрел на Свету и признался, понизив голос:

– Зять-то у меня хороший, не каждому таких выдают. А вы что же, в автобусе потеряли что? Сережку обронили? Бродили, искали...

Света подивилась зоркости старика. Он не отходил от станции, но успел разглядеть, что они долго находились в маршрутке.

– Нет, не сережку. Мы разыскиваем одного человека, который был здесь несколько дней назад. Вот, спрашивали, не видел ли его кто-нибудь.

– Это что же за человек такой?

Дрозд без особого воодушевления достал фотографии.

– Кто-то из этих.

– Глянуть-то можно?

Старик полез в карман, выудил очки и нацепил на нос. Первую фотографию отодвинул далеко от себя, рассмотрел на расстоянии вытянутой руки и молча отдал Свете. Вторую вернул сразу же. На третью коротко глянул и кивнул:

– Да, был здесь такой, помню его. Рано утром был, еще до восьми. Заблудился, значит, вот что. Здесь у нас все плутают. Ни указателей ведь нету, ну ничего! Пять деревень кругом, попробуй разберись, где какая! Походил он, значит, дорогу спросил у кого-то и уехал.

– Это какого числа было? – замирающим голосом спросила Света.

– А пятнадцатого, – не задумываясь, ответил старик. – Я почему помню? Потому что пятнадцатого в город должен был ехать, к доктору своему. Ну и поехал. Пораньше, чтобы, значит, до обеда успеть. Не успел, конечно. Успеешь тут с такими очередями! Все болят, как с цепи сорвались!

– Подождите! – прервал Дрозд словоохотливого старика. – Вы уверены?

К станции подлетел замызганный «Жигуленок».

– А вон и Миша мой! – обрадовался старик и замахал руками, как будто стоял в густой толпе и боялся, что его не заметят. – Уверен, уверен! У него лицо приметное такое, кругленькое.

И пошел навстречу широкоплечему мужчине, выбравшемуся из машины.

А Света и Дрозд остались стоять, глядя на фотографию, с которой грустно улыбался похожий на забытого всеми доброго клоуна маленький актер Серафимович.

## Глава девятая, в которой на сцену снова выходит Генри

В темном зале пахло краской, клеем и еще каким-то специфическим ремонтным запахом, который держится долго-долго. Возле тускло освещенной сцены в углу стояла забытая стремянка, а рядом двое мужчин препирались, кто должен ее унести.

– Котелков оставил, Котелков, – монотонно твердил первый. – Я тут при чем?

– А кто отвечает за Котелкова? – кипятился второй. – Станиславский, что ли?

Мимо них прошла женщина богатырского телосложения, подхватила одной рукой стремянку и скрылась за кулисами.

Мужчины проводили ее глазами и вернулись к беседе. Только теперь они обсуждали, кто должен был поставить стремянку на место.

– Тихо! – Виктор Стрельников громко хлопнул в ладоши. – Коля, дай свет нормальный, не видно ни черта.

Где-то вверху что-то щелкнуло, и сцену залило ярким желтым светом. Декорации изображали комнату в английском стиле.

– Начинаем через пять минут! Саша, режиссерский экземпляр у тебя?

– Здесь, Вить, – откликнулись с первого ряда.

– Хорошо. Что у нас с фонограммой?..

Света сидела в глубине зала и возилась со вспышкой. При таком ярком перепаде освещенности нельзя ошибиться в значениях. Изредка она посматривала на сцену, но там пока распорядился Виктор. Время от времени к нему подходил низкорослый бородатый мужчина с колыхающимся животом – помощник режиссера. Они что-то тихо обсуждали, и помощник возвращался на свое место в зале.

Света никогда прежде не бывала на репетициях. Ей объяснили, что подготовка спектакля проходит три ступени. Первая, начальная – это читка пьесы по ролям и обсуждение будущего спектакля. На втором этапе актеры уже находятся в репетиционном пространстве. Этим пространством не обязательно должна быть сцена, достаточно подходящей комнаты. Главное, что исполнители не просто читают роли, а двигаются, прорабатывают отдельные эпизоды до тех пор, пока не находят самый точный вариант. Декораций еще нет, они лишь обозначаются подсобными средствами. «У

Стрельниковой я как раз была на такой репетиции, – подумала Света. – Кажется, на профессиональном жаргоне ее называют “выгородкой”».

Третья ступень – заключительная. Все компоненты должны быть собраны в одно блюдо под названием «спектакль».

Именно это и происходило сейчас в зале.

И именно на этот день у Светы была назначена здесь съемка.

Они с Дроздом накануне ужасно поссорились из-за этого. Дрозд считал, что Света должна закрыться в квартире, зашторить окна и спрятать ключи. Какая съемка, она что, сошла с ума?

Света твердила, что она не может так подводить людей, и что в театре с ней не может случиться ничего страшного. Будет куча народу, а среди кучи народу убить человека не так-то просто. И она будет крайне осторожна: не пойдет ни за кулисы, ни в туалет, ни в гримерку, ни в любое другое место, где собирается меньше трех человек. Даже если ей передадут записку, в которой будет написано: «приходите и узнаете кое-что важное».

– В общем, так: я поеду с тобой, – подытожил взбешенный Дрозд. – А если Стрельников попробует не пустить меня с тобой в театр, пускай вся твоя съемка идет к чертям! Вместе с журналом и их паршивым проектом!

– Хорошо-хорошо, – быстро согласилась Света.

Они как раз выехали на трассу, где тяжело пыхтели фуры, и ей совершенно не хотелось выводить его из себя. Последние десять минут она пыталась дозвониться до следователя, но Константин Мстиславович, как назло, был недоступен.

Однако Дрозд не успокоился.

– Ты понимаешь, до какой степени рискуешь?! Зачем тебе это? Почему нельзя заболеть, скажи мне? Что, если бы ты ногу сломала?! Вот, например, едем мы с тобой сейчас, и вдруг – хрясь, и в дерево!

Глаза его вдруг загорелись нехорошим блеском.

– Но-но! – испугалась Света. – Даже не думай! Сломаю шею вместо ноги, и что?

– Я уже не знаю, что сделать, чтобы ты передумала. Объясни мне, почему тебе нужно идти туда завтра?! Для тебя что, так важен этот заказ? Что ты потеряешь, если не пойдешь?! Не говори мне, что самоуважение, иначе я тебя на ходу из машины выкину.

– С тебя, пожалуй, станется, – пробормотала Света.

– Я все еще не слышал объяснений.

Она молчала. По своему обыкновению, молчала виновато.

– Свет, я же знаю, что ты боишься, – сбавил тон Дрозд. – И мне было бы страшно на твоём месте, и любому нормальному человеку. Черт, мне на

своем-то жутко так, что кошмары снятся! А каково тебе, я и представить не берусь.

Света искоса взглянула на него. Дрозд не видел снов, и не раз говорил ей об этом.

– Так зачем? Зачем ты это делаешь? Объясни. Может быть, я чего-то не понимаю, и тебе действительно настолько нужен этот проект?

– Да не проект! – с силой воскликнула Света. – Я себе важна! Я сама, понимаешь? Если я закроюсь в квартире и буду сидеть, ожидая, пока преступника схватят, я свихнусь. Потому что если уж прятаться, то прятаться нормально. Не выходить из дома вообще! Ты станешь покупать мне продукты, выносить мусор, платить за электричество. А я буду заниматься только одним – ждать. Ждать, когда позвонит следователь и скажет, что его поймали. И знаешь, на что это будет похоже? Вся моя жизнь превратится в одно сплошное ожидание телефонного звонка. Все планы будут сорваны. Все клиенты вместо обещанных сессий получают фигу. Ты в курсе, что у меня через две недели свадьба?

– Поздравляю! – буркнул Дрозд. – Кто счастливчик?

– Иди к черту! – Света тоже разозлилась. – Я с этими ребятами договорилась еще три месяца назад, мы с ними не раз работали вместе. Где они за две недели найдут нормального свадебного фотографа?

– Да вокруг полно свадебных фотографов! Куда ни плюнь, попадешь в свадебного, черт бы его побрал, фотографа!

– Который именно этого и заслуживает – чтобы в него плюнули! Не притворяйся, будто не понимаешь, о чем речь.

– Подумаешь, высадит пару раз невесту на лужайке, голой попой в мокрую траву... Ну, попросит жениха пообниматься с березками. Снимет родственников в таком виде, будто они третий день беспробудно бухают. Потом наляпает на готовые снимки вензелей и кошмарных рамок и выдаст клиентам. Подумаешь, трагедия!

– Да, трагедия, – твердо сказала Света. – Я не позволю свою невесту сажать в траву, как ты выражаешься, голой попой. Это пошлость и безвкусица. Они скромные, тихие ребята. Попадется им какой-нибудь особо активный фотограф, бывший в прошлой жизни тамадой... Он им всю свадьбу испортит!

– Ты пойдешь на репетицию и будешь ждать, пока что-нибудь испортят тебе. Например, прострелят голову.

– Лешка, он этого и хочет – чтобы я боялась. Чтобы он был охотником, а я добычей.

– Ты и есть добыча. Если у одного ружье, а у другого только ноги, то

расстановка сил очевидна.

– Пусть так. Но мне страшнее бесконечно прятаться от него, чем ехать завтра на эту проклятую съемку.

Дрозд ничего не ответил. Казалось, он целиком сосредоточился на дороге.

Свете очень хотелось объяснить ему, но мешало то, что он не глядел на нее.

Тогда она тоже стала смотреть вперед. Медленно, запинаясь, подбирая слова, проговорила:

– Я себя теряю. Не потому, что боюсь! Ты верно сказал, любой бы боялся: кто-то больше, кто-то меньше. Но если в тебе не остается ничего, кроме страха, что остается от тебя самого? Если ты делаешь не то, что ты хочешь, а лишь то, что хотят от тебя другие, ты понемногу исчезаешь. Леш, я почувствовала это, когда работала в офисе. Ты только не смейся. Я понимаю, кажется странным это сравнивать.

Дрозд и не думал смеяться, и Света продолжала увереннее:

– Представь: ты каждый день начинаешь с того, что встаешь по будильнику, хотя не хочешь. Едешь туда, куда не хочешь ехать, и делаешь то, чего не желаешь делать! А вечером возвращаешься домой на метро, смотришь на свое отражение в окне вагона и думаешь – что от меня остается? Каждый день стирает тебя чуть-чуть, словно ты ластик, которым проводят по шершавой бумаге. Жизнь – шершавая бумага. Тебе хочется рисовать по ней. Но вместо этого ты все уменьшаешься, и уменьшаешься, и уменьшаешься... Не оставляя за собой ни единого следа, ни одной линии.

Она испугалась, что говорит глупости, и замолчала. Нет, не получается у нее выразить словами то, что чувствуешь. Вот фотография – готовый мостик между фотографом и зрителем без всяких слов. Здорово было бы: показать Лешке серию снимков – и не нужно ничего объяснять!

Минут пятнадцать проехали в полной тишине.

– Ну и чего мы молчим? – проворчал наконец Дрозд.

Света живо обернулась к нему.

– Я думаю над тем, как сфотографировать страх.

– По-моему, это не слишком сложно.

– А если избегать банальных решений?

– Если избегать банальных решений, все становится сложным. Банальными путями все давным-давно пройдено. Нужно либо придумывать сложные, либо придумывать такие банальные, которых никто еще до тебя не придумал. А это намного сложнее сложного!

Света сначала рассмеялась, а потом подумала, что он прав.

– Знаешь, я как-то видела в книге две фотографии, которые должны были передавать страх и нарастающее напряжение. Их поместили не на одном развороте, а на разных. Глядя на первый снимок ты еще не знал, что увидишь на втором.

– И что там было?

– На первой фотографии – темно-синяя поверхность океана, из которой вырастает острый акулий плавник. Снято не сверху, а с уровня воды.

– То есть с точки зрения не наблюдателя, а участника событий?

– Правильно.

– Учитывая наличие акулы, это само по себе неприятно, – заметил Дрозд. – А на втором?

– Когда читатель переворачивал страницу, он видел как бы продолжение начатой истории. И оно казалось ему страшнее, чем начало. Попробуешь угадать, что там было?

– Может, плывущий человек? Хотя – нет, подожди; это как раз банально. Тогда – пустая лодка? Птенец чайки, к которому приближается плавник?

– Все еще проще.

– Проще? – Дрозд задумался. – Нет, сдаюсь. Рассказывай.

– Только океан, – сказала Света. – Там был только океан и ничего больше. Ровная, густая синева воды. Плавник исчез. Понимаешь?

Дрозд помолчал, пытаясь представить описанную картину. И кивнул:

– Да, отличная идея. Как будто показывают фильм из нескольких кадров: вот акула плывет – а вот она уже ушла под воду. И где она вынырнет в следующий миг? Воображение дорисовывает опасность лучше, чем это мог бы сделать фотограф.

– Я помню свои впечатления от этих двух кадров. На первом ужас сосредоточен в центре. Там плавник, его и надо бояться. А на втором весь океан – это одна большая угроза. Ты смотришь на воду, и тебе становится не по себе.

– Для этого нужно обладать развитым воображением, – заметил Дрозд. – У меня есть пара знакомых, до которых вообще бы не дошло, в чем здесь смысл. И еще один – махровый оптимист. Зуб даю, он решил бы, что если плавник не торчит, значит, акула уплыла куда-то по своим делам.

«Хотелось бы мне быть махровым оптимистом! Я бы стала думать, что убийца отказался от своего плана и выкинул пистолет. И меня тоже выкинул из головы. И все, можно ничего не бояться!»

– Хорошо быть оптимистом, – вслух сказала она. – Ой, а кто это нас

догнал?

Спортивный «Мицубиси Лансер» подлетел к ним сзади и лихорадочно замигал дальним светом: уйди с дороги! Уйди с дороги!

Дрозд взглянул в зеркало заднего вида.

– Куда ж я тебе уйду, дятел?

Справа один за другим тянулись в горку пять «КамАЗов», груженные кирпичами и пеноблоками.

Сзади пронзительно засигналили.

– У тебя харя по диагонали зигзагом не треснет? – риторически поинтересовался Дрозд у водителя «Лансера». – Не гуди.

– Лешка!

– Что? Это выражение такое детское. Я его с садика помню.

– Странный у тебя был садик. Я вот оттуда помню стишок про маму и солнечный лучик.

– Ага, – кивнул Дрозд. – А я – считалку: «прыгскок, прыг-скок, я веселый гонококк!»

Света живо заинтересовалась:

– А почему ты мне ее не рассказывал?

– К слову не приходилось. У нее, между прочим, есть продолжение...

Но продолжение ей услышать не удалось. «Лансер» все-таки хотел выжать их с полосы.

«Биип! Би-бииип!» – ругались сзади.

– Хорош гудеть, не на параде.

«Бииииип!»

Водитель сел им на хвост и висел в опасной близости от «Хонды». Пару раз Свете показалось, что «Лансер» вот-вот догонит их. Ей отчетливо представилось, как сильный удар кидает их вперед и выбрасывает на встречную полосу.

Она занервничала.

– Леш, он сейчас в нас врежется. Давай попробуем...

– Не попробуем, – хладнокровно отказался Дрозд. – Ты хочешь, чтобы я перестроился в середину колонны?

Света посмотрела на огромные «КамАЗы» и быстро передумала.

– Тогда давай поедем чуть быстрее! Обгоним колонну и уйдем вправо.

– За следующим поворотом населенный пункт. – Дрозд был абсолютно спокоен. – Ограничение скорости. Поэтому мы не только не поедем быстрее, мы поедем даже медленнее!

И постепенно снизил скорость до семидесяти.

Сзади засигналили так, что Света подпрыгнула. «Лансер» надрывался,

требуя, чтобы ему освободили левую полосу.

– Господи! Может, у них кто-нибудь рожает? Может, там раненый?

– Или ушибленный, – предположил Дрозд. – На всю голову. Таким уже ничего не поможет, так что можно не торопиться.

За поворотом и в самом деле оказалась деревня. Мимо знака они проехали со скоростью шестьдесят. Водитель, похоже, решил, что над ним изощренно издеваются. Он нажал на сигнал и не отпускал его несколько секунд. Света зажала уши руками. После чего «Лансер» вильнул на встречную полосу и поравнялся с «Хондой».

– А вот и твои роженицы, – усмехнулся Дрозд. – Обрати внимание на их искаженные страданием лица.

Из окна машины высовывался смуглый парень лет двадцати и яростно показывал Дрозду выставленный средний палец. Его приятель за рулем продолжал сигналить.

– Он же на встрече! – ахнула Света.

«Лансер», наконец, резко прибавил скорость, обогнал их и ушел на свою полосу.

– Так что ты там говорила про оптимизм? – спросил Дрозд так, будто ничего не случилось.

Света перевела дыхание.

– Вот это и есть оптимизм, – выдавила она. – Выехать на встречную полосу и считать, что с тобой все будет в порядке.

– Ну-ну, – с непонятной интонацией откликнулся Дрозд.

– Что – ну-ну?

– Да ничего. Просто ну-ну. Кстати, можешь начинать смотреть направо.

Света посмотрела. Домики, палисадники. Бабушки, устроившиеся вдоль дороги с ведрами ранних яблок.

– Что я должна увидеть?

– Смотри-смотри, – невозмутимо посоветовал он.

Света продолжила смотреть. И вдруг впереди, на обочине, заметила машину с синей полосой на боку.

– Гаишники!

Рядом с машиной полиции красовался «Лансер». Водитель, неожиданно тщедушный и сутулый, мялся около полицейского.

– Встречная, превышение скорости, – перечислил Дрозд. – По каждому пункту – на лишение. Я же говорил, не надо было гудеть.

– Так ведь откупятся, Леш.

– Это запросто. Именно поэтому...

Он вырулил вправо и остановился неподалеку от гаишников.

– Ты подожди в машине, – ласково попросил он. – А я сейчас пообщаюсь немного с этим рожавшим. Карму ему слегка поправлю.

– Леш, зачем?

– А чтобы таких вот кретинов на дороге стало меньше.

И пошел уверенным шагом к водителю, который при виде Дрозда сделал попытку скрыться в своей машине.

Света наблюдала в зеркало, как Лешка говорит о чем-то с полицейским, возвышаясь над ним.

Вернулся он через десять минут. Сел в машину, ухмыльнулся и наставительно произнес:

– Не нужно путать оптимизм с жизнерадостным слабоумием. Первый – ненаказуем.

Когда они вернулись, Свете удалось, наконец, дозвониться до Константина Мстиславовича. Выслушав ее, тот почему-то не пришел в восторг.

– Ну, самодеятельность! – грубовато сказал он. – Ладно, принял к сведению.

И закончил разговор.

– Принял он к сведению! – рассердилась Света. – Мы ему на блюдечке преподнесли преступника, а он!

На что Дрозд справедливо заметил, что пока неизвестно, кто преступник. Они всего лишь узнали, что в день убийства Серафимович был неподалеку от места преступления. Но это не делает его автоматически убийцей.

– Я тебя очень прошу, не вздумай завтра играть в самодеятельность, – попросил он. – Не пытайся ловить Серафимовича на слове.

– Да вы сговорились! Самодеятельность, самодеятельность... Не буду я никого ловить. Отсниму материал – и немедленно уеду.

Но вышло по-другому.

Стрельников не стал возражать против присутствия постороннего человека на его репетиции. Не дослушав Свету, он оборвал взмахом руки ее объяснения и отрывисто сказал:

– Пусть сидит! Но! Чтобы не было видно и слышно!

У Светы имелись кое-какие сомнения по поводу выполнимости обоих пунктов. Но она благоразумно промолчала.

Зал был практически не освещен. Дрозд ушел подальше от сцены и сел возле прохода. «Может быть, если он не начнет свистеть, его не будет

слышно, – подумала Света. – Но вот насчет «видно»...

Несмотря на полумрак, Дрозд торчал в пустом зрительном зале как незабитый гвоздь из доски.

Незнакомая Свете актриса, стоявшая возле помощника режиссера, с интересом всматривалась в глубь зала. Когда Дрозд помахал подруге рукой, актриса без колебаний приняла этот знак внимания на свой счет и обворожительно улыбнулась.

Заметив эту улыбку, Света посмотрела на актрису внимательнее. Вылитая Наденька из «Иронии судьбы», только брови не в ниточку, а пшеничными колосьями – широкие, густые. Взгляд нежный, плечи узкие, декольте глубокое. Не женщина, а мечта.

Обсудив что-то с помощником Сашей, женщина-мечта уверенной походкой направилась в зал. Дошла до кресла, где сидел Дрозд, и остановилась. Издалека Свете не было слышно, о чем они беседуют. Но краем глаза она видела, что актриса, откинув голову назад, весело расхохоталась.

Что ж, ничего удивительного. Дрозд всегда умел рассмешить кого угодно.

– Майя! – окликнул помощник режиссера.

Помедлив, актриса вернулась обратно. Она неторопливо шла по проходу, и Света машинально отметила, что у нее особая походка. Походка женщины, гуляющей по набережной в широкополой шляпе и с маленькой сумочкой в руке. Главное – не перепутать! Шляпа должна быть большая, а сумочка маленькая. Если наоборот, это уже совершенно не то.

«А у меня походка женщины, которая идет и думает, как бы не наступить в лужу», – подумала Света.

Красавица присела рядом с помрежем и углубилась в какие-то записи.

В Свете неожиданно проснулся злобный фотограф. Она сняла кокетку с самого неудачного ракурса. Для этого не поленилась забраться на сцену и подойти к краю, почти нависнув над красавицей. Один кадр, второй, третий... Просто чудесно, что у нее сейчас стоит широкоугольный объектив! Света пока фотографировала общие планы, не собираясь снимать людей. Для актеров она использовала бы портретник, но для этой «Наденьки» широкоугольник окажется в самый раз.

Отведя душу, Света села в пятый ряд, где оставила свою сумку и кофр от аппаратуры, и стала быстро просматривать снимки на маленьком экране камеры. Ракурс и объектив сделали свое грязное дело: на всех фотографиях «Наденька» получилась с гигантской головой, вырастающей непосредственно из бюста.

Света усмехнулась про себя. «Гибрид головастика и тыквы». И со вздохом стерла снимки. Позлорадствовала и будет.

Она сменила широкоугольный объектив на маленький, легкий «портретник» и приготовилась снимать людей.

– Здравствуйте! Можно к вам?

Возле нее, несмело улыбаясь, стояла Лера Белая.

– Садитесь, конеч...

И вздрогнула, не договорив. Потому что Дрозд вдруг вырос рядом с ней. Облокотился на спинку ее кресла и замер, как ни в чем не бывало.

Явление Дрозда поразило не только Светлану. Лера Белая громко ойкнула и шарахнулась назад.

Режиссер недовольно посмотрел в их сторону.

– Лешка, ты чего?! – зашептала Света. А Стрельникову послала кривую ухмылку, которая должна была убедить Виктора, что у них все в порядке. Тот поднял брови.

– Света! Светка, ну же! – Дрозд ослепительно улыбнулся. – Познакомь меня с красавицей!

И слегка поклонился опешившей Лере.

Все это было так непохоже на Дрозда, что Света от изумления начала быстро соображать. И сбивчиво представила:

– Леша, это Лера Белая. Лера, это мой друг, Алексей.

– Очень, очень приятно! – заверил Дрозд, пристально глядя на девушку.

Бедная Лера даже смутилась от такого внимания.

Режиссер еще раз отчетливо покосился на них, и Света с ненатуральной улыбкой проговорила:

– Кажется, мы нарушаем порядок. Предлагаю все знакомства отложить на потом.

– Все-все, уже исчез!

Дрозд на прощанье бросил еще один взгляд на Леру. И не просто бросил, а осмотрел ее с головы до ног, словно обшарил. Это был неприличный, вызывающий взгляд. Такого Света от Дрозда никак не ожидала.

– Исчезаю... – он отступил на шаг и вернулся на прежнее место.

– Какой... милый, – неуверенно сказала Лера.

Давешняя актриса вновь продефилировала по залу и непринужденно уселась возле Дрозда.

Заметив Светин взгляд, Лера сказала:

– Я как раз из-за этого к вам подошла. Видела, что вы фотографируете

Лаврентьеву, и хотела предупредить: она не участвует в этом спектакле. Так что не тратьте на нее пленку.

– У меня «цифра».

– Я просто так выразилась, – рассмеялась Лера. – Сейчас все снимают на цифру, это удобнее. Пленка – для узкого круга приверженцев.

Актриса с красивой фамилией Лаврентьева элегантно закинула ногу на ногу. И наклонилась вперед, обхватив узкую коленку.

Света вспомнила, как обычно завязывает ноги узлом, и решила вообще больше не обращать внимания на красавицу. А то и не заметишь, как вся с ног до головы порастешь комплексами неполноценности.

– Что за Лаврентьева? – равнодушно осведомилась она.

– Еще одна наша звезда, рангом пониже Стрельниковой. Акула – ух какая! – Лера восхищенно стукнула себя по ноге кулаком. – Берет все, что захочет, не дожидаясь, пока само упадет в руки. Говорит, жизнь слишком коротка, чтобы чего-то ждать.

– А сколько ей лет?

– Тридцать пять, что ли. Но, помните, как сказала одна известная актриса: «Лучшие десять лет своей жизни я провела между тридцатью и тридцатью одним годом»? У Лаврентьевой так же.

Света рассмеялась.

Лера действовала на нее успокаивающе. Ее грубоватость и простота не раздражали, потому что за ними не стояла глупость. Наоборот, она показалась Свете весьма умной девушкой.

Обрадованная ее реакцией, Лера наклонилась ближе:

– Если она сейчас не уйдет, то вы сможете наблюдать танец двух змей. Они со Стрельниковой не выносят друг друга.

– Ругаются?

– Да никогда! Улыбаются друг другу так, что зубы мудрости видны. Отсыпают комплименты!

Лера собрала губки бантиком и протянула, явно подражая Лаврентьевой:

– Анечка, ты чудно выглядишь сегодня! Какая-то новая процедура для лица?

Затем слегка выпятила вперед челюсть, придала лицу надменное выражение и ответила холодно, но любезно:

– Спасибо, дорогая. Нет, просто хорошо отдохнула. Ты же понимаешь, в нашем с тобой возрасте...

Лера сделала паузу и вставила обычным голосом:

– И тут Лаврентьева меняется в лице, потому что она изрядно младше

Стрельниковой. Ну, вы понимаете, что такое спустить с рук нельзя, поэтому при следующей встрече она замечает...

Лера снова сделала губки, как у рыбки, и просюсюкала:

– «Какое чудное платье, Аня! Видела точно такое же недавно своими глазами на Окуневой!» А Окунева, Света, это такое пугало лет шестидесяти: толстая, старая, и вызывающе одевается. Давно вышла в тираж, но ведет себя как прима. Что, вы думаете, в ответ говорит Стрельникова? Она эдак мимоходом замечает: «Я даже знаю, где ты его видела. На Шестом канале, в передаче «Забытые лица». Тебя ведь тоже приглашали, да?»

– Ужас! – расхохоталась Света.

– Ужас в том, что такая передача и в самом деле есть! А Лаврентьева когда-то очень хотела пролезть в кино, но что-то у нее не сложилось. Может быть, возраст, а, может, камера ее не любит. В ранней юности она снялась в «Зайке». Вы видели, наверно. Но с тех пор – как отрезало. Не берут.

– То есть Стрельникова со своим замечанием попадает в точку.

– Не просто в точку, а в незаживающую рану!

Света с удовольствием бы еще послушала Лерину болтовню, но на сцене начали происходить изменения. Двое рабочих опрокинули и потащили за кулисы декорацию, изображавшую шкаф.

Обрадовавшись хоть какому-то действию, Света рысью помчалась за ними с камерой, ловя снизу ракурс. Шкаф производил впечатление ужасно тяжелого, а лица у рабочих были веселыми, словно они несли пустую корзинку. Этот контраст она и попыталась запечатлеть.

– Белый давайте, – крикнул им вслед Стрельников. И брюзгливо добавил: – Хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам.

Прикатили белый шкаф, который на самом деле оказался светло-желтым. Больше он ничем не отличался от унесенного коричневого.

Света не смогла удержаться любопытства.

– Зачем вы их поменяли, Виктор Васильевич?

– Цвет! – коротко отрубил Стрельников. – Глаза есть? Смотрите внимательно!

Света посмотрела внимательно. Шкаф как шкаф, довольно широкий. Декорация выполнена реалистично – пока не подойдешь, и не догадаешься, что он плоский.

– Все равно не понимаю... – грустно призналась она. На помощь Виктора Света не рассчитывала. После их первой встречи вряд ли он будет с ней любезен.

Режиссер и в самом деле покосился на нее с таким видом, как будто перед ним был крайне редкий вид таракана, занесенный в Красную Книгу: и хотелось бы немедленно прихлопнуть эту пакость, но приходится сдерживаться.

– А если вспомнить, что вы в театре? – сардонически осведомился он. – Зачем люди приходят в театр? Кроме того, чтобы съесть в буфете бутерброд с красной рыбой и выпить кофе? Ну, напрягитесь же, представьте!

Тон Стрельникова был издевательским. Но Света не обиделась, поскольку ничего другого от него и не ожидала.

Она послушно представила на сцене актеров, и тут ее осенило:

– Контраст! На светлом фоне костюмы смотрятся выигрышнее, чем на темном.

Стрельников удовлетворенно кивнул и несколько раз хлопнул в ладоши – заплодировал. Света даже приободрилась: сейчас ее будут хвалить! Что скрывать, похвала от умного и талантливого, пусть и несимпатичного, человека была приятна.

– Люблю извлекать мысль оттуда, где мало ожидаешь ее найти, – тонко улыбнувшись, сказал Виктор. – Это что-то сродни работе золотоискателя. Нужно чутье! Особенно когда имеешь дело с практически пустой породой.

Свете почти никогда не удавалось парировать издевки. В лучшем случае она находила ответ неделю спустя.

С Виктором не стоило даже пытаться. На его аристократичном лице отражалось довольство собой. Он наклонил голову, словно подбадривая ее: ну же, давай, возрази мне! В этот момент он был чрезвычайно похож на сытого, но игривого кота, поймавшего мышь и предвкушающего ее побег. Поймать мышонка – жалкое развлечение, но как приятно он трепыхается в когтях!

Не говоря ни слова, Света вскинула камеру и нажала на спуск.

– Фотограф может изуродовать человека одним нажатием пальца, – сообщил Виктор.

– А человек может довести фотографа до этого, если будет повторять бородатую хохму, – сообщила Света, продолжая снимать его с разных ракурсов.

Кадр! Еще один! И еще! И еще!

– Стоп! Снято, – улыбнулась Света.

Она чувствовала, что получилось отлично. Стрельников не успел закрыться. Такие люди, как он, всегда имеют специальное лицо для фотографа и особенную улыбку, которую зрители потом видят на

страницах журналов.

Но, кажется, у нее получилось добраться до его настоящего лица. Хотя бы одного из настоящих.

Это одна из самых сложных вещей в работе хорошего фотографа: перебраться через нагромождение придуманных обликов. Почти каждый человек при виде фотокамеры меняет выражение. Заставляет себя улыбнуться, или наоборот – поспешно стирает улыбку с губ. Как можно, что вы! Он же серьезный человек!

Однажды Свете довелось снимать известную актрису, навсегда застрявшую в ампула инжениу. Актрисе было сорок лет, она перенесла три замужества и четыре пластических операции. (Операции, конечно, оказали значительно большее влияние на ее жизнь). Но перед Светой она улыбалась, как девочка, строила глазки и порхала по студии в солнечных лучах. Серебристое платье, розовые туфельки – воздушная, беззаботная стрекоза, не забивающая свою прелестную головку лишними мыслями.

Света попыталась спросить стрекозу о чем-то серьезном. Та жеманничала, хихикала, пожимала плечиками – и снова срывалась и порхала. Ей нужно было движение, воздух, полет! Что ж, Света снимала ее в движении: вечную девочку, юное создание с кукольным личиком.

В перерыве стрекоза вышла на лестничную площадку. Ее долго не было, и Света забеспокоилась. Выглянула за дверь, и там увидела актрису.

Она сидела на корточках, привалившись спиной к стене, и курила. У нее был безумно усталый взгляд. Как будто песня уже давно пропета, и поникли цветы, и ветер воет глухо и безнадежно. Вот-вот повалит снег, а рядом никого нет. Даже муравья.

Вся кукольность с ее личика слезла, как обгоревшая кожа. Открылось сильное, жесткое, волевое лицо. Измученное вечной молодостью и бесконечными одинаковыми ролями.

Но она была бойцовая стрекоза, а не нытик. Такие танцуют, стиснув зубы, и улыбаются, пока не сведет челюсти.

В руках у Светы была камера. Сделать снимок – проще простого.

Но Света не смогла. Это было бы то же самое, что снимать голого человека.

Она откашлялась, а когда актриса подняла на нее глаза, тихо спросила:  
– Можно?

И приподняла фотоаппарат.

Губы женщины раздвинулись в горькой улыбке. Кажется, она хотела отказать. Но почему-то, взглянув на Свету внимательнее, произнесла:

– А, плевать. Хочешь – снимай.

И курила, курила одну сигарету за другой все время, пока Света фотографировала ее в клубах дыма. В нежном серебристом платье на грязной, заплыванной лестнице, рядом с консервной банкой, полной окурков. Под узким прямоугольником пыльного окна, через которое тускло просвечивало небо.

Эта фотосессия попала на обложку журнала «Камелот» и получила первое место на конкурсе, который журнал проводил вот уже десять лет. Света хранила награду – хрустальную призму – на самом видном месте: на застекленной полке книжного шкафа.

Виктор Стрельников громко спросил:

– Так, где Генри?

– Уже несут, Вить, – ответил бородатый помощник.

Знакомые Свете двое рабочих вытащили из-за кулис кровать, а минуту спустя – манекен. Он был в тех же полосатых гольфах и сером свитере, а на шее болтался нелепый шарф.

При виде Генри Света слегка побледнела. Она обернулась и увидела, что Дрозд даже привстал, разглядывая его.

– Нож не забудьте, – распорядился помощник. – А то будет у нас живой покойник.

– Ничего, он уже убитый пришел, – хохотнул один из рабочих, укладывая манекен на кровать.

Да, все было так же, как в тот злосчастный день в квартире Стрельниковой. И ноги, торчащие из штанин, и ручка ножа, обмотанная синей изолентой.

Надо было сфотографировать «труп», но у Светы не хватило мужества. Было что-то ужасное в этой огромной кукле с плоским улыбающимся лицом. Вспомнив слова Стрельниковой, Света присмотрелась к рукам. Да, руки действительно выполнены великолепно. Тело лежало в такой естественной, непринужденной позе, что, казалось, Генри прилег на секундочку и вот-вот встанет.

Света очень явственно представила, как это случится. Режиссер командует начало репетиции. Манекен сядет, своими живыми руками снимет с лица силиконовую маску и пойдет.

Прямо на Свету.

С ножом в спине.

От увиденной картины ее мороз продрал по коже. Света попятилась назад и чуть не заорала, наткнувшись на Леру Белую.

Девушка удивленно поглядела на нее.

– Света, все в порядке?

– Д-да, – подтвердила Света. – В п-порядке.

«Только нервы ни к черту. А воображение работает так, что лучше бы оно сидело молча».

В памяти всплыла школьная учительница, записавшая в Светин дневник: «Уважаемые родители! Сознание вашей дочери балансирует между богатой фантазией и болезненной впечатлительностью. Обратите на это внимание и примите меры!»

На сцену вышла Стрельникова в длинном и узком зеленом платье по моде начала двадцатого века. Лоб перехвачен узкой черной лентой, на запястьях позвякивают браслеты.

– Начинаю привыкать к этой тряпке, – сказала она брату. – Но лучше было бы то, желтое.

– В желтом ты терялась. Где Серафимович?

– Петр Иванович! – позвала актриса.

– Бегу-бегу, – раздалось из-за кулис, и откуда-то из-за шкафа бочком пролез толстячок Серафимович – во фраке и цилиндре.

При виде Светы он приподнял цилиндр и поклонился. Света замерла, пытаясь разглядеть хоть малейший намек на то, что перед ней человек, дважды пытавшийся ее убить.

Но Петр Иванович смотрел на нее, застенчиво улыбаясь. Он явно не понимал, почему она не поздоровалась с ним. Света сделала над собой усилие и слабо кивнула в ответ.

Улыбка Серафимовича из застенчивой сделалась обрадованной.

– Света, я хотел вас попросить, если не трудно, сфотографировать нас вместе с Анной. Потом, после репетиции. Или вы торопитесь? У вас, наверное, есть дела?

– Я не тороплюсь, – ответила Света, и с удивлением поняла, что ее голос не долетает до сцены. А голос Серафимовича разносился по всему залу, хотя он не прилагал к этому видимых усилий.

– Что-что, простите?

Он прижал ладонь к уху.

– После репетиции я собиралась поехать домой! – громко сказала Света. – Конечно, я вас сфотографирую.

– Спасибо!

Петр Иванович хотел еще что-то добавить, но тут оба заметили, что все в зале смотрят на них.

– Может быть, вы еще что-нибудь обсудите? – издевательски осведомился Виктор Стрельников. – Не стесняйтесь, вы никому не мешаете!

– Простите... – Света покраснела. – Извините.

Режиссер еще некоторое время сверлил ее взглядом. Но убедившись, что она раздавлена и уничтожена, скомандовал:

– Сначала быстро прогоним третью сцену, а потом пойдем сначала. Катя, Миша – где Роза Карловна?

Света лишь теперь заметила, что в зале прибавилось народу. Возле помощника режиссера сидела совсем юная девушка с длинными золотыми волосами, а возле нее на корточках примостился скуластый парень, показавшийся ей смутно знакомым. Кажется, она видела его в телевизионной рекламе.

Прелестная Лаврентьева исчезла. Но Свету терзало подозрение, что она еще вернется.

– В примерке, Виктор Васильевич, – ответил парень. – Уже идет.

– Петр Иваныч, Аня, – начинаем!

В зале воцарилась тишина. Стрельников хлопнул в ладоши, Анна Васильевна сделала шаг вперед, Серафимович нахлобучил цилиндр.

И в этот момент погас свет.

Тишина сделалась бездонной, как океан. Это было не просто молчание нескольких удивленных людей, а нечто большее. И, барахтаясь в этом океане, Света неведомым чутьем ощутила, что к ней приближается акулий плавник.

Она не успела даже вскрикнуть: ей зажали рот, и что-то огромное, сильное, во много раз сильнее нее, поволокло Свету за собой, вглубь темноты.

Ее сковал не страх, а четкое осознание бессмысленности сопротивления. Она сдалась, не принимая боя, даже не пикнув, не попытавшись замычать.

А потом это огромное надавило ей на плечи, из-за чего ноги у Светы разъехались, как у куклы, и она села в проходе. Наклонилось к ней и прошептало знакомым голосом:

– Тихо. Ни звука.

Света захлебнулась возмущением. Но сказать ничего не успела, потому что Виктор Стрельников гневно крикнул:

– Коля, какого хрена?!

– Виктор Васильевич, айн момент! – заорали сверху.

Громко щелкнуло, дрогнуло, и театр залило светом. Испугавшись, Коля включил подсветку не только сцены, но и зала.

– Зрителей выключи! – рявкнул Виктор. – Черт, Коля, что с тобой сегодня?!

Зал снова погрузился в спасительный полумрак. Света сразу же оцупала камеру, висевшую на груди. И только убедившись, что с ней все в порядке, набросилась на Дрозда:

– Ты что, с ума сошел? Я чуть не умерла от страха!

– Лучше от страха, чем от пули, – хладнокровно возразил Дрозд.

Его спокойствие окончательно вывело ее из себя.

– Какой еще пули?! Ты меня волочил как... как... как дохлую лису!

Дрозд помолчал секунду, а потом авторитетно заявил:

– Дохлых лис волочат не так.

– Тишина в зале! – прикрикнул Стрельников. – Сейчас выведу посторонних!

Света резко выпрямилась, чувствуя мерзкую слабость в ногах. Она не успела как следует испугаться. Но сейчас организм, накопивший запасы страха, собирался выплеснуть его наружу, и подбирал для этого подходящий способ.

– Мы репетируем сегодня или нет? – набросился на них Виктор. – Аня, начинай. С того места, где ты говоришь, что не можешь ему поверить.

Стрельникова опустила на колени перед кроватью.

– Эдгар! Я не могу в это поверить! – воскликнула она, заламывая руки.

Из глаз ее потекли слезы. Перед зрителями стояла убитая горем женщина.

– Диана, умоляю, без трагедий! – поморщился Петр Иванович, преображаясь на глазах. – Согласен, происшествие крайне неприятное. Но постарайся успокоиться. Если нам повезет, мы сможем выгадать из него известную пользу.

Диана ахнула:

– Как ты можешь так говорить?

– Что тебя поразило, дорогая?

– Ты ищешь выгоды? В такую минуту?

– Не вижу, чем эта минута отличается от любой другой. Все они одинаковы: по шестьдесят секунд каждая, тик-так, тик-так.

– Боже мой, да ты низкий, да-да, попросту низкий человек!

– Отчего же? Оттого, что я не разделял твоей любви к нему?

И «Эдгар» пренебрежительно похлопал по кровати с покойником.

– Если бы только это! – всхлипнула Диана. – Но ты ведь никого не любишь! Твоя душа пуста.

– Как ты говоришь? Пуста? – Эдгар расхохотался. – Бог мой, похоже ты и впрямь в это веришь.

– Да, верю! – она с вызовом взглянула на него и отерла слезы. – Живые

люди не могут жить без любви! Ты мертвее, чем он, Эдгар.

Диана указала на тело.

– А, любовь! – он презрительно пожал плечами. – Ну конечно, чуть что – так сразу в дело идет любовь. Вы, женщины, машете ею, как дубинкой, в каждом споре. Но ты хоть понимаешь, что это такое, твоя любовь?

– А ты думаешь, что понимаешь!

– Ну, разумеется. Любовь – это универсальный наполнитель жизненной и душевной пустоты. Понятно тебе, Диана? Твое чувство – суть заполнение пустоты. Вдумайся в это! Любовь возникает от беспомощности, от неумения расцвести, раскрасить свою жизнь! Самодостаточным людям не нужна любовь. Они, может, и радуются ей, но не страдают от ее отсутствия.

Женщина поднялась с колен. В глазах плескался ужас, будто она увидела превращение человека в вампира. Серафимович усмехнулся.

– Эдгар! – воскликнула она.

– В чем дело, дорогая? Только не говори, что тебя смущает мой деловой подход. Ты знала, за кого выходила замуж.

...Света смотрела на сцену, забыв обо всем.

Маленький смешной человечек исчез. В лучах софитов стоял делец. Не было больше ни толстенького животика, ни кривых ножек, только сила и власть денег, воплощенные в этом неподходящем теле.

«Эдгар» свысока оглядел зрителей. Острый, циничный взгляд резанул ее, как лезвие.

Первый раз в жизни она своими глазами наблюдала такое невероятное преображение.

«Господи, как он играет!»

– А на первый взгляд колобок колобком, – прошептал за спиной Дрозд. Диана-Стрельникова отвернулась от «супруга», кусая губы. Простерла руку к лежащему телу и с надрывом произнесла:

– Как ты можешь! Когда он лежит здесь, и тело его еще...

Глаза ее расширились. Анна Васильевна вскрикнула и прижала руку к сердцу.

Света подумала, что это продолжение текста роли, но Виктор встревожился:

– Что такое? Аня, что случилось?

Стрельникова хватала воздух и тыкала пальцем в манекен.

Петр Иванович подошел ближе, остальные тоже встали, переглядываясь. На лицах отразилась растерянность.

– Вот будет смешно, если там под маской свежий труп, – тихо заметил

Дрозд. – Кстати, приличный папарацци в эту секунду уже запрыгивал бы на сцену. А неприличный и подавно.

Но Света не ощущала себя ни приличным, ни неприличным папарацци. Она вообще в эту секунду предпочла бы находиться как можно дальше от места событий.

К задыхающейся Стрельниковой наконец вернулся голос.

– Кто это сделал? – с ледяной яростью в голосе спросила она и обвела глазами присутствующих.

Под этим взглядом Света чуть не отшатнулась. Судя по тому, что скуластый юноша тоже подался назад, не она одна испугалась Анну Васильевну.

– Кто это сделал? – взвизгнула Стрельникова.

– Черт, да что?!

Виктор одним прыжком заскочил на сцену и перевернул манекен.

## Глава десятая, в которой появляются новые Коты

Света ожидала увидеть все, что угодно. Она непроизвольно схватила Дрозда за руку и затаила дыхание.

Всеобщее молчание было нарушено негромким звуком. Это скуластый юноша приподнялся на цыпочки, чтобы лучше видеть куклу, и хихикнул.

Следом за ним помощник режиссера подошел ближе и усмехнулся.

– Ну что за школьный юмор, – развел руками Стрельников.

Поняв, что не произошло ничего такого, что потом будет сниться ей в кошмарах, Света отпустила Дрозда и вытянула шею, пытаясь рассмотреть, из-за чего возмутилась Стрельникова.

А, увидев, тоже усмехнулась.

Манекен, игравший роль покойника Генри, невозмутимо держал во рту сигарету. Красный кончик тлел, но не дымился, и Света поняла, что сигарета – ненастоящая. Она видела такие в отделах, где продавались шуточные товары: ручки с исчезающими чернилами, взрывающиеся чайные пакетики и чашки с двусмысленными надписями.

– Куренье – вред! – возвестил режиссер, извлекая сигарету из манекена. – Тем более в общественном месте. А уж в храме искусства... – насмешливо улыбаясь, он обвел широким жестом зал, – и вовсе непростительно. Все, продолжаем!

– Продолжаем?!

Стрельникова выхватила сигарету из его пальцев.

– Ты хочешь сказать, что оставишь это просто так? Без всяких последствий?

– Я вынесу ему порицание, – пообещал ей брат и перевернул манекен на живот.

– Прекрати ерничать! – вспылила Анна Васильевна. – Не смешно и не умно! Я не ожидала от тебя!

Виктор тяжело вздохнул.

– Аня, каких последствий ты хочешь? Это просто глупая шутка.

– Нет, это не глупая шутка. Это отвратительная, оскорбительная шутка! Это чудовищное издевательство над... над...

На щеках ее запылали красные пятна.

– Над чем, Анна Васильевна? – громко спросила Лера, подходя.

Актриса, тяжело дыша, уставилась на нее.

– Это твоих рук дело?

– Аня... – попробовал остановить ее Серафимович.

Но Стрельникова даже не повернула к нему головы.

– Твоих? – она повысила голос.

– А вы на меня не кричите, – спокойно сказала певица. – Я в зале сидела, вы что, не видели? Не понимаю, отчего вы так всполошились.

«Конечно, не понимаешь, – подумала Света. – Ты же не знаешь о том, что Анна Васильевна когда-то была влюблена в Рыбакова».

– А не понимаешь, так молчи! – обрушилась Стрельникова на Леру Белую. – Что за поразительное бесстыдство! Я не сомневаюсь, что ты в силу отсутствия ума и опыта не можешь осознать, какое надругательство здесь произошло. Но хотя бы промолчать ты способна?!

От этой гневной отповеди даже Свете стало не по себе. Но Лера лишь пожала плечами:

– Ну вот что, этого я слушать не буду. Вы меня извините, Виктор Васильевич. Я лучше снаружи подожду, пока Анна Васильевна придет в себя.

– Лера! – воскликнул Серафимович. Он прижал руки к груди и переводил молящий взгляд с актрисы на певицу. – Анна! Девочки мои! Пожалуйста, не нужно ссориться!

– Ла-ла-ла, давайте жить дружно! – непочтительно отозвалась Лера и повернулась к нему спиной. – Я же сказала, что подожду снаружи.

– Лера... – начал Виктор.

От его оклика девушка тут же встала, как выдрессированная лошадь. Может, она и не собиралась прислушиваться к жалобным увещаниям Серафимовича, но режиссеру готова была подчиниться беспрекословно.

Но ничего сказать ей Стрельников не успел. Анна Васильевна накинулась на него:

– Ты не ответил, что будешь делать с тем, кто придумал эту гадость!

Лера скорчила выразительную гримасу. Молчавший до этой минуты помощник режиссера вмешался:

– Я тоже не понимаю, что тут такого страшного.

Виктор подал ему знак, но было поздно.

– Не понимаешь?! – обернулась к нему Стрельникова. – Может быть, нужно меньше пить, а, Саша? Раз до тебя не доходит, что издевательство над памятью – это низко и подло. Я понимаю, ты пропивал все, включая игрушки твоего собственного ребенка. Но совесть – совесть, Саша, у тебя еще осталась? Стыд остался у тебя, ответь!

Если Стрельникова была красной, то помощник режиссера после ее слов побледнел.

– Да что ж это за... – процедил он. Оборвал фразу, не договорив, и полез трясущейся рукой в карман.

– Спокойно, Саша, спокойно, – внушительно сказал Виктор и взял сестру под локоть. – Анна, пойдем. Нам нужно поговорить.

Но женщина вырвала руку.

– Я никуда не пойду! Говори здесь, при всех!

Помощник высыпал в рот несколько таблеток и пытался проглотить их.

– Я сейчас принесу воды! – пискнула золотоволосая девушка и метнулась прочь из зала.

– Лучше водки ему принеси! – крикнула ей вслед Анна Васильевна.

Бородатый помощник поперхнулся и закашлялся. Лицо его стремительно из бледного становилось ярко-алым, глаза выпучились, как у рыбы.

– Черт, он задохнется! – Виктор спрыгнул со сцены и бросился к нему.

За сценой что-то рухнуло со страшным грохотом. Стрельников замер.

– Дьявол, это еще что?!

– Я посмотрю! – скуластый парень юркнул вслед за девушкой и смылся, прежде чем его успели остановить.

– А где Роза Карловна? – вслед ему проорал режиссер. – Чтоб через минуту все были здесь!

Помощник наконец выплюнул таблетку и рухнул в кресло, прижимая руку к горлу. Виктор наклонился к нему.

– Саша, ты как?

– Да что ему сделается! – с невыразимым презрением бросила Анна Васильевна. – Он же лицедействует. Комедиант!

– Фурия! – прохрипел бородач.

– Ничтожество!

– Друзья мои! – ужаснулся Серафимович.

Лера расхохоталась в голос, развернулась и нарочито неторопливо пошла по проходу.

Поравнявшись со Светой, она шепнула заговорщически:

– На этом репетицию можно считать законченной. На вашем месте я бы подождала еще пять минут – и уезжала отсюда.

– Как это? – растерялась Света. – А моя съемка?

– У-у, съемка! Если наша звезда разошлась, ее не остановить. Поверьте моему опыту! Можете смело отправляться домой.

Света посмотрела на действующих лиц драмы. Виктор в чем-то негромко убеждал помощника, тот откашливался и хрипел. Стрельникова застыла, как статуя скорби, образ которой портила лишь фальшивая сигарета в руке. Петр Иванович зачем-то поправлял сползший шарф на манекене.

– Я, пожалуй, подожду немного, – решила она. И добавила без особой убежденности: – Вдруг рассосется...

Лера пожала плечами:

– Дело ваше, но я бы на это не рассчитывала. Сейчас они устроят следствие, потребуют у вас фотографии...

– Зачем?

– Ну как зачем... Вдруг вы случайно засняли, кто тот гад и моральный урод, что надругался над Генри!

Света прижала к себе камеру, как ребенка.

– Ничего я не снимала. Я была...

«Я была как дохлая лиса», – чуть не сказала она.

Лера пожала плечами:

– Мое дело – предупредить.

Кивнула на прощанье Дрозду и быстро ушла.

Помреж, прижимая руку к сердцу, поднялся и охнул.

– Вить, я пойду... Полежу там у себя.

Шаркая, как древний старик, он скрылся за сценой. В зале остались только Стрельникова, ее брат, Петр Иванович – и Света с Дроздом.

Виктор запрокинул голову и посмотрел на сестру снизу вверх.

– Теперь твоя душенька довольна? – громко спросил он. – Всех разогнала! Зачем тебе это потребовалось?

– Жалкие шуты, – не оборачиваясь, медленно проговорила Стрельникова. – Ни один из них не имеет и сотой доли его таланта! И они смеют кощунствовать! Смеют измываться над ним!

Она вытянула руку, унизанную кольцами, в сторону манекена.

– Да ты сошла с ума! – крикнул Виктор. – Что ты мне показываешь?! Ты сама-то видишь? Это кукла, Аня! Реквизит!

Женщина порывисто обернулась, и глаза ее сверкнули нехорошим огнем.

– Ты что, ослеп от своего самодовольства? Витя, что тебе застит глаза? Почему ты перестал отличаться от юных дебилов и дур, не понимающих, что такого страшного случилось. Не делай удивленное лицо! Ты прекрасно знаешь, что это не просто реквизит. И тот, кто придумал эту мерзость, тоже отлично знал об этом!

– С чего ты взяла?!

– Потому что все знают! Все говорят об этом. Наш театр наполнен этими гадкими шепотками сверху донизу. Один ты ничего не слышишь!

– И не желаю слышать. – В голосе Виктора зазвучала сталь. – Ты сорвала репетицию, подорвала мой авторитет, а все из-за твоей привычки сладострастно копаться в прошлом.

– Нет, Витя! Это из-за того, что кто-то хотел причинить мне боль. Он бросил курить тогда, помнишь? А потом снова начал. Эта сигарета – намек, отвратительный намек! Попытка уколоть меня и одновременно посмеяться над его памятью. Это сделал тот, кто ненавидит меня и Олега!

Первый раз в зале прозвучало имя Рыбакова.

Оно произвело странное воздействие. Анна, словно испугавшись своих слов, зажала рот рукой. Виктор широко раздул ноздри, и на лбу его выступили жилы. Он пытался овладеть собой, и не сразу, но ему это удалось.

– Может быть, – вкрадчиво начал он, – ты доведешь свою мысль до логического конца? Ты всегда была убеждена в том, что я ненавижу его. Сколько я ни пытался переубедить тебя, ты ничего не хотела слушать. А я боялся лишь одного – что он вобьет тебе в голову свои идиотские идеи и ты бросишь театр. Так что же ты, продолжай! Роль прокурора тебе удастся с блеском. Скажи, что это моих рук дело! Ну же!

И он указал на манекен.

– Ты про сигарету, или про его смерть? – шевельнула губами Стрельникова. Света едва расслышала, что она сказала.

Но Виктор услышал ее отлично.

Повисла гнетущая тишина. Долю секунды Свете казалось, что Стрельников бросится на сестру. Но он лишь оскалился, как голодный волк.

– Ха-ха! Так вот о чем ты думаешь! Аня, ну это просто неприлично, честное слово – предполагать, что я способен решать проблемы таким неэстетичным способом.

– Так, значит, были проблемы?

Смех оборвался.

– Все, достаточно! Остынь! – приказал Виктор. – Ты зашла слишком далеко на этот раз. Играй в доморощенного сыщика с кем-нибудь другим, а на себе я не дам ставить эксперименты. Нет, у нас не было проблем. Какие могли быть проблемы, когда я не видел его черт знает сколько времени? И не хотел бы видеть! Да, его гибель не тронула меня так, как тебя! И что? Теперь это повод для диких домыслов? Оставь их при себе.

– Не тронула... – с болезненной усмешкой повторила Анна. – Какое богатое слово. Давай будем честны друг с другом: она совсем не задела тебя, Витя. В тебе ничего не изменилось с его смертью. А во мне изменилось. Я чувствую острее, чем прежде. И вновь говорю тебе: не оставляй просто так этот бессовестный поступок! Того, кто сделал это, нужно найти и вышвырнуть из театра. Этот человек источает зло. Даже гибель Олега для него не больше, чем повод к издевке надо мной!

По лицу Виктора было понятно, что его терпение истоцилось.

– Господи, Аня, ты себя слышишь? «Источает зло!» – передразнил он. – Не путай жизнь с ролью! Меньше пафоса, умоляю! Он хорош лишь на сцене, а в реальной жизни ты будешь смешна, если переборщишь с ним. Доверься моему режиссерскому чутью, уже перебор!

Стрельникова вспыхнула. Она хотела что-то сказать, но ее брат поднял руку:

– Все, Аня, все! Если кто-то здесь и издевается над памятью Олега, то лишь ты одна. Никто, кроме тебя, не видит его в этой кукле. И хватит оживлять его таким странным способом! Он умер, понимаешь? Умер! Не пытайся вызвать его призрак, устраивая скандалы из-за шуток детей. Им нет никакого дела до тебя и твоей давно забытой любви.

Во время его речи Анна стояла с окаменевшим лицом. Но на последних словах из ее груди вырвалось рыдание.

Она схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. Петр Иванович сделал движение, словно хотел кинуться к ней, но замер. Ему, как и всем остальным, было понятно, что в эту минуту Стрельникова не примет никакой помощи, даже если упадет с инфарктом. Он тихо просочился за декорации и растворился в темноте.

Анна Васильевна осталась на сцене одна.

Она собралась с силами и оттолкнула стул, как будто даже от неодушевленного предмета не желала поддержки. Света видела, чего это стоило Стрельниковой. Чем бы ни был вызван всплеск ее гнева, он дорого ей обошелся. Она постарела на глазах, и от углов губ пролегли вниз такие же тяжелые складки, как у Виктора.

– Убирайся! – выдохнула она. – Убирайся прочь! Не желаю тебя видеть! Ты добился чего хотел? Он мертв, он больше не придет за мной. Так иди же, упивайся своей победой!

Несколько секунд Стрельников не сводил с нее взгляда. На миг они стали невероятно похожи друг на друга: резкие, будто вытесанные ножом черты, красная линия плотно сжатых губ, яростный блеск глаз. Красота обоих исчезла, вытесненная у одной – страданием и гневом, у другого –

гневом и обидой. Они испепеляли друг друга взглядом, и на миг Свете показалось, что там, где взгляды эти скрещиваются, вот-вот вспыхнет искра, и пламя охватит все вокруг.

Но пожара не случилось. Виктор отвернулся и быстро вышел из зала.

Когда стихло эхо его шагов, Анна опустила голову и закрыла глаза ладонью. Дрозд бесшумно шагнул назад, к стене, где сгущался полумрак, и подтащил за собой Свету.

Они замерли, не говоря ни слова – не то зрители, не то соглядатаи.

Стрельникова стояла на ярко освещенной сцене одна. словно спектакль уже сыгран, но не было ни цветов, ни аплодисментов. Все разошлись, оставив ее наедине с опустевшим залом. «Вечная» сигарета по-прежнему тлела в ее пальцах – такая же фальшивка, как и все остальное.

– Анна, – позвали сзади.

Справа из-за театрального занавеса выбрался Петр Иванович, переодевшийся в свой обычный костюм. В руках он нес маленькую шляпку, солнечные очки и что-то еще, похожее на кусок паутины. Все это он выгрузил на кровати посреди сцены. Пиджак топорщился на его плечах, штаны казались мешковатыми, и Свете вновь вспомнился клоун из цирка ее детства – круглый, перекатывающийся по манежу, как горошинка, всегда в сопровождении маленькой белой собачки со смешным именем Булька.

Серафимовичу для полного сходства не хватало только собачки.

Он остановился позади Стрельниковой, трогательный в своей нелепости, и протянул к ней руку, будто собираясь погладить по плечу.

Анна отняла ладонь от глаз и вскинула голову.

– Петя! Хоть ты, ты понимаешь, почему я... – с горечью начала она и не закончила фразу.

Серафимович опустил руку и кивнул.

– Ты не считаешь, что я старая истеричка?

Он покачал головой.

– Анна, ты устала. Езжай домой. Я вызвал такси, машина ждет у входа.

– В таком виде? – Стрельникова оглядела себя.

– Тебе идет.

– Неправда.

– Правда. Ты всегда прекрасна.

– Я? – она провела по лбу рукой. – Не говори глупостей. Посмотри на меня. А потом отвернись, чтобы не видеть этого кошмара.

Он улыбнулся. Это была улыбка, полная безграничной нежной жалости. Так улыбаются заболевшему ребенку. Или старому верному псу, с трудом поднимающему голову на звук шагов хозяина.

Как ни была сокрушена Стрельникова, этой улыбки она выдержать не могла. Актриса почувствовала себя оскорбленной, и от негодования к ней вернулись силы.

– Не смей жалеть меня, Петр!

Серафимович перестал улыбаться.

Анна Васильевна скрестила руки на груди. Света поразилась тому, как быстро меняются чувства у этой женщины. Стрельникова напомнила ей старого Якобсона, но тот притворялся, а у нее эмоции были неподдельными. Она искренне страдала еще несколько минут назад, а теперь так же искренне ожесточилась на бедного преданного Серафимовича.

– Ты полагаешь, я нуждаюсь в твоём сочувствии?!

– Нет, не нуждаешься...

– Вот и не забывай об этом! У какого входа такси?

– У главного, – отозвался Петр Иванович.

– Прекрасно. Всего хорошего!

Она отшвырнула сигарету и направилась за кулисы.

– Анна! – окликнул Серафимович.

Стрельникова обернулась. Петр Иванович протягивал ей шляпку.

– Ты забыла.

Он не сделал попытки догнать ее, и Анне Васильевне пришлось вернуться за ней самой.

– Благодарю, – холодно сказала она, отворачиваясь, чтобы уйти.

– Анна! Подожди. Вот, возьми...

Серафимович взял с кровати солнечные очки и подал ей. Стрельникова надела очки, поправила шляпку и пошла прочь.

Когда она почти скрылась за складками занавеса, Петр Иванович окликнул ее в третий раз.

– Анна!

Она возвратилась медленными шагами. Полнозвучный голос разнесся по всему залу:

– Петя, что на этот раз?

– Самое важное, – со странной интонацией ответил он. – Ты их тоже забыла.

И подал ей паутину.

Теперь Света разглядела, что это ажурные летние перчатки.

– Действительно, забыла... – с легкой растерянностью сказала Анна Васильевна. – Нет, постой! Перчатки? Это просто удивительно. Как же это я...

– Удивительно, – эхом откликнулся Серафимович.

Она взялась тонкими пальцами за кружево перчаток. Но Петр Иванович не выпустил их из рук.

– Не забывай их больше, – с той же странной, трудноопределимой интонацией попросил он.

– Хорошо. Не забуду.

Стрельникова потянула перчатки к себе. Петр Иванович по-прежнему держал их крепко.

– Ты очень забывчивая, Анна. Это может плохо кончиться.

– Плохо кончиться? – непонимающе переспросила она.

– Могло бы.

– Петя, что с тобой?

Он выпустил перчатки.

– Ничего. Ступай, Аня, ступай.

Стрельникова, кажется, немного растерялась. Петр Иванович глядел на нее строго и серьезно.

– Ступай, – повторил он.

Женщина отошла и неуверенно обернулась.

– Петя...

– Иди. Машина ждет.

– А ты?

Он молча смотрел на нее, не отвечая. Перчатки Анна Васильевна держала в руке, и на секунду взгляд его задержался на тонком кружеве.

Серафимович дернул головой, и Свете показалось, что на лице его промелькнуло болезненное выражение. Но оно тут же исчезло, сменившись спокойной улыбкой.

Когда Стрельникова вышла, он присел на краешек кровати и ссутулился. О чем-то напряженно думал, потирал лоб и, наконец, поднялся.

И сразу заметил Свету и Дрозда.

Поняв, что они обнаружены, Света вышла вперед. Дрозд молча последовал за ней.

– Вы не ушли, – проговорил Петр Иванович.

Света поняла, что он хочет сказать. «Так вы не ушли! Вы все это время были здесь и наблюдали за нами!»

– Здесь было слишком интересно, чтобы уходить, – громко сказала Света, удивляясь самой себе.

Ответ получился резким и, пожалуй, жестким. Серафимович вздрогнул и пристально взгляделся в нее.

– Интересно? Да, наверное, – задумчиво протянул он. – С другой

стороны, кого сейчас удивишь скандалами...

– Скандалами – никого, – согласилась Света.

«Но между вами и Стрельниковой не было скандала.

Весь вопрос в том, что между вами сейчас произошло».

Ей вдруг вспомнились слова Марка Самуиловича: «Многие в театре были влюблены в нее без памяти и, полагаю, влюблены по сей день. Она умеет вызывать стойкие чувства».

Свете стало ясно то, что могло быть очевидным с их первой встречи, будь она чуть внимательнее: Серафимович давно и безнадежно любил Анну Васильевну.

– Вы знаете, кто сунул сигарету манекену? – прямо спросила Света.

Актер покачал головой.

– Нет, не знаю.

– Но догадываетесь?

– Догадываюсь, – грустно согласился он. – Но ведь я могу и ошибаться. И даже наверняка ошибаюсь. Видите ли, я очень плохо разбираюсь в людях.

Света безбоязненно подошла ближе и запрыгнула на авансцену. Даже если этот маленький толстяк убил Рыбакова, она почему-то больше его не боялась.

– Я думаю, Петр Иванович, вы говорите неправду, – очень серьезно сказала она. – Вы хорошо разбираетесь в людях. Знаете, на что они могут быть способны. Разве нет?

Серафимович кинул на нее быстрый испытующий взгляд, но Света сохраняла невозмутимость. Это давалось ей легко – она все равно ничего не понимала в происходящем.

Но зато она могла поклясться в том, что нечто необычное произошло между Стрельниковой и Серафимовичем, когда они стояли друг напротив друга на этой сцене, держась за одни перчатки. Маленький актер знал гораздо больше, чем говорил.

– Вы будете меня фотографировать? – улыбнулся он.

Первым побуждением Светы было рассмеяться в ответ. Снимать? Сейчас? После того, что здесь случилось, на руинах несостоявшейся репетиции? Ей еще предстоит объяснять в редакции, почему ее съемка была сорвана, и Света предчувствовала, что ее завалят вопросами.

Но затем она взглянула на Серафимовича. Тот сложил руки лодочкой, зажал между коленями и выглядел, как школьник, нарушивший правила и ожидающий строгого наказания.

Рядом с ним лежал забытый всеми манекен.

– Да, – кивнула Света. – Хочу.

Она отошла на несколько шагов назад, наклонила голову – и быстро начала работать.

У хорошей камеры есть свой взгляд. Она видит то, чего не видит человек. Света не раз замечала это, разбирая собственные снимки.

Ей оставалось только довериться камере.

Она меняла значение диафрагмы, потом убрала вспышку, и продолжала снимать одну и ту же картину: тело на кровати – и человека возле него.

Преступника и жертву?

Пусть на кровати был манекен, но все они знали, что именно в таком виде был найден Олег Рыбаков. Света не сомневалась ни секунды, что это известно не только им, но и Петру Ивановичу.

Она лишь снимала, не проверяя, что получается. Они увидят это потом, дома. Сейчас нужно ловить момент и, возможно, снимки подтвердят их подозрения.

– Вы знаете, Света, на сегодня, наверное, хватит.

Петр Иванович поднялся.

– Я очень устал... Мне пора.

Света опустила камеру.

– Вы ее любите, – негромко сказала она.

Серафимович грустно улыбнулся.

– Да, – просто сказал он. – Люблю. Что еще остается в моем возрасте, кроме как любить кого-то и оберегать его по мере сил?

– У вас всегда останется талант, – сказал незаметно подошедший Дрозд. – Я видел, как вы играли сегодня.

– А! Крошечная сценка, что вы могли увидеть...

– И все-таки я увидел.

Петр Иванович медленно провел ладонью по лицу сверху вниз, будто стирая грим.

– Благодарю, молодой человек... Благодарю.

Он одернул пиджак и поклонился – сначала Свете, затем Дрозду. У любого другого этот поклон выглядел бы шутовским – даже у блестящего Виктора Стрельникова. У несуразного Петра Ивановича с его плохо сидящим костюмом, с его немодными ботинками, с его смешной лысиной – у Петра Ивановича этот поклон был исполнен достоинства.

Как и он сам, когда уходил со сцены.

Воображение Светы сыграло с ней шутку – ей показалось, что за ним вот-вот помчится прыгучая, как мячик, маленькая белая собачка...

Но не было никакой собачки. Петр Иванович шел в полном одиночестве, провожаемый лишь их почтительным молчанием.

После его ухода Дрозд и Света еще некоторое время стояли, не говоря ни слова.

– Очень жаль, что свидетель опознал именно его, – вдруг негромко проговорил Дрозд. – Чертовски жаль.

Он взглянул на часы и заторопился:

– Поехали, успеваем к следователю...

...Когда Света вышла от Константина Мстиславовича, ей хотелось расплакаться. Она возлагала такие надежды на эту встречу!..

– Ну что? – спросил Дрозд, едва она села в машину.

– Ничего нового, – с отчаянием ответила Света. – Сорок минут я рассказывала ему о наших предположениях, а он внимательно слушал и задавал вопросы. Я даже пару раз начала сомневаться, кто из нас двоих ведет расследование. А сам молчал и хмыкал, ни слова не сказал по делу.

И, совсем упав духом, она закончила:

– Мне кажется, у них нет никаких версий ни убийства, ни покушения.

– Так не бывает. Версия у следствия есть всегда, и обычно не одна, – рассудительно заметил Дрозд. – Просто с тобой не захотели об этом говорить. Это нормально. Ты же неходишь в следственную группу.

– Я вхожу в группу жертв нашего убийцы. В подгруппу с маркировкой «потенциальные».

Алексей завел машину.

– Мне нужно заскочить к себе, покормить кошаков. Это буквально пара минут. А потом я отвезу тебя домой, хорошо?

– Хорошо, – мрачно согласилась Света. – И буду я там сидеть как в клетке.

Дрозд присмотрелся к ней:

– Э, ты что-то совсем скисла. Не хочешь сидеть у себя, сиди у меня. Только дома жрать нечего.

– Поем кошачьего корма, – сердито буркнула Света.

– Идет, – легко согласился Дрозд. – У меня там как раз диетический, для кошек с чувствительным пищеварением. Тебе должно понравиться.

Стоило Свете и Дрозду переступить порог его квартиры, навстречу им бросились с шумом и топотом два пушистых кота. Один наступил Свете на ногу, второй врезался в лодыжку, не успев обогнуть препятствие на пути к

любимому хозяину. Света покачнулась и чуть не упала.

– Господи! Они меня затопчут.

– Какая нелепая смерть, – посочувствовал Дрозд, глядя обоим животным. Коты вились у него под рукой, закатывали глаза и выгибали спины. От их слаженного мурлыканья вокруг распространились умиротворение и благодать.

– Ласки просят, – позавидовала Света, вспомнив собственного кота.

Тихон, дождавшись ее, первым делом выкладывал, что он о ней думает. Как правило, это было что-то нелицеприятное. Затем он обстоятельно рассказывал о том, что у него случилось за день и как он был одинок. Под его мяуканье, мяканье и кваканье Света мыла руки и переодевалась. Стоило ей сесть за стол, как Тихон внезапно соображал, что сегодня еще не ходил в туалет.

Дрозда его коты встречали как восточные ласковые жены – своего возлюбленного султана, осчастливившего их визитом. «О, да продлятся твои дни, лучезарный хозяин! – сладостно пели они. – Мы мечтаем отдать тебе всю нашу любовь!»

Тихон встречал Свету, как барин встречает нерасторопного холопа. «Где тебя носило, дурак? – орал он на своем кошачьем и топал ногами. – Пороть тебя на конюшне!»

– Жрать они просят, а не ласки, – развеял ее заблуждение Дрозд. – Э, кошки! Ну-ка метнулись за мной кабанчиками.

Он щелкнул пальцами, и Бронислав с Никодимом, налетая друг на друга и толкаясь, радостно засемили следом.

Дрозд придерживался мнения, что мебель в квартире нужна исключительно для котов. Поэтому в комнате у него не было ничего, кроме широченной тахты и сооружения, известного как «кошкин домик». И еще – стереоаппаратуры, стоящей вдоль стены. Если бы Дрозду пришлось от чего-то отказаться, он без раздумий выкинул бы тахту, но оставил любимые колонки и проигрыватель.

Только кухню Дроз обставил по-человечески. Правда, на стульях лежал слой кошачьей шерсти. Но хозяин утверждал, что это для тепла и удобства гостей.

С того времени, как Света обзавелась Тихоном (хотя вернее было бы сказать, что это он обзавелся Светой), она стала значительно проще смотреть на вопросы чистоты. Поэтому лишь смахнула шерсть со стула и села, подобрав ноги.

Дрозд поставил перед ней ее любимую чашку, на которой был нарисован Ежик в тумане. Света любила и книгу, и мультфильм, и самого

Ежика. Они с ним были похожи.

Но сейчас при виде Ежика она еще больше впала в уныние. В голове всплыли строчки из книги.

«— Извините, – беззвучно спросил кто-то. – Кто вы и как сюда попали?»

– Я – Ежик, – тоже беззвучно ответил Ежик. – Я упал в реку.

– Тогда садитесь ко мне на спину. Я отвезу вас на берег».

Это она – ежик. Только никто ее не отвезет на берег, не высадит, не требуя благодарности.

Бедный, несчастный Ежик! Сперва в ужасе бегал в тумане, пугаясь каждого осеннего листа. Потом котомку потерял. А теперь вообще плывет по реке кверху лапками, и впереди его ждет...

«Ниагарский водопад», – подсказало воображение, проснувшись совершенно некстати.

Света шмыгнула носом.

Все плохо, все-все-все. Рыбакова убили! Ее пытались убить и попытаются снова! Сегодняшняя съемка сорвалась, а это значит, что придется опять ехать в театр!

И в довершение всех этих несчастий Стрельникова при первой встрече сказала, что Свету нужно фотографировать на фоне полыни. Полыни!

Почему-то именно воспоминание об этом окончательно добило ее. Конечно! Всех женщин можно фотографировать в цветах. Стрельникову – в окружении царственных роз, Леру Белую – среди пылких огненных маков, томную красавицу Майю Лаврентьеву – в изнеженных орхидеях.

И только она должна сидеть в полыни и сурепке.

Спасибо, что не в кактусах.

Одинокая слеза поползла по Светиной щеке, но на полпути изменила маршрут и свернула на нос. Света украдкой смахнула ее и чуть не зарыдала в голос. Даже слезы – и те не могут течь нормально! У Стрельниковой они катились бы по щекам прозрачными каплями, красиво падали вниз и разбивались о пол хрустальными брызгами. А у нее что? Мокрый нос, как у собаки, которая ловила в луже лягушек. Ы-ы-ы!

Если бы Света задумалась над тем, что с ней происходит, она бы сама себе удивилась. На нее невесть откуда навалилась черная тоска, какую она испытывала лишь в юности, когда отчим еще жил с ними. Настроение упало до нижней критической отметки. Дальше могла быть только депрессия.

Но Свете некогда было разбираться в причинах, она была слишком поглощена переживаниями.

И никто, никто не обращал на нее внимания! Дрозд мыл миски после

котов. Сами коты, закончив трапезу, удалились, обмахнув на прощанье Свету пушистыми хвостами-опахалами.

Только Ежик с кружки смотрел на Свету несчастными глазами. Света налила себе воды и обхватила кружку ладонями.

Со стуком расставив чистые кошачьи миски по местам, Лешка выпрямился и оптимистично начал:

– Сейчас с обедом разберемся...

Как вдруг у него запищал телефон.

Дрозду звонили постоянно. Друзья-приятели были у него по всему городу и зачастую обнаруживались в самых неожиданных местах. Но именно от этого звонка Света внезапно насторожилась.

Дрозд прижал трубку ухом к плечу, открыл холодильник и зарылся в грудке разнокалиберных упаковок. Судя по тому, что две из них он без раздумий швырнул в мусорное ведро, содержимое остальных тоже не стоило пробовать.

– Привет! – голос его звучал удивленно. – Нет, не ожидал. Рад, конечно. Что? Когда? – Он быстро взглянул на Свету. – Нет, извини, не получится...

Вышел из комнаты, и конец диалога она не услышала.

Света так резко дернула чашку к себе, что выплеснулась вода. Она вдруг поняла, кто позвонил Лешке.

Всего несколькими часами ранее, глядя на Стрельникову, Света пыталась понять, почему у этой женщины не перегорают предохранители, когда ее швыряет от спокойствия к бешенству. Теперь нечто подобное случилось с ней самой. Как будто внутри щелкнул рычажок переключения ощущений и чувств, не зависящий от ее воли. Или произошла необычная химическая реакция: стоило на уныние плеснуть злостью, как уныние скукожилось, словно под воздействием кислоты, вспыхнул мрачный огонь, и вверх, с шипением и треском, вырвались клубы ядовитого дыма.

Стрелка измерителя силы эмоций ушла так далеко, что замигала предупреждающая красная лампочка.

Вернувшись, Дрозд, как ни в чем не бывало, снова сунулся в холодильник.

– Сосиски закончились, сыра нет...

Стукнул дверцей морозилки и объявил:

– Зато есть пицца! Мы спасены.

– Это она звонила, – сказала Света, игнорируя красную лампочку, которая мигала все отчаянней.

Дрозд удивленно обернулся:

- Что?
- Она тебе звонила.
- Кто?
- Актриса. Лаврентьева.
- Ага, она. Как ты догадалась?

Дрозд ухмыльнулся, и Свете внезапно захотелось врезать сковородкой по его ухмыляющейся голубоглазой роже. Но сковородки на плите на наблюдалось: Дрозд обычно разогревал еду в микроволновке. Света задумчиво посмотрела на микроволновку, но здраво оценила свои силы.

– Несложно было догадаться, – ледяным тоном сказала она. – В театре ты очень мило распускал перед ней перья и надувал зоб.

Ухмылка Дрозда стала шире.

– Ты мне льстишь. Кстати, я думал, ты снимала репетицию, а не смотрела, как я распускаю перья.

Он вытащил из морозилки коробку с пиццей и бросил на столешницу.

– А ты меня отвлекал своим токованием, – отрезала Света. – Это было отвратительно.

– Неужели?

– Да, мерзкое зрелище. Потерял человеческий облик и стал похож на шимпанзе, ухающего на деревьях.

– И, наверное, бьющего себя в могучую грудь?

– Больше пялящегося на чужую.

Дрозд на секунду опешил.

– Ого! – протянул он. – Мы перешли к запрещенным приемам. Но ты все-таки определись, на шимпанзе я был похож или на тетерева.

– Ты был похож на барана, – любезно сказала Света. – И продолжаешь быть похожим на него и сейчас. Вот такой баран: бе-е-е-е!

Она сделала из пальцев рожки и пошевелила ими на лбу.

Судя по выражению лица, Дрозда раздирали противоречивые чувства. Он расхохотался, но смех был изумленным.

– Ну ладно, пусть я баран, – согласился он. – Но я убей не понимаю, почему ты так взбеленилась.

Только этого Свете не хватало, чтобы окончательно утратить самоконтроль. Красная лампочка преодолела стадию ровного яростного сияния – и с треском взорвалась.

– Не понимаешь? – процедила Света сквозь зубы. – Так я тебе доступно объясню! Вместо того, чтобы спасти мою жизнь, ты сначала заигрывал с Лерой Белой, потом флиртовал с Лаврентьевой, а потом вообще таскал меня по проходу, как будто я консервная банка на твоём

хвосте!

Теперь она смогла насладиться вытянувшимся лицом приятеля.

– Я заигрывал?

– А что, разве это я мчалась к ней с высунутым языком? Вот с таким!

Она скосила глаза к носу, высунула язык и тяжело задышала.

– Я так не выглядел! – ужаснулся Дрозд. – Что ты мне показываешь лоботомированного осла?

– Я тебе еще польстила. Ты выглядел хуже.

– Да я просто испугался, когда она к тебе резво подскочила.

Света недобро прищурилась.

– И чего же ты испугался? Когда сам говорил мне, что она исключена из подозреваемых?

– Я не сказал «исключена», я сказал – маловероятно! Елки-палки, что с тобой?

– Со мной все в порядке! – Света судорожно схватила со стола кружку и залпом проглотила воду. – Мне противно было наблюдать, как ты раздеваешь ее глазами!

– Раздеваю?

– Мог хотя бы меня постесняться!

Дрозд ошеломленно покачал головой.

– Ну ты даешь! Я ее осматривал, потому что пытался понять, могла ли она спрятать куда-нибудь пистолет.

– О, да, конечно! – сарказма Светы хватило бы на троих. – И ее бюстгальтер показался тебе самым подходящим местом. Туда можно спрятать даже два пистолета. Левый и правый!

Дрозд закатил глаза.

– Клянусь, мне нафиг не сдался ее бюстгальтер. Да, я пытался неумело изображать телохранителя. Наверное, это выглядело очень глупо. Ну, извини!

– Вранье! – отрезала Света. – А Лаврентьева?! А это ваше коллективное «гы-гы»?!

– Это было не мое гы-гы! Я вообще почти все время молчал и следил за тобой.

– Ты с ней мило чирикал!

– Она сама подошла познакомиться! Я-то чем виноват?

– А не надо было торчать посреди зала! – обозленно бросила Света. И воспользовавшись полным замешательством противника, пытавшегося осознать, что ему только что вменили в вину, выкрикнула: – А по полу ты меня зачем волочил? Что это было за издевательство?!

– Да потому что свет вырубился! Я решил, что это специально, что сейчас в тебя будут стрелять! Думаю, вдруг у этого гада с собой прибор ночного видения. Поэтому я тебя оттащил в сторону. Убрал с линии огня.

– И уронил попой на пол!

– А чем мне тебя надо было ронять, головой? – заорал возмущенный Дрозд. – Не уронил, а посадил. Чтобы тебя закрывали кресла! Ты попробуй сама себя потаскай!

Света стукнула чашкой об стол.

– А вот не нужно было меня таскать, раз не хотелось!

– Мне как раз хотелось!

– Что?! Тебе хотелось таскать меня по полу?! – взвилась она. – Значит, ты все-таки издевался!

– О, черт!

Дрозд схватил коробку с пиццей и несколько раз ударил в нее лбом, как в стену.

– Это ты надо мной издеваешься! Обвиняешь черт знает в чем! Какие-то бюстгальтеры, флирт... Ничего подобного не было!

– Но свой номер крашеной мымре все-таки оставил!

– Ну и что? Да мало ли кому я его оставляю! Ты так говоришь, будто ревнуешь!

Света открыла рот, чтобы вылить на Дрозда поток уничижительной брани.

Что он сказал?

Ревнует??

Она – ревнует?!

Ха-ха! Она – и ревнует! Нет, вы слышали? Она ревнует!

Света опустила на стул.

И, не сказав ни слова, закрыла рот. Потому что справедливость требовала признать, что Лешка попал в точку. Она поняла это только сейчас.

«Боже мой, да он прав. Я его в самом деле ревную».

В одну секунду получили объяснение все перепады настроения, случившиеся с ней за этот день.

Она его ревнует.

Света почувствовала себя так, будто из-под нее выдернули стул. И пол тоже выдернули, и нижние шесть этажей с подвалом включительно. Висит она теперь в воздухе без малейшей опоры и понятия не имеет, что делать дальше.

Вот только как это вышло? И когда?

Дрозд отложил пиццу и смотрел на нее, сдвинув брови.

Он и в самом деле ни в чем не виноват. А она еще накричала на него...

Она, которая никогда ни на кого не кричит!

– Я... – начала Света.

И замолчала под его взглядом.

– Скажи «да», – попросил Дрозд.

– Что «да»?

– Скажи, что ты меня ревнуешь.

– Я тебя ревную, – растерянно согласилась Света, утратив весь свой пыл. – Извини. Это как-то...

«Глупо», – хотела она сказать. Но это было не просто глупо. Это было так, словно они долгие годы ходили нагишом, как Адам и Ева в раю, а потом вдруг случилось что-то такое, отчего оба осознали свою наготу.

По крайней мере, Света осознала.

– Это очень неумно с моей стороны... – пробормотала она вслед за своими мыслями.

– Что именно?

Света не ответила. Она снова стала ежиком в тумане, утратившим все ориентиры.

Она встала и попробовала выйти из кухни. Но лишь попробовала, потому что между дверью и холодильником стоял Дрозд и загораживал проход.

– Мне надо... – попробовала объяснить Света, сама толком не понимая, куда и зачем идет. – То есть... Нет, подожди...

– Скажи еще раз, что ты меня ревнуешь.

– Что?

– Скажи.

– Зачем?

– А мне нравится это слушать.

– Леш...

– Скажи!

– Я... тебя...

В кухню мимо их ног протиснулся кот Никодим, пришедший за добавочной порцией корма. Запрыгнул на табуретку, озадаченно посмотрел на двух людей и мяукнул.

На него никто не обратил внимания.

По прошествии еще некоторого времени вслед за ним вошел кот Бронислав. Забрался на другую табуретку, подождал – и высказался более активно. Что за безобразия! Вместо того, чтобы второй раз покормить

животных, они целуются!

Два человека наконец соизволили оторваться друг от друга. Взглянули на сердитых котов – и смущенно рассмеялись.

– Скажи им что-нибудь, – попросила Света, покраснев. – Я их стесняюсь.

– Я лучше тебе скажу.

Дрозд наклонился к ней и шепнул:

– Я старый солдат и не знаю слов любви...

Через несколько минут Бронислав и Никодим синхронно спрыгнули с табуреток и покинули кухню. Они были деликатными котами. И, кроме того, им было совершенно ясно, что в ближайшее время их не покормят.

...Солнце пробралось сквозь шторы и улеглось на Светиной спине, как большая теплая кошка. Девушка не шевелилась, прислушиваясь к своим ощущениям. Казалось, солнце вот-вот замурлычет и примется вытаптывать у нее между лопаток ямку, как это обычно делал Тихон.

Ах да, Тихон!

– Мне надо домой, – с сожалением протянула она, не открывая глаз.

– Останься на ночь, – шепнул ей в ухо Дрозд. – В клуб я сегодня не иду.

– Почему?

– Его какая-то компания сняла до утра.

– А твои тусовки? Пати?

– Движняки, – подхватил Дрозд. – Сейшены. Забудь. Это все так, пшено...

– Почему пшено? – сонно поинтересовалась Света.

– Потому что для кур.

– А ты орел. Нет, сокол.

– Пигвин я, – сказал Дрозд. – Надо было раньше...

Света приоткрыла один глаз. Но продолжения не последовало.

– Так останешься? – он погладил ее по спине. – Я буду тебя пиццей кормить.

Она улыбнулась и покачала головой.

– Не могу. Там Тихон без меня одичает.

– А, про троглодита я и забыл.

Он вскочил, потянулся и открыл шире створку окна.

– Кстати, давно хотел сказать – тебе сетки надо поставить на окна. Чтобы твой блохастый не вывалился.

Света перевернулась на спину и приподнялась на локте.

– Как раз собиралась, а тут все это началось... – она неопределенно помахала рукой. – Я сейчас просто окна закрываю и включаю кондиционер.

– Можно еще, пока жара, класть влажную тряпку там, где он любит лежать.

– Пробовала. Он эту тряпку притащил мне на подушку. Причем сам, подлая скотина, сверху не лег, а спрятался под столом.

– Так он тебе приятное хотел сделать. А ты не оценила.

Пока Света одевалась, Дрозд из окна осмотрел двор.

– Ищешь его? – тихо спросила она, подойдя и обняв его сзади.

Лешка погладил ее по руке.

– Нет. За нами никто не следил, когда мы ехали сюда.

– Зачем же ты тогда...

– Перестраховываюсь.

Он задернул шторы и отошел.

Света постояла, рассматривая узоры ткани на просвет. Но когда из-за шторы внезапно высунулась круглая кошачья голова, она вскрикнула и отскочила.

– Он думал, ты его погладишь, – укоризненно сказал Дрозд. – Бронислав любит подоконники.

Он подошел и почесал обидевшемуся коту подбородок.

– Я не ожидала, – Света смутилась. – Он так выскочил...

– Свет, послушай... – Дрозд взял ее за плечи, заставил взглянуть себе в глаза. – Убийца – не наемный киллер. Это обычный человек, в руках которого оказалось оружие. Он покушался на тебя два раза, и оба раза потерпел полный провал. Он тебя даже не ранил!

– И на том спасибо, – попыталась пошутить Света. Но губы у нее дрожали.

Дрозд не отозвался на ее иронию. С него слетел обычный налет шутовства и дурачества. Света вдруг вспомнила, как увидела его на ступеньках отдела полиции с сигаретой. Хотя он перестал курить пять лет назад, взял и бросил в один день, сразу и окончательно.

– Я знаю, тебе кажется, что опасность везде, – сказал он. – Но это не так. Ты не Шерлок Холмс, а он – не Моран. Он боится не меньше тебя, а может, и больше. Он сам испортил себе всю малину, попытавшись тебя убить, потому что теперь ты стала осторожной. Уже просто так у подъезда не пристрелишь. А ведь ему надо не только уничтожить тебя, но и остаться вне подозрений.

– А вдруг он изобретет что-нибудь другое?

– Ничего он не изобретет. У него в руках пистолет, и в этом его беда.

Если бы не было пистолета, нам пришлось бы куда сложнее.

– Неужели?

Дрозд усмехнулся.

– Знаешь, Абрахам Маслоу как-то сказал: «Если единственный инструмент, который у вас есть, это молоток, то вы склонны рассматривать любую проблему как гвоздь». Человек с пистолетом перестает быть изобретательным. Он может только стрелять. А стрелок из этого козла как из доярки балерина. Ты поняла?

– Да, – сказала Света.

– Что ты поняла?

– Ты – моя рыба.

– Что?

– Рыба. Ты. Моя.

Дрозд озабоченно приложил ладонь к ее лбу. Света засмеялась и отстранилась:

– Нет у меня температуры! Разве ты не помнишь? Это из «Ежика в тумане». Когда Ежик упал в воду, его подобрало неизвестное существо. И довезло его на спине до берега. Это существо – как раз ты и есть! Теперь вспомнил?

– Вспомнил, – сказал Дрозд и взял со стула рубаху. – Только с чего ты решила, что это была рыба? Возможно, это был бобер. Я похож на бобра?

Он обернулся к ней и натолкнулся на ее взгляд. Некоторое время они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Как люди, у которых накопилось слишком много того, что нужно сказать.

Лешка заговорил первым.

– Ладно, собирайся, – сказал он, словно продолжая разговор, – а то опоздаем к вечернему кормлению хищника.

Они подъехали к дому, когда уже начало смеркаться. Во дворе пара пенсионеров прогуливала солидного черного скотч-терьера, на качелях висели трое подростков. У соседнего подъезда консьержка о чем-то разговаривала с жильцом, вышедшим выкинуть мусор. Жилец переминался с тапочки на тапочку.

– Жара спала, – заметил Дрозд. – Все сразу ожили. Как лягушки после засухи.

И Света тоже почувствовала себя лягушкой после засухи. Как будто все уже почти закончилось. Она наконец-то не боялась пройти по двору, ни капли не боялась. Лешка прав: убийца не станет стрелять в нее на глазах свидетелей, если только он не стремится в тюрьму. А он не стремится.

Какое счастье – избавиться от страха! Нет чувства, более унижающего человека, чем страх.

По дороге сюда они договорились, что Света ближайшие несколько дней поживет в квартире Дрозда.

...– соберем вещи, кота в переноску – и ко мне, – закончил Лешка и заглушил машину. – Где ты живешь, он знает. А мой адрес еще нужно постараться разыскать.

Они пошли вдоль дома к Светиному подъезду.

– А коты не будут драться? – в третий раз спросила она.

– Драться – нет, – в третий раз терпеливо ответил Дрозд. – Могут пошипеть друг на друга из-за угла. Но мои уже привычные к новичкам.

– Зато Тихон непривычный. Я за него уже переживаю.

– Спокойно, без пены! Они разберутся.

– А если нет? Вдруг начнут драться?

– Ну, значит будет у твоего кота некомплект ушей.

– Лешка!

– Да все будет нормально, успокойся.

Она вздохнула.

– Тихон, конечно, дурак и все такое, но...

– Света... – изменившимся голосом сказал Дрозд.

Света замолчала. Взглянула на него, не понимая, что случилось. А потом перевела взгляд туда, куда он смотрел.

На траве у стены что-то лежало. Какой-то комок, отдаленно похожий на меховой воротник с дешевого пальто. Или на оторванный хвост старого облезлого енота. Или на...

– Тихон, – выдохнула Света. – Тиша!

Она сначала пошла, потом побежала... А потом снова пошла. Когда до кота оставалось пять шагов и уже стало ясно, что можно не бежать.

Они опоздали.

## Глава одиннадцатая, в которой Света возвращается в прошлое

Света медленно опустила руку в траву рядом с Тихоном. Протянула руку, но дотронуться до него не смогла.

Дрозд, поменявшийся в лице, поднял голову и посмотрел вверх. Прозрачная кисея развевалась на ветру из распахнутого окна Светиной квартиры.

Он бессильно выругался и отвел глаза. Когда-то молодая белая пушистая кошка, подобранная им на заправке, дождалась, пока ветеринары окончательно вылечат ее от всех болезней, и легко прыгнула в форточку, где летел ей навстречу такой же молодой, белый, теплый пух с тополей. После того случая у него остался шрам на руке. Не от кошки, конечно – она была совсем безобидная кошка, тихая и благодарная. Он закопал ее среди каких-то маленьких белых цветочков, похожих на снежинки. А на следующее утро с таким ожесточением приколачивал сетку к окну, что чуть не забил гвоздь в собственную ладонь.

Света сидела, оцепенев. Котенок лежал на боку, и нежный подшерсток шевелился от ветра.

Она столько раз окунала пальцы в этот пух, в кошачье руно, в мохнатое брюшко, доверчиво подставленное под ее руку. Невозможно прикоснуться к нему и не почувствовать тепла. Невозможно.

Он должен быть живой. Он должен ронять горшки, мчаться галопом по столам, ловить лапой струйку воды из-под крана и чихать, когда брызги летят ему в нос. Он должен валяться на ее подушке и скакать по одеялу, пытаясь придушить ее пятку. Он должен прыгать на ее тапочки из-за угла, а потом пятиться от них боком, как краб. Приходить к ней в шесть утра и, мурлыча, вытаптывать ямку у нее на спине. А еще вылизывать ей затылок, придерживая лапой за ухо, чтобы не убежала от собственного счастья.

Зачем они вообще нужны, эти проклятые коты, если они умирают?! Как они смеют приручать к себе людей, а потом бросать их одних?!

Он должен быть живой!

Во дворе почему-то стало очень тихо. Перестали хохотать подростки на качелях, а консьержка и мужчина в тапочках испуганно посмотрели на нее. Громко и тревожно залаял терьер.

Дрозд быстро наклонился и обнял ее за плечи.

– Тише. Тише, тише, не кричи, – зашептал он. – Не кричи, пожалуйста. Разве она кричит? Она просто молча сидит на траве. И не может заставить себя протянуть руку, чтобы погладить своего убитого кота.

Света подняла на Дрозда сухие глаза. Горло как будто сжало петлей, и она не могла ни вздохнуть, ни заплакать.

– За что? – с мучительным непониманием выдохнула она. – За что его, Леша?! Он такой маленький и безобидный. Зачем?..

Дрозд молчал. Потом присел рядом с ней и очень мягко сказал:

– Нужно унести его отсюда.

Она глубоко вдохнула и дернула головой, пытаясь избавиться от ощущения затягивающейся петли. Что значит унести? Куда унести?

– Похоронить, – так же мягко ответил Дрозд, хотя она не спрашивала вслух. – Я знаю одно место.

– Куда? – севшим голосом выдавила Света.

– В лес. Это недалеко.

Он помог ей встать.

– Идем. Ты останешься в машине, а я вернусь за ним. Только куртку старую возьму из багажника.

Она покачала головой:

– Нет. Я тебя здесь подожду.

– Света!

– Я подожду.

Дрозд смотрел на нее несколько секунд. Поняв, что настаивать бесполезно, он быстрыми шагами пошел к машине.

Света видела, что к нему осторожно приблизилась пара с собакой. До нее донеслись обрывки разговора. Кажется, они пытались выяснить, не требуется ли помощь.

Коротко поблагодарив, Дрозд вытащил куртку и вернулся к ней.

– Теперь иди в машину, – попросил он. – Иди, я все сам сделаю.

– Я тебе помогу, – тихо сказала Света.

– Он маленький и легкий. Я сам справлюсь. Иди!

Не такой уж он маленький, хотела возразить Света. Он здорово подрос за эти месяцы, посмотри! Лапы у него вымахали, как у кролика, и стали длинные и мускулистые. Она еще смеялась, что это редкая порода – беговой кот на короткие дистанции. На паркете его пару раз заносило, и тогда Тиша ехал юзом, на ходу трансформируясь в другую породу: кот пылеборочный, меховой.

А еще у него только-только начал пушиться хвост, из закорючки превращаясь в еловую веточку. А уши! Ты только взгляни на его уши! Это

же паруса, а не уши. Она говорила, что если посадить Тихона на доску и отпустить в свободное плавание, он сможет спокойно добраться до Бразилии.

И разве он легкий? Только вчера, побежав по шторе вверх, Тихон доказал, что один некрупный котенок способен уронить гардину вместе с карнизом. Света предпочла бы, чтоб он был полегче – тогда ей не пришлось бы пыхтеть над карнизом, прикручивая его на место.

Лешка наклонился над Тихоном, и она отвернулась.

И вдруг из травы донесся отчетливый звук. Глуховатый короткий стон, меньше всего похожий на мяуканье.

Они переглянулись, не веря себе.

Звук повторился.

Света вскрикнула и бросилась к коту.

– Леша, он живой!

– Не трогать! – рявкнул Дрозд. – Руки!

Она поспешно отдернула протянутую ладонь.

– Не трогай, – уже спокойнее проговорил он. – У него позвоночник может быть поврежден. Подожди...

Он исчез и через минуту вернулся с куском фанеры.

– Консьержка дала, – запыхавшись, объяснил он. – Сейчас мы его...

За ним подошли пенсионеры, остановились в отдалении, вытягивая шеи.

– Неужели живой? – крикнул мужчина.

– Живой! – хрипло отозвалась Света и не узнала свой голос.

– Ну, дай бог...

Они потоптались, но не ушли.

Дрозд очень осторожно подсунул фанеру под котенка, стараясь не сдвинуть его.

– Может, все-таки помочь? – робко спросила издалека женщина.

– Да, пожалуйста!

Мужчина неловко перелез через заборчик и подбежал, переваливаясь с ноги на ногу.

– Берите с другой стороны, – попросил Дрозд. – Дотащим его до машины – и на заднее сиденье.

Они вдвоем донесли импровизированные носилки до «Хонды» и бережно погрузили внутрь, пока Света держала дверь.

– Сядешь рядом, – распорядился Дрозд. – Положи руку на него сверху, только аккуратно, не дави. И придерживай, пока едем.

– Ваш котик, барышня? – сочувственно спросил пожилой мужчина.

Света только теперь разглядела его, и вдруг вспомнила: она как-то сфотографировала их скотча, когда тот был щенком.

Она кивнула и проговорила:

– А у вас Денди.

– Да, Денди... – Он помялся, подбирая слова. – Вы не переживайте раньше времени. Кошки – они знаете какие живучие! Только вы уж на окошко его не пускайте...

Последнюю фразу он крикнул уже им вслед: машина плавно тронулась с места.

– Я не пускала, – сказала Света.

Но ее услышал только Дрозд. Он бросил в зеркало испытующий взгляд.

– Что? – не поняла Света.

– Ничего. Как Тихон?

– Не шевелится, – с отчаянием сказала она. – Леш, он вообще не двигается!

– Он и не должен двигаться. Глаза открыты?

Света заглянула в лицо Тихону.

– Закрыты...

– Придерживай его и больше ничего не делай.

Света не могла бы ничего сделать, даже если бы и захотела. Она молча держала ладонь на теплом тельце, не давая коту упасть. «Он маленький и легкий», – сказал Дрозд, и был прав. Тихон как будто уменьшился в размерах.

Светой все сильнее овладевала уверенность, что теперь он действительно умер.

– Куда мы едем?

– В ветклинику.

– Далеко еще?

– Пять минут. Там хорошие врачи. Я всех котов у них лечил.

«Там хорошие врачи, – повторяла Света как заклинание, пока они ехали. – Хорошие врачи. Они помогут».

Наконец они завернули во двор жилого дома, где над крайним подъездом светилась вывеска ветеринарной клиники.

Она не удержалась и прикоснулась к пушистому лбу котенка.

– Почти приехали!

И, словно отзываясь на ее прикосновение, Тихон издал тот же приглушенный, сдавленный стон, пугающе похожий на человеческий.

– Тишенька, потерпи, мой хороший! – попросила она, сглотнув. –

Сейчас тебе помогут. Еще чуть-чуть – и все будет в порядке! Потерпи, дружок, потерпи, маленький...

И все время, пока они вытаскивали котенка из машины, несли его в клинику, сидели в ожидании врача, она продолжала разговаривать с ним. Боясь, что если перестанет говорить, он точно умрет. Никакой логики в этом не было, но здравый смысл на этот раз молчал.

Наконец появился ветеринар – круглоголовый, лысый, с широченными ладонями, в каждой из которых могли поместиться трое таких, как Тихон. С Дроздом поздоровался как с хорошим знакомым и кивнул на кота:

– Что у нас? Выпаданец?

– Пятый этаж, – быстро сказал Дрозд.

Лысый поморщился.

– Асфальт?

– Земля.

– Понял. Несем в третий. Тамара! Тома! – громогласно позвал он.

Из соседнего кабинета выплыла румяная Тамара с косою, уложенной на голове калачом.

«Почему они все такие медленные? – с ужасом подумала Света, глядя на нее. – Она выглядит так, будто ее оторвали от чая с баранками. А этот доктор! Он посмотрел на меня, словно я разносчик лишая. И почему они все еще ничего не делают?!»

Ветеринар присел рядом с Тихоном, которого Света держала на коленях вместе с фанеркой. Покачал головой, и Света похолодела.

«Сейчас он скажет, что все бесполезно. Что они не возьмутся его лечить».

– Эх ты котинька-коток... – вдруг протянул врач. – Хвостик серенький, животик беленький. Пойдем, посмотрим тебя.

Они с Дроздом понесли котенка в тот кабинет, где скрылась Тамара. Света дернулась было за ними, но лысый скупно бросил, не взглянув на нее:

– Вы – здесь. Мешать не надо.

И Света растерянно опустила на место. Разве она стала бы мешать?

Потекли минуты. Она прислушивалась, но из-за двери не доносилось ни звука. Воображение рисовало картины одну хуже другой, и Света почти обрадовалась, когда в коридоре появился сухопарый старик в пальто и сел напротив нее. Теперь хоть что-то отвлекало ее от безнадежных мыслей.

Света заставила себя рассмотреть его. Небритое морщинистое лицо с суровым взглядом, узкие поджатые губы. И на улице, и в клинике было тепло, но он упорно кутался в свое пальто.

С ним не было никакого животного. Света только успела удивиться,

зачем же он пришел к ветеринару, как старик каркнул, обращаясь в пространство:

– Не понимаю! Зачем заводят этих... – он скривил губы, – этих вот кошечек! Собачек! Вот вы, девушка! – он устремил на нее недоброжелательный взгляд. – Вы здесь с кем?

– У меня кот, – выдавила Света.

Горло снова сжал спазм. Было бы легче, если бы она могла заплакать.

– И зачем он вам?

Света положила руку на горло и откашлялась. Что он хочет от нее, этот противный, злой старик, ненавидящий животных? Разве ему требуется ее объяснение? Вовсе нет. Ему нужен лишь объект для того, чтоб выплеснуть раздражение на мир.

Почему же так трудно дышать...

– Говорите! – потребовал мужчина. – Что вы молчите?

В Свете начала подниматься, набирая силу, глухая ярость. Этот человек, подумала она, нарочно приходит в ветклинику, где сидят страдающие, перепуганные хозяева больных животных. Он выбирает таких, как она – тех, что не дают сдачи. И начинает медленно, с удовольствием ковыряться палочкой в их боли.

Но она не выйдет из себя. Не доставит ему такого удовольствия.

Старик не сводил с нее требовательного взгляда, и Света сказала то, что думала:

– Коты спасают от одиночества, а собаки – от скуки. Поэтому все, что нужно человеку, это кошка и собака. Другой человек – уже излишество.

Тот, кажется, опешил от ее ответа.

– Ах вот, значит, как, – пробурчал он некоторое время спустя. – Так, значит, да? А я вам прямо скажу, девушка: глупости это все! Никто человеку не нужен. Вы мне верьте. Я уже столько живу, что все на себе проверил. Что вы все кашляете? – вдруг рассердился он. – Болеее что ли?

Света усилием воли подавила ненависть. Старик не виноват, что стал таким. Каждый приходит к старости с мешком накопленного опыта и достает оттуда формулы для жизни. У него своя формула: никто никому не нужен. Значит, и жизнь была такая... невостребованная.

– Это вам никто не нужен, – не сдержалась она. – А мне нужен.

Ее собеседник воинственно оттопырил нижнюю губу:

– Дурь и блажь! Заведут, видишь ли, питомцев, а потом скачут вокруг них! Попы им моют, носы им вытирают! Взрослые люди, а сюсюкают, как с игрушкой! Может, вы мне скажете, так и должно быть?

– Да! – подтвердила Света, посмотрев ему в глаза. – Так и должно

быть.

– Ерунда! А если я и без кошечек-собачек не одинокий? Тогда они мне зачем?

– Они позволяют почувствовать себя человеком.

Старик плотнее запахнул пальто и прижал руку к груди, словно замерз.

– Они же вас поработают! – воскликнул он, потрясая свободной рукой. – Жизнь вашу кладут себе на алтарь! Верней, вы сами ее кладете, добровольно!

Света плотно сжала губы, про себя поклявшись больше не отвечать этому безумцу.

– А те, которые к старости лет с ума сходят? – старик горячился все сильнее. – Купят, прости господи, таракашек каких-то, и трясутся над ними! Им бы спокойно доживать, не позориться. Ан нет! Они на посмешище всего двора будут свою насекомую выгуливать, попоночки ей шить, от холода беречь, будто она орхидея какая!

Дверь кабинета распахнулась, и лысый ветеринар вышел в коридор, на ходу договариваясь о чем-то с Дроздом. Одного взгляда на лицо друга Свете хватило, чтобы понять: Тихон жив.

Она вскочила, но старик опередил ее.

– Ефим Сергеевич! – взгляд его из жесткого сделался заискивающим. – Ефим Сергеевич!

Лысый заметил его и улыбнулся:

– А, Михаил Петрович! Что у вас?

– Ефим Сергеевич, прихрамывает она, вот беда! – умоляюще заговорил старик, утратив весь свой пыл. – Не каждый раз, врать не буду. Но случается. Вы посмотрите на нее, я вас очень прошу!

К изумлению Светы, он вытащил из-за отворота пальто крохотную собачонку размером с будильник, казалось, состоявшую лишь из лапок и ушей. Собачонка тряслась, сучила ножками и просилась обратно в укрытие.

– Ну-ну-ну, не бойся, – умильно проворковал старик. – Юся девочка хорошая, ласковая! Юсенька!

И заскорузлым пальцем провел по черному собачьему носу. Собачонка восторженно облизала ему палец и дрыгнула лапкой.

– Ну что ты, таракашечка ты моя глупая, – с нежностью проговорил старик. – Ефим Сергеевич, так глянете?

– Конечно-конечно! – отозвался ветеринар. – Но, уверен, это остаточные явления...

Они скрылись в кабинете.

– Таракашечка... – ошеломленно повторила Света, глядя им вслед.

– Что? – удивился Дрозд.

– Таракашечка!

Она опустила на стул. Петля, сжимавшая горло, внезапно ослабла.

– Света, ты что?

– У него собачка! Я не знала...

Она уткнула лицо в ладони.

– Я смотрела на него, думала, он сволочь последняя... А он, он... Он собачку принес, понимаешь? – она всхлипнула. – Свою собачку. Это он о себе говорил.

Слезы хлынули сами, смывая пережитое горе. Она наконец-то плакала – об искалеченном Тихоне, о себе, о старике с его маленькой Юсей, обо всем, что случилось с ними.

Дрозд сел рядом и обнял, прижал к себе, чувствуя, как плечи ее содрогаются от рыданий.

– Выгуливать! – всхлипывала Света. – Попоночки шить! Говорит – орхидея! А у него... У него... Такой комарик! Маленький, меньше Тихона! Я ведь хотела его ударить... А у него – Юся!

Дрозд сунул ей под нос платок, и рыдания стали глуше. Когда плач перешел в тихие всхлипы, он негромко сказал:

– Ну, все, все. Уже прошло.

Она высморкалась и вытерла глаза:

– Расскажи, что с Тишей.

– Все в порядке. То есть не все в порядке, конечно. Но перелома позвоночника нет, а опасались именно его.

– А почему же он лежал неподвижно?

– Переломы предплечий, ушиб печени и, похоже, почек тоже. Ефим говорит, у кота был шок. Разрывов вроде бы нет, но исключать пока нельзя. Пятый этаж – не самый удачный для падения. Кот перевернуться не успел, упал на бок. Счастье, что собаки и крысы не нашли его раньше нас.

– А где он сейчас? Что с ним?

– Лежит под капельницей. Он останется здесь на ночь, с Ефимом и его помощницей я договорился.

– Он выживет? Леш, он выживет?

– Думаю, что да. Ефим говорит, если кот после падения не умер в первые сутки, то шансы на выздоровление – девяносто процентов из ста.

– Но сутки еще не прошли! – испугалась Света.

– Да. Сутки еще не прошли.

Она скомкала платок в кулаке.

– Лешка, что я могу сделать? Нужно посидеть с ним? Достать какие-нибудь лекарства? Что?

– Ничего не надо. Он сейчас спит, и тебе нужно бы поспать. Поехали домой.

Света никак не могла собраться с мыслями. Она встала, походила по коридору. Вытерла ладонью остатки влаги со щек и вспомнила, что ее озадачило.

– Почему врач так на меня смотрел? Со злостью?

– Это не злость. Ветеринары недолюбливают тех, кто не ставит сетки на окна. Они считают, что по вине безалаберных хозяев страдают животные.

– Но у меня были закрыты все окна!

Дрозд устало прикрыл глаза, откинулся на спинку стула и глуховато сказал:

– Света, прости, это невозможно. Кот не мог открыть створку сам. Ты забыла про окно, и он выпал. Это случается.

Она подошла к нему и тряхнула его за плечи с неожиданной силой. Дрозд чуть не свалился со стула.

– Ты чего?!

– У меня были закрыты все окна, – раздельно сказала Света.

– Этого не может быть.

– Леша, проснись! Ты меня знаешь тысячу лет. У меня все вещи лежат на своих местах, я никогда ничего не забываю и не теряю. Я проверила створки утром, перед тем, как мы поехали в театр. И задернула шторы, чтобы солнце не нагревало квартиру. Я могу поклясться в этом под присягой.

С Дрозда слетел весь сон. Он быстро выпрямился.

– Окна были закрыты, – настойчиво повторила Света, отпустив его. – Кто-то пробрался в квартиру и открыл их.

– Для этого нужно было взломать дверь!

– Я знаю. Но если я не открывала окна, значит, это сделал кто-то другой.

Дрозд внимательно посмотрел на нее.

– Ты думаешь, я пытаюсь снять с себя вину? – догадалась Света. – Нет, Леш, я бы не стала.

Он покачал головой.

– Я тебе верю. У меня просто не укладывается в голове...

– ...что кто-то проник в квартиру? Я не вижу других объяснений.

– Но тогда должны остаться следы взлома двери. Вообще следы

чужого присутствия!

– Да, наверное. Если только он не был в перчатках.

Она представила, что кто-то смотрел на нее сверху, из ее собственного окна, когда она сидела на земле рядом с Тихоном. Может быть, даже целился из своего пистолета. И вскинула голову, пораженная новой мыслью:

– А вдруг... Вдруг он еще там?!

Дрозд выругался. Голубые глаза ожесточенно блеснули.

– Поехали!

– Куда?

– К тебе домой.

– Подожди! Ты слышал, что я сказала? Что, если он еще там?!

– Если?.. – Дрозд вдруг улыбнулся. – Надеюсь, что он еще там.

Эта улыбка очень не понравилась Свете. Она слишком хорошо помнила обстоятельства, при которых ей пришлось однажды увидеть похожую улыбку на его лице. На мгновение вместо взрослого Лешки перед ней возник побелевший от бешенства подросток, со всей силы бьющий кулаком в стену, а в ушах зазвенел ее собственный крик.

Света со всей силы зажмурилась и открыла глаза, отгоняя прошлое.

– Что ты придумал? Ты же не хочешь подняться в квартиру?

– Именно это я собираюсь сделать.

– Нет, так нельзя!

– А в тебя стрелять – можно? Кота твоего выбрасывать из окна – можно?

– У него пистолет!

Дрозд коротко качнул головой, словно не желая даже тратить слов на этот нелепый аргумент.

– Он будет в тебя стрелять!

– Пускай попробует.

– Леша! Пстой!

Но он уже шел по коридору широкими шагами, словно впечатывая с каждым шагом в пол какое-то гадкое насекомое. Света бросила последний взгляд на дверь, за которой лежал под капельницей ее Тихон, и бросилась догонять друга.

Она выбежала из ветлечебницы следом за ним, и оба оказались в желтом круге фонаря. От фонарного столба отделилась тень и шагнула к ним.

Сердце Светы споткнулось и как будто остановилось, а потом зачастило с безумной скоростью: тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! Но Дрозд встал

перед ней быстрее, чем она успела ахнуть.

Несколько страшных мгновений она ждала, что вот-вот раздастся звук выстрела.

Тень откашлялась, обдав их волной перегара, и просипела:

– Слышь, братишка, десятки не найдется?

Дрозд ответил не сразу. Сначала он выдохнул, и только тут Света осознала, что он тоже испугался.

– Твою ж мать, мужик! Что ж ты подкрадываешься, как упырь к девице?

– Ну ты скажешь тоже – упырь! – обиделся проситель. – Во, глянь! Гы-ы-ы!

И он осклабился, щедро открыв взорам два ряда почерневших зубов. На месте клыков зияли дырки.

– Убедил.

Дрозд вытащил из кармана смятую десятку и вручил ему.

– От спасибо! Ну, будь здоров, – пожелал мужик, отступил назад и растаял в тени.

– Точно вурдалак, – прошептала Света, пытаясь разглядеть, куда он пропал. – Леш, пойдем скорее. Здесь неуютно.

Только сев в машину, она перевела дух.

– Давай поговорим спокойно! – призвала она. – Зачем нам самим туда идти? Надо попросить следователя прислать патруль. Или отряд? Нет, кажется, наряд.

Дрозд усмехнулся.

– Ну хорошо, хорошо, – Света подняла руки вверх, – признаю, я понятия не имею, кого они присылают.

– Да никого они не присылают. Не будь наивной.

– Нет, присылают! Этих... Как их... Людей в масках и с трубками.

– Водолазов, что ли?

– Леш, перестань дурачиться.

– А что, смелая идея! – оживился Дрозд. – Только пусть они все обязательно будут в ластах. Прикинь: бандит видит группу водолазов, шлепающих вверх по лестнице. У него происходит разрыв шаблона. Мозг – в клочья. Крыша пополам, шифер в трещинах. И пока он капитально зависает, водолазы берут его и ведут в тюрьму.

– Финальная сцена фильма «Захват Ихтиандра».

Дрозд взглянул на нее и рассмеялся. А секундой позже к нему присоединилась и Света. От их дружного смеха что-то незаметно изменилось вокруг, а, главное, в них самих. Из взгляда Дрозда исчезла так

пугавшая Свету жестокость. «Не имеет значения, над чем мы смеемся – главное, что смеемся», – подумала она, утирая выступившие слезы его платком.

– Ржем с тобой, как два укурка, – сказал Дрозд, успокаиваясь. – Что на тебя нашло?

– А на тебя?

– А что я?

– А кто собирался идти воевать?

– А кто бредил про омон с трубками?

– Но они ведь носят длинные черные трубки! Я видела в репортажах!

– Это называется не трубка, а телескопическая дубинка, тундра ты неогороженная.

– Пускай тундра, – согласилась Света. – Но давай все-так позвоним следователю, хорошо?

Дрозд сделал рукой жест, обозначающий: бог с тобой, звони, все равно это бесполезно. Света тут же закопалась в сумке. Сотовый валялся на самом дне, и ей пришлось перебрать все содержимое. Расческа, паспорт, помада, зеркальце, блокнот, три карандаша...

Стоп! А где ключи?

Она еще раз перерыла всю сумку.

– Что такое? – насторожился Дрозд, почуяв неладное.

– Подожди...

Света похлопала себя по карманам. Заглянула в потайное отделение сумки. Вытряхнула все ее содержимое себе на колени.

Ключей не было.

Она подняла на него потемневшие глаза.

– Лешка...

– Что?

– Ключи от квартиры. Они пропали.

– Потерялись?

Она медленно покачала головой и облизала вмиг пересохшие губы.

Она не теряла ключей. Она вообще никогда ничего не теряет.

Зато теперь стало ясно, как убийца вошел в ее квартиру. Нет, ему не пришлось взламывать дверь. И им не удастся найти следов отмычек на замке.

– Ты хорошо все проверила? – спросил Дрозд, внимательно следивший за ней.

Не ответив, Света во второй раз перебрала грудку мелочей у себя на коленях.

– Сумку осмотри, – посоветовал он. – А лучше дай я осматрю.  
– Держи. Но в ней точно нет ключей.  
– Я и не собираюсь их искать. Хочу только убедиться, что там нет дырок.

Он сосредоточенно ощупал кожу и подкладку, а Света еще раз проверила карманы. Закончив, они переглянулись.

– Дыр нет, выпасть они не могли, – подытожил Дрозд.  
– И потерять я их не могла, – кивнула Света. – Остается только одно: их у меня вытащили. Общественный транспорт отпадает – мы ехали в театр на машине.

Заканчивать очевидную мысль она не стала. Оба понимали без слов: ключи украли, когда они были в «Хронографе». Светина сумка стояла без присмотра, и залезть в нее мог практически любой.

– У тебя есть запасные? – спросил Дрозд.  
– Есть. Только не у меня.  
– А у кого? Поехали к нему.

Света молча смотрела на него, пока он не понял. И, кажется, снова хотел выругаться, но на этот раз сдержался.

Стандартная серая девятиэтажка в сумерках выглядела непривычно уныло. До сих пор Света приезжала сюда лишь днем и старалась покинуть район до темноты.

Она не любила это место. Здесь песочницы существовали для того, чтобы оставлять в них бычки. Продуктовые магазины пахли не хлебом, а протухшей рыбой. А по улицам прогуливались гладкие мускулистые псы, похожие на сухопутных акул. Их хозяева, сталкиваясь, иногда рычали друг на друга, и тогда псы нехотя разводили своих свирепых людей по разные стороны тротуаров.

Здесь не встречались благополучные собачки вроде йорков, не бегали веселые шпицы, похожие на мохнатые шарики с глазками, не лаяли чистенькие болонки. Отчего-то жители района ценили лишь те породы, которые могли всерьез рвать, кусать и хватать.

Они с Дроздом зашли в пропахший кошками подъезд. Лифт был из тех, которые, кажется, созданы, чтобы перевозить людей в ад, а не на верхние этажи.

А впрочем, подумала Света, кто сказал, что ад не может быть на верхних этажах?

На восьмом двери лязгнули и приоткрылись настолько, чтобы еле-еле протиснуться наружу.

– Это что, предостережение? – хмуро спросил Дрозд, выдираясь из челюстей лифта. – Ты каждый раз так выходишь?

– Да. Он давно сломан.

– И до сих пор не починят?

– Здесь ничего не чинят. Считают, что незачем, раз все равно опять сломают.

Дрозд обвел взглядом лестничную площадку и просвистел первый такт «Похоронного марша» Шопена.

– Сюда бы Достоевского. Местечко в духе его книг.

– Сюда бы маляра! – в сердцах сказала Света.

– Можно и маляра. Он бы осмотрелся и повесился. И тогда уже – Достоевского!

Он пнул смятую пивную банку, и та загрохотала вниз по ступенькам.

– Почему ты именно ему оставила ключи?

– Потому что он единственный из всех моих знакомых, кто всегда дома, – тихо сказала Света.

Дрозд поморщился.

– Ладно, давай не будем затягивать веселье. Иди, я тебя подожду.

– Я недолго.

Она дважды нажала на кнопку звонка. Очень долго никто не шел. Наконец за дверью послышались шаги, и Света вновь испытала знакомое чувство – короткий приступ тоски и страха, окативший ее холодной волной.

А потом к звуку шагов прибавилось постукивание палки, и волна откатилась назад.

Дверь приоткрылась.

– Светочка! – обрадованно сказал Вадим Петрович. – Заходи, заходи. Я тебя ждал.

Он все-таки уговорил ее выпить с ним чаю на кухне. Света порывалась уйти, но отчим заглядывал ей в глаза так заискивающе, так подбострастно кинулся искать печенье к чаю, что она не смогла.

Невкусный чай, зачерствевшее «Юбилейное» – наверняка еще из той коробки, которую она привозила месяц назад... Вадим Петрович о чем-то рассказывал, макая рифленый квадратик в грязноватый стакан. Света кивала, вежливо улыбаясь, внутренне содрогаясь от жалости пополам с омерзением.

Перед ней сидел больной, одинокий старик. Ее мать после развода навсегда вычеркнула его из жизни и со временем, кажется, пришла к выводу, что два года их брака ей просто приснились. Ничего не было, кроме

страшного, мутного сна, где фигурировал какой-то бывший военный, который, кажется, пытался бить ее дочь. Гадкий сон, плохой, из тех, что стараешься побыстрее забыть. И это удается.

С родственниками Вадим Петрович перессорился много лет назад. Друзей он и прежде не приобрел, а теперь, когда перестал выходить из дома, это стало совсем невозможным.

Света была единственной, кто навещал его.

«Дядя Вадим», как он когда-то требовал его называть, к старости стал панически бояться врагов. Кому он был нужен, наполовину помешавшийся от одиночества и собственных страхов? Кто мог его ненавидеть? Ирония судьбы заключалась в том, что единственный человек, которому он причинил зло, приезжал к нему раз в месяц, убирался в его квартире, привозил с собой еду и уезжал – до следующего месяца. Никого, кроме Светы, Вадим Петрович не пускал в свой дом.

В голосе старика прорезались жалобные, плачущие ноты, и девушка заставила себя прислушаться к его речи. Отчим жаловался на соседа, который с утра до вечера слушает музыку. Это сводит его с ума! И кто-то скребется по ночам за окном, царапается в стекло. Кто может здесь быть, на восьмом этаже? То-то и оно, Светочка, то-то и оно! Подумай сама, кто. А ты легко одета, не простудишься? Там ведь снова метет. Ему слышно, как завывает по ночам. И дорожки снова не чистят, он видел сугробы своими глазами.

Господи, подумала Света, как же я его боялась. Но не отдавала себе отчета в том, насколько сильный ужас он мне внушал. Наверное, подсознательно я понимала, чего он хочет. Он сам, может, не осознавал этого, и уверял себя, что всего лишь учит жизни глупую непослушную девчонку.

Почему я ничего не говорила матери? Потому что нечего было рассказывать? «Вадим Петрович кричит на меня. Вадим Петрович странно смотрит, и мне не по себе от его неподвижного взгляда». Или меня терзал страх, что она еще глубже уйдет в свой кокон? Заполонит всю комнату фарфоровыми статуэтками, вообразит, что ее дочь – одна из них. Тогда она смогла бы стирать с меня пыль, держать подальше от края полки и ни о чем не переживать.

Какие же больные были эти два года. В самом деле, как абсурдный сон, в котором бежишь – и не можешь сдвинуться с места. Мы все болели – и мама, и я, и он, наверное, тоже болел. Только мама уходила в свой фарфоровый мир, я выросла и мечтала сбежать из дома, а он с каждым разом все больше терял над собой контроль. И неизвестно, чем бы все это

закончилось, если бы не Дрозд.

Если бы не Дрозд...

Света вглядывалась в ноющего старика, подбирающего пальцем рассыпавшееся печенье, и не узнавала в нем мужчину, который дождался ее в тот день из школы и загнал на кухню. Нет, не загнал, она сама зашла. Он к ней и пальцем не прикасался. Но как-то всегда получалось, что она оказывалась там, где ему удобнее было ее учить.

К чему он придрался тогда? Никак не вспомнить. Странно, что память, сохранившая все звуки и образы того дня, потеряла ниточку, с которой все началось. Кажется, у нее была слишком короткая юбка.

«Ты выглядишь как сама знаешь кто!»

Света провалилась в прошлое. Она снова стояла у стены, а отчим кричал ей, что она похожа на сама знаешь кого.

На кого? О чем он говорит?

Жара, пыль... Воздух словно слеплен из горячих комьев. Один вздох – один ком. Муха обессиленно жужжит под потолком. Небо за окном как выгоревшая простыня, болтающаяся на белой веревке, которую протянул за собой самолет.

Сбежать бы в небо! Выскочить прямо в окно и помчаться по этой слабо свитой веревке, подобно акробату балансируя на бегу. Только бы подальше отсюда!

От красномордого человека, стоящего перед ней, неприятно пахнет. Поношенной одеждой, потом и чем-то еще – наверное, злобой. Она отводит глаза... И сразу, наотмашь, получает:

«Смотри на меня!»

Он кричит, кричит, кричит... Что удочерил ее, что она должна быть ему благодарна, что мать ее распустила. Муха жужжит все громче и громче, словно повторяет за ним.

«Ты что – тряпка?! Мямля? Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!»

«Отвечай мне! Тряпка! Что ты молчишь?! Боишься? Говори, боишься?! Знаешь, что виновата, да?»

Света пытается ускользнуть, но крепкая рука прижимает ее за плечо, словно прибывает молотом к стене.

Из-за его воплей, из-за его дурного запаха, из-за голода и духоты, из-за месячных, начавшихся накануне, она окончательно перестает соображать. Она не понимает, что происходит. Голова тяжелеет, перед глазами начинают мелькать темные пятна. Они милосердно заслоняют его лицо, но их становится все больше и больше. Света хочет сказать, что ей нужно лечь,

но губы ее шевелятся беззвучно. Ее горло не рождает даже писка. Она не в силах ничего выговорить – и это наваждение потери голоса будет потом преследовать ее много лет при каждом раздающемся рядом крике.

«Слушай меня! Ты нарочно это надела, чтобы все на тебя пялились!»

Теперь он орет ей прямо в лицо, но отчего-то шепотом. Широко разевает пасть и выплевывает слова по одному, как пули из пистолета. Можно ударить его, оттолкнуть, но он держит ее так крепко, что она понимает – бесполезно.

Что? Юбка? Голые ноги? Непотребство?

Почему он должен ее наказать? За что???

Он тянет к ней руку. Туда, к нижнему краю юбки, где светится кожа, успевшая чуть-чуть даже не загореть, а лишь порозоветь под майским солнцем. Его движение кажется ей замедленным, как в воде, хотя на самом деле он замахнулся быстро. Он не собирался к ней прикоснуться. Он собирался ударить.

Но его ударили первым.

Потом Света так и не смогла вспомнить, почему она забыла закрыть входную дверь, когда вернулась из школы. Наверное, из-за усталости и тянущей боли внизу живота, мучившей ее со вчерашнего дня. В чем бы ни заключалась причина, дверь осталась открыта. И Дрозд, забежавший к ней за своими книгами, вошел в квартиру.

Конечно, они не услышали его шагов. Что можно было услышать в том оре? Спустя много лет Света поняла, что и жужжание мухи ей тогда слышалось. Она всего лишь мысленно дополнила звуком изображение – черную мельтешащую точку под потолком.

Дядя Вадим не упал. Он был здоровый и крупный мужчина, ростом хоть и ниже Лешки, но в два раза шире в плечах и куда тяжелее. Их можно было сравнить с боксером и бегуном. В драке исход сражения был бы предрешен.

Но драки не было.

Был лишь перепуганный, тяжело дышащий мужчина, пытавшийся прийти в себя. И долговязый подросток с крепко сжатыми кулаками, побелевший от ярости. «Ты хотел, чтобы она дала тебе сдачи? – орал Дрозд. – Так на! Получай!»

В какой-то вспышке предвидения Света внезапно поняла, что сейчас произойдет. Кулак Дрозда врежется в это отвратительное лицо с глазами навыкате, точно в переносицу. Раздастся хруст. Отчим рухнет на пол безжизненной грудой – и больше не встанет.

Проклятие немоты, наложенное неизвестно кем, слетело с нее, и Света

дико, во весь голос закричала. Ей показалось, что дом вздрогнул от ее безумного крика. Горло сразу начало саднить, точно по нему провели наждачной бумагой.

Но кулак Дрозда отклонился от цели и задержался ровно настолько, чтобы Вадим Петрович успел дернуться влево. Лешка ударил не по его лицу, а по стене. Брызнула кровь, и Света снова вскрикнула. Но на этот раз из ее горла вылетел только хрип – связки не выдержали напряжения.

Тогда-то Дрозд и улыбнулся. Но не ей, а мужчине, жавшемуся к стене. И вытер о его футболку кровь с разбитых вдребезги костяшек.

На следующий день Вадим Петрович исчез из их дома.

...– Светочка, играет без конца! Невозможно находиться дома, все время эти звуки.

Света вздрогнула, выныривая из воспоминаний, и посмотрела на кудахчущего старика.

– Какие звуки, Вадим Петрович?

– Я ж тебе говорю! Играет у него, у соседа. Вот и сейчас тоже!

Света прислушалась. Издалека действительно доносилась музыка. Через два этажа от них Фредди Меркьюри пел, что они чемпионы.

Эта же музыка играла тогда в машине, когда она ехала к нему в больницу.

Конечно, позвонили именно ей – больше у него никого не было. Она слушала деловитые фразы: перелом шейки бедра, долго пролежал на морозе, обморожение... Ей хотелось бросить трубку или крикнуть, что это не ее дело, что пусть бы он вообще сдох там в снегу, что он ей никто. Но деловитая девушка все говорила, и Света все слушала, а Фредди Меркьюри все пел о победителях.

Сначала она не собиралась к нему. Потом приняла решение: нет, все-таки поедет – и плюнет ему в лицо. Выскажет все, что нужно было сказать много лет назад. И окончательно избавится от страха перед орущими на нее людьми, который до сих пор преследует ее.

Она ехала отомстить – первый раз в жизни.

А потом увидела старика на больничной койке. С глазами навывкате, как у соседского бульдога. С перепуганным изможденным лицом в красных прожилках.

Он боялся ее – и ждал.

Боялся.

Он ее боялся.

Как только Света это поняла, внутри нее остановилась машинка,

генерировавшая ненависть. Ненавидеть можно лишь того, кто сильнее.

Наверное, она все-таки ушла бы. Если б он сказал ей хоть что-нибудь. Но старик только несколько раз открыл и закрыл рот, как рыба, глотающая воздух, а потом потянул на себя одеяло, пытаясь спрятаться от ее взгляда. Это выглядело так жалко, так по-детски, что Света тяжело вздохнула.

Графу Монте-Кристо легко было мстить. Его враги были знатны, богаты и наделены властью. Попробовал бы он воздать им по справедливости, если б увидел их прикованными к постели, нищими, всеми забытыми, больными. Что он делал бы тогда, этот несчастный граф?

Света обернулась к медсестре:

– Когда вы его выписываете?

...– Ты бывай у меня почаще, – бормотал Вадим Петрович на прощанье.

– Я приеду через месяц. Как всегда.

– Почаще, почаще. С тобой поговорил – и музыку эту поганую почти не слышу. А через час они снова начнут! У, суда на них нет!

Он выругался, но брань его звучала без всякого запала.

«Еще одна шутка судьбы, – подумала Света. – Человек, который ненавидел любую музыку, теперь обречен слушать ее с утра до вечера. И нет ему от нее спасения».

– Спасибо за ключи, Вадим Петрович. До свиданья.

– Ты только смотри, кошку не гоняй, – попросил он, отпирая дверь. – Возле мусоропровода.

– Какую кошку?

– Да прибилась к нам какая-то. Я ее увидел, когда мусор выносил. Вот, кормлю пока. Блюдечко ей там поставил. Может, к себе возьму, а то сосед, сволочь, еще прогонит ее, замерзнет.

Света не стала говорить отчиму, что на улице давно уже лето. Он бы все равно ей не поверил. Для него несколько лет назад навсегда установилась вечная зима. Вадим Петрович застрял в самом долгом и тяжелом ее месяце – феврале.

Может быть, тот, кто расписал им судьбы, именно такой смысл и вкладывал в их пересечение? Неужели для этого она заботилась о старике последние годы? Для того, чтобы он приютил одну-единственную бродячую кошку?

Что ж, у того, кто наверху, весьма своеобразное чувство юмора. И еще он явно любит кошек.

– Я не буду гонять, – пообещала Света. – А вы возьмите ее, Вадим

Петрович, в самом деле.

– Думаешь?

– Да. Когда в доме кошка, зима проходит быстрее.

## Глава двенадцатая, в которой поется про Хромоножку

Вопрос со следователем решился очень просто: Константин Мстиславович оказался недоступен. Света упорно пыталась дозвониться все время, что они ехали до ее дома, но безрезультатно.

– Я позвоню в полицию, – в отчаянии сказала она.

– Нет смысла. Они не приедут.

– Что же нам делать?

– То, что я сказал. Ты подождешь внизу, я поднимусь и свистну сверху.

– Даже не думай!

– Свет, его давно уже там нет. Все будет нормально. Главное – спокойно...

– ... без пены! – подхватила Света. – Кстати, я тебя ни разу не спрашивала – а это о чем? О пиве? Или о море? Или о мужчине, который бреется насухо?

Дрозд покосился на нее.

– О супе это. Который без пены варят. А тебе лишь бы пиво на море и бритый мужик впридачу.

Стоя перед подъездом, оба задрали головы. Легкая кисея по-прежнему белела в окне.

– Нет его там, – уверенно сказал Дрозд. – Ушел, гад, сразу после того, как сбросил кота.

– Тогда пойдем вместе.

К ее удивлению, Лешка не стал спорить. Похоже, он и в самом деле не сомневался, что опасность им сегодня уже не встретится.

И оказался прав. Они беспрепятственно поднялись на пятый этаж, вошли в квартиру. Света с порога поняла, что внутри никого нет. Здесь царили беззвучие и то неуловимое ощущение покинутости, что свойственно лишь пустым квартирам.

Они все осмотрели, но не обнаружили никаких следов. Чистый пол, все на месте. Лишь окно распахнуто настежь.

– У тебя тонер в принтере есть? – спросил Дрозд, разглядывая створку.

– Есть, конечно, принтер же в работающем состоянии. А что?

Она потянулась было к раме, но Лешка перехватил ее руку.

– Стой! Не трогай. А кисточка для пудры?

- Есть.
- А скотч?
- Двусторонний?
- Обычный.
- Сейчас посмотрю.
- И перчатки заодно принеси, – крикнул ей вслед Дрозд. – Тонкие, резиновые.

Все нашлось. Света села на табуретку и стала наблюдать, как он в домашних условиях снимает отпечатки пальцев.

Для дела пришлось пожертвовать ее любимой беличьей кисточкой.

– Я тебе две таких куплю, – пообещал Дрозд, осторожно распыляя кистью тонер по поверхности рамы.

– Ты лучше мне окно потом помой.

– Это само собой.

Он прошелся кистью по ручке, и там, где проявились линии отпечатка, приложил скотч.

– Это его, его следы? – заволновалась Света.

– Скорее всего, твои. Но проверить надо. Так, сиди здесь, ничего не трогай. Я пойду еще по прихожей порыскаю. Дверь он почти наверняка отпирал в перчатках, но в квартире мог забыться и снять их.

Света не стала включать лампу. Она сидела в темноте, обхватив колени, и слушала, как за стеной ходит Дрозд. Никто ничего не ронял, не шелестел бумагой, не шуршал занавесками. В памяти всплыли строчки:

Что такое красота?

Это дом, где два кота.

Что такое теснота?

Это дом, где три кота.

Что такое чистота?

Это дом, где нет кота.

Что такое пустота?

Дом, где был – и нет кота<sup>[1]</sup>.

– Свет! – позвал Дрозд. – Ты за зеркало хваталась? Весь край в отпечатках.

– Не помню.

В ней крепло убеждение, что они ищут не там. Отпечатки? Нет, он не настолько глуп. Этот человек вытащил ключи из ее сумки, приехал сюда, спокойно отпер дверь, зашел в квартиру. И стал ждать.

Ему дважды не удалось убить ее, и на третий раз он решил действовать наверняка. Отличная мысль – подстеречь жертву в ее собственном доме. Каждый раз, запирая за собой входную дверь изнутри, Света расслаблялась: теперь она в безопасности. Как черепаха в панцире.

Разве может прийти черепахе в голову, что в ее панцире прячется враг?

Он рассчитал, что она обнаружит пропажу возле двери, будет долго рыться в сумке и ругать себя. Где она держит запасные ключи? У подруги, у родственницы? Ей придется отправиться за ними, а, значит, у него есть пара часов, чтобы обдумать все еще раз. Пара часов – это немного.

И вот она возвращается, открывает дверь запасными ключами.

Она бы зашла, устало сбросила сумку с плеча. Конечно, устало, ведь ей пришлось столько ездить... Может быть, прислонилась бы к двери и постояла, закрыв глаза, пока Тихон под ногами исполняет концерт для голодного кота с оркестром. И тогда убийца бесшумно вышел бы из комнаты, прицелился – и выстрелил. С трех шагов он бы не промахнулся.

Наверное, он взял бы подушку с ее кровати и прижал к дулу пистолета, чтобы выстрел звучал глуше. Зачем ему лишняя тревога?

Итак, он все предусмотрел. Что могло бы помешать ему? Если бы Дрозд поднялся с ней, убийца застрелил бы и его тоже.

Как сказал Лешка? «Если единственный инструмент, который у вас есть, это молоток, то вы склонны рассматривать любую проблему как гвоздь». Убийце пришлось бы забить два гвоздя вместо одного – только и всего.

Но все пошло не так, как он надеялся. Света не поехала домой из театра. План преступника нарушил непредвиденный фактор в лице красавицы Лаврентьевой. Если бы не кокетливая актриса, Света не стала бы ревновать Дрозда, не поднялась бы к нему в квартиру, не устроила бы скандал, и все не закончилось бы тем, чем закончилось.

Значит, пока она была с Лешкой, убийца ждал здесь. Разве она не сказала в театре, что поедет домой сразу после съемки? Сказала, и так громко, что ее было слышно даже за кулисами.

И убийца, конечно, тоже услышал ее. Наверняка план созрел у него сразу, как только он увидел брошенную без присмотра сумку.

И вот он в ее квартире. Сначала ему кажется, что она вот-вот приедет. Он выбирает место, откуда выстрелит – должно быть, из-за двери большой

комнаты. Но время идет, Света все не появляется, и человек с пистолетом начинает нервничать. Почему она не возвращается? Пробки? Или ее планы внезапно изменились? Он не может ждать до вечера: у него дела, обязательства, встречи!

Он успокаивает себя тем, что она обнаружила пропажу еще в театре, или по дороге, или у подъезда, и сразу поехала к подруге за вторым комплектом ключей. Значит, вот-вот должна вернуться. Где же, где же она?!

Он ходит по ее квартире, подкрадывается к окну, глядит во двор. Ее все нет. Время, время! Время уходит! Прошло не два часа, а гораздо больше. Он уже безнадежно опоздал куда-то, а то, ради чего он приехал, так и не выполнено. Его прекрасный план, такой дерзкий, такой безупречный, провалился ко всем чертям!

И тогда в нем разгорается бешенство. От злости он теряет голову. Надо бы тихо уйти, надеясь на то, что она не станет менять замки, а после вернуться. Завтра, послезавтра, ночью или ранним утром, когда все еще спят, и у него есть шанс расправиться с ней.

Но он не слышит голоса разума – его затмевает ярость. Уже трижды она ускользала от смерти! Нельзя не возненавидеть человека, который с таким упорством не дает себя убить. Упрямая дрянь! Зачем она затягивает их игру, если ее исход все равно очевиден?

Он бесится, он ищет, на чем сорвать бешенство. Разгромить квартиру? За часы, проведенные здесь, он успел изучить каждый угол и проникнуться отвращением к ее жилищу. Но это опасно, могут остаться следы. К тому же, тогда его начнут искать всерьез, а она испугается и может сбежать. Нет-нет, никаких разгромов! К чему усложнять себе задачу?

Но и уйти просто так он не в силах. Взгляд его падает на котенка. Глупое животное нисколько не боится. Оно безбоязненно ластился к его руке и обнюхивает пистолет, ни на секунду не переставая тарыхтеть. Застрелить бы эту тварь! Одна пуля – и его череп разнесет вдребезги, а к фотографиям на стене добавится новый рисунок. Да, это вам не погром, это почти перфоманс! Он представляет себе лицо хозяйки, видящей обезглавленного любимца и брызги на стене, и начинает смеяться.

Да, идея хороша. Но это равносильно тому, чтобы поставить подпись на самом видном месте, а он должен сохранить свой визит в секрете. К тому же с нее станется удрать в панике, бросив и квартиру, и работу, а у него нет ни времени, ни возможностей, чтобы разыскивать жертву по всей стране.

Чертова баба! И ее котенок все ходит рядом, горделиво задирая хвост, словно дразнясь. Трется об ноги, не оставляет его в покое ни на секунду.

Он доверчив до идиотизма и туп, как пробка! В его башку размером с яблоко даже не приходит мысль, что чужого человека нужно бояться.

Человек с пистолетом вдруг понимает, что нужно сделать. Это же так просто! Отложив пистолет, он подхватывает глупую полосатую тварь на руки, ухмыляясь, подходит к окну. Кошки часто падают с подоконников. Особенно летом, когда хозяева держат окна открытыми.

Котенок заливается как соловей, довольный, что его приласкали. Она, наверное, привязана к этому безмозглому зверю. Он никогда не понимал, зачем люди заводят кошек, когда есть собаки. Кошки и собаки – как белое и черное, верность и предательство, ум и хитрость глупца – во всем противоречат друг другу.

Если бы это был щенок, он не смог бы справиться с ним. Он любит собак, понимает их, как никто другой. У него должны жить две собаки, а еще лучше – три. Но болезнь, поразившая его несколько лет назад, поставила крест на этих планах.

К счастью, это не щенок. А кошки не вызывают у него ничего, кроме отвращения. Быть может, крошечный умильный малыш еще заставил бы его поддаться приступу сентиментальной жалости, но этот – уже давно не крошка. Он длинный и нескладный, с зелеными, как майские листья, глазами.

Она будет корить себя за то, что забыла закрыть окно. Ей никогда в жизни не догадаться, что это его рук дело.

Наглая мелкая тварь лезет по нему вверх, пытаясь добраться до воротника. Одной рукой человек распахивает окно, другой берет кота за шкуру. Даже тогда глупое животное не перестает мурлыкать и жмурить глазищи. Нет, это существо просто само напрашивается, чтобы его убили.

Он выбрасывает зверька наружу и быстро отступает вглубь комнаты, чтобы не успели заметить из двора.

Вот теперь можно и уйти. Слабая месть за неудачу, но все-таки месть. Жаль только, он не увидит ее лица, когда она подойдет к открытому окну и перегнется через подоконник.

Щелчок выключателя – и вспыхнула лампа. Света вскрикнула от неожиданности.

– Ты что? – Дрозд сразу приглушил яркость. – Здесь никого нет, кроме нас!

– Да... да, – слабо отозвалась она. – Я знаю.

С какой пугающей реалистичностью ей представилось то, что происходило в ее квартире несколько часов назад! Она провела рукой по

лбу, стирая холодный пот. Затем встала, подошла к окну и с силой захлопнула створку.

– Света! Отпечатки смажешь!

– Нет там никаких отпечатков. Только мои.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

Она снова села на табуретку, обхватила себя за плечи и уставилась в одну точку.

– Боишься? – тихо спросил Дрозд.

Она боится? Еще часа назад Света нервно рассмеялась бы, услышав этот вопрос. Конечно, она боится! Ледяная игла в позвоночнике, замерзшие кончики пальцев – безошибочные признаки ужаса, быстро распространяющегося по всему телу. Она любит солнце и тепло. Наверное, поэтому от страха ей всегда холодно.

Только почему она уже давно не чувствует этой иглы?

Света внезапно поняла, что с той секунды, как она увидела застывшего Тихона на траве под окнами, ей ни разу не было страшно за себя. Сначала она боялась, что умрет кот, и этот страх вытеснил прочие чувства. Потом, возле клиники, когда из темноты выскочил побирушка, она снова испугалась, но на этот раз за Дрозда. Он вечно прикрывает ее, и если кому и достанется пуля, так это ему. Беззубый попрошайка, похожий на вурдалака, испугал ее до дрожи...

Но иглы больше не было.

В какой момент острый лед растаял окончательно? Ответ пришел сам. Пока она сидела здесь и представляла, как человек с пистолетом убил ее кота.

Он не знал, что его попытка не удалась, и Тихон остался жив.

– Я его ненавижу, – ровным голосом сказала Света. – Ты даже не представляешь, как я его ненавижу.

Дрозд озадаченно молчал.

– Я хочу его найти.

Раньше она мечтала, чтобы его поймали, но лишь чтоб перестать бояться. Теперь она страстно желала, чтобы его поймали – и посадили пожизненно. Фокус внимания сдвинулся: в центре оказалась не сама Света, а другой человек.

Она и не догадывалась, что может так сильно ненавидеть кого-то. Это чувство не имело ничего общего с тем гадливым страхом, который когда-то вызывал в ней Вадим Петрович.

Но Вадим Петрович никогда не пытался убить ее кота.

Разве не смешно, что из-за какого-то зверя, живущего у нее всего несколько месяцев, Света готова объявить войну?

Нет, пожалуй, не смешно. Быть может, она посмеется потом, когда все благополучно закончится. Но пока ей хочется лишь одного...

Света очень серьезно посмотрела на друга и повторила:

– Я хочу его найти.

– С отпечатками я закончил. – Дрозд бережно выложил на стол кусочки скотча. – Осталось снять твои, и можно сравнивать. Только давай у меня, ага?

Света кивнула. Ей и самой было неприятно оставаться в осиротевшей квартире.

Вернувшись к Дрозду, они сняли отпечатки Светиных пальцев и сравнили их с теми, что нашли на окнах и зеркале. Как она и ожидала, все они принадлежали ей, кроме двух. Дрозд готов был торжествовать победу, но Света очень быстро вернула его к реальности, сняв его собственные отпечатки. Выяснилось, что за зеркало хватался именно Дрозд.

Света и не сомневалась в этом. Возможно, убийца плохо стрелял, но дураком он не был. Судя по тому, как быстро он принял решение о краже ключей и просчитал дальнейшие шаги, он хорошо соображал.

Нет, они заходили не с той стороны, и Света сказала об этом Дрозду.

– У нас всего трое подозреваемых! Неужели мы не сможем вычислить, кто забрался ко мне в квартиру?

Они сидели на тахте вокруг большого листа ватмана, на котором Дрозд изобразил схему театрального зала. Вокруг валялись карандаши.

Света начала загибать пальцы:

– Виктор Стрельников – раз, его сестра – два, Петр Иванович – три. Виктор точно ходил по залу, осматривал ряды.

– Стрельникова тоже.

– Что ей понадобилось в зале?

– Она выглядела так, как будто что-то искала. А вот Серафимовича я помню только стоящим на сцене.

Под руку Свете поднырнуло что-то теплое, пушистое, и она машинально погладила Никодима. А ведь верно, Петр Иванович не спускался в зрительный зал. Значит, и не мог вытащить ключи из ее сумки.

– Пожалуй, его можем исключить... – вслух подумала Света. – Честно говоря, я была бы только рада.

– Я бы тоже. – Дрозд сгреб в охапку второго кота и притянул к себе. – Но старикан на платформе опознал его. Забыла?

Света сердито щелкнула пальцами: точно, как она могла забыть!

– Не говоря о том, что сговор тоже не исключен, – добавил Дрозд. – Один крадет, второй в это время красуется на сцене.

Света задумчиво придвинула к себе план зала и взяла карандаш.

– Ты не помнишь, в каком ряду я сидела?

– В девятом.

– А ты?

– В пятнадцатом.

Она поставила на листе две точки. На первом ряду в середине нарисовала кружочек – это будет помощник режиссера, а возле него два кружочка поменьше: скуластый юноша и девушка с золотыми волосами.

– Это что? – Дрозд ткнул пальцем в получившегося снеговика.

– Эти двое тоже заняты в пьесе, но их выхода на сцену мы не дождались. Еще была Роза... Роза...

– Роза Карловна, – пришел на помощь Дрозд. – Я ее видел, она пару минут маячила в проходе. Щуплая старушонка, мышь мышью. Играет экономку. Светловолосая девчонка по сюжету дочь семейной пары, которую играют Стрельникова и Серафимович.

– А парень?

– Парень – ее жених, компаньон убитого.

Света пыталась сосредоточиться на том, что происходило в зале. Кто и в какой момент вытащил ключи? Пусть она была целиком поглощена съемкой, но Дрозд не мог не видеть, что кто-то подходит к ее вещам и роется в них.

– Ключи валяются на дне сумки, их не так-то просто достать.

– Я уже думал об этом. Но в зале почти все время было темно. Кроме пары секунд, когда осветитель со страху включил все лампы.

Это было после того, как потух свет. Вот еще одна загадка, которую они упустили из виду: погасший свет – и сигарета в зубах «убитого» Генри. Кто так жестоко пошутил над несчастной Стрельниковой? Не Серафимович же!

Света поняла, какая странность не дает ей покоя.

– Леш, ты не задумывался, кто сунул трупу сигарету? И зачем?

Он пожал плечами:

– Стрельников прав, это кто-то из подрастающего поколения. А зачем... Да просто так! Усы на портретах зачем дети пририсовывают?

Света отпустила кота и встала, прошла по комнате. Так-то оно так... Но не совсем.

Она обернулась к другу.

– Подрастающее поколение было представлено Лерой и двумя молодыми актерами. Правильно?

– Правильно.

– Лера сидела в глубине зале, она физически не успела бы добежать до сцены за то время, что не было света. Правильно?

– М-м-м... Да, пожалуй. И?

– А мальчик с девочкой настолько всех боялись, что при первых признаках скандала смылись из зала, только пятки сверкали. Я в жизни не поверю, что они рискнули бы так пошутить. Стрельников – это вам не добрый школьный учитель. Он бы их с потрохами съел за маленькую шалость. Лера могла рискнуть, подобная шутка – это в ее духе, и к тому же она терпеть не может Стрельникову. Но как раз у Леры такой возможности не было.

– К чему клонишь? – нахмурился Дрозд. – К тому, что сигарету могли вставить манекену либо сам Стрельников, либо Петр Иванович?

– А почему ты не думаешь об Анне? Если ей нужен был повод, чтобы сорвать репетицию, то лучше не найдешь.

Дрозд удивленно хмыкнул – мысль о том, что Стрельникова сама спровоцировала скандал, не приходила ему в голову.

– Ты забыла про помрежа! Они с актрисой друг друга не переносят.

– Я не забыла, я его сразу исключила. Он толстый и неспортивный, ему не так-то просто запрыгнуть на сцену в темноте. Если бы он попробовал, мы бы слышали шум. Но все было проделано тихо. Кстати, это еще одна причина подозревать одного из тех, кто уже стоял рядом с кроватью. Стрельниковой нужно было сделать всего два шага, чтобы всунуть сигарету Генри.

– А Серафимович?

– Подожди, до него сейчас дойдем. Кроме сигареты есть еще кое-что. Помнишь, как Стрельникова уходила из театра? Сначала Петр Иванович вернул ей шляпу. Затем очки. А после этого заставил ее возвратиться в третий раз.

– За перчатками?

– Да. И он не сразу отдал их ей, а Стрельникова казалась растерянной.

Дрозд одним движением карандаша изобразил на листе растопыренную пятерню.

– Я бы тоже растерялся, если бы мне пытались навязать перчатки в тридцатиградусную жару.

– Вот именно! – воскликнула Света. – Шляпа, темные очки – это понятно и не вызывает вопросов! Но перчатки?

Кот Бронислав, валявшийся на тахте, вдруг заинтересовался рисунком. Он встал, подтащился к Дрозду и плюхнулся сверху на нарисованную ладонь. Это было похоже на приземление пушистого черно-белого дирижабля.

Глядя на него, Дрозд предположил:

– Может, у нее лишай?

– Нет у нее никакого лишая, – серьезно ответила Света. – Она прячет кожу от солнца, чтобы не стареть раньше времени, но даже для нее перчатки в жару – это перебор. Пусть и кружевные.

– У тебя есть объяснение? – прищурился Дрозд.

Кот перевалился с боку на бок и тоже уставился на Свету, словно повторяя за хозяином: да, есть у тебя объяснение?

Она взволнованно посмотрела на обоих, даже не улыбнувшись.

– Есть. Я думаю, Олега убила Стрельникова. Когда-то она любила его. Об этом рассказывал Якобсон, но даже если бы мы сомневались в его словах, их подтвердила сцена на репетиции. Похоже, Рыбаков бросил ее, отсек от себя, как и всю предыдущую жизнь, и она не могла смириться с этим. Не хочу гадать, что послужило причиной их ссоры. Это могло быть что угодно. Мы с тобой наблюдали, как быстро Стрельникова способна выйти из себя. Это, возможно, и случилось, когда она приехала к Рыбакову. Олег держал дома пистолет, чтобы защищаться от грабителей, и оружие подвернулось ей под руку. Анна застрелила его, а потом ударила ножом.

– Зачем ножом? – нахмурился Дрозд. – Если бы это сделал Виктор, в его действиях был бы смысл. А ей реклама любой ценой не нужна.

– Этого я пока не могу объяснить. Возможно, она рассуждала так же: сходство с «книжным» убийством наведет полицию на мысль о том, что Рыбакову мстит какой-то сумасшедший.

– Ну, допустим. А как ты объясняешь присутствие на станции Серафимовича?

Света осмотрелась вокруг и, не найдя табуретки, села прямо на пол.

– Да очень просто! Он любит Стрельникову, он заботится о ней – мы с тобой слышали это собственными ушами на репетиции от него самого. Возможно, он начинает замечать что-то странное. Ему не нравится состояние Анны, оно тревожит его. Она выглядит странно, слишком часто вспоминает Олега, и в конце концов проговаривается, что ездит к нему. Или только собирается поехать, это не важно. Встревоженный Петр Иванович интуитивно чувствует неладное. Он не может поехать с Анной, но он может проследить за ней.

– То есть, по-твоему, он был на станции, потому что потерял ее?

Сбился с правильной дороги?

– Да. Он приезжает в Малиновку, но опаздывает. Стрельниковой там уже нет. Он заходит в дом, видит мертвого Олега и понимает, что произошло. Но, кроме трупа, он видит еще перчатки.

Дрозд даже приподнялся:

– Перчатки? Какие еще перчатки?

– Те самые, кружевные. Он знает, что они принадлежат ей. С его точки зрения, это улика. Ведь Анна будет все отрицать, будет клясться, что никогда не бывала у Рыбакова. И вдруг ей выложат неоспоримое подтверждение ее визита. Она растеряется и признается во всем – так он думает.

– Но послушай, ведь на самом деле перчатки могли оказаться в доме Рыбакова еще сто лет назад и пролежать там все это время.

– Нет, вряд ли. Скорее всего, Анна бросила их в прихожей, сразу же, как вошла. Какие сто лет? Зачем бы мужик потащил с собой в глушь вещи брошенной им женщины? Любому понятно, что их оставили недавно.

– Но перчатки никак не связывают Стрельникову с убийством, – настаивал Дрозд. – Анна может все отрицать. Да, она там была. Ну и что? Поссорилась с Рыбаковым и убежала, не тронув его пальцем.

– Верно, – неожиданно согласилась Света. – Но это понимаем мы с тобой. А с точки зрения Петра Ивановича, то есть с точки зрения человека, отчаянно покрывающего убийцу, перчатки привязывают ее к преступлению. В конце концов, Серафимович просто не мог уйти оттуда, не забрав их с собой! Именно это он и сделал.

Дрозд спихнул кота с листа бумаги.

– Перчатки, перчатки... – забормотал он, быстро водя по бумаге карандашом. – Черт, Светка, ты права! Тогда понятно, что за диалог мы слышали в театре.

Она вытянула шею, пытаясь рассмотреть, что он рисует. Но мешало пуховое облако в лице кота Бронислава.

– Да! Я начала разматывать этот клубок именно с их диалога. Ведь все это выглядело так странно! Сначала шляпа, затем очки, и лишь потом – перчатки, в которые Петр Иванович вцепился, как пес в палку. Отчасти так оно и есть: он – верный пес, вернувший Анне ее вещь.

– Почему бы не сказать все открытым текстом? – спросил Дрозд, не отрываясь от рисунка.

– «Аня, я знаю, что ты убила Олега, и спасаю тебя от тюрьмы»? Петр Иванович не мог так поступить, не такой он человек. Он оставил ей путь к отступлению: вернул перчатки, намекая на то, что оставлять их там, где

бросила она, не следовало. Но ничего не сказал прямо.

– Не хотел ставить ее в положение обязанной?

– Ну разумеется!

– Почему тогда просто не подкинуть их?

– Чтобы Стрельникова мучилась догадками, откуда они взялись? Боялась шантажа? Нет, он четко дал ей понять: я знаю, что случилось, и буду хранить молчание, но ты не обязана быть мне благодарной.

Дрозд кивнул, признавая ее правоту.

– А Стрельникова, значит, сыграла дурочку...

– Не исключено, что она просто не поняла, в чем дело. Может, начисто забыла о перчатках и о том, где оставила их! Но со временем, конечно, вспомнит и догадается, что имел в виду ее верный поклонник.

Дрозд отложил карандаш.

Света, не выдержав борьбы с любопытством, поднялась и посмотрела, что он изобразил. Рисовал Дрозд ужасно, с нарушением всех мыслимых пропорций и перспектив. Но удивительным образом в каждом его портрете, больше напоминавшем известное «точка-точка-огуречик», безошибочно узнавался прототип.

Вот и сейчас она увидела странную фигуру с многочисленными выпуклостями. Из фигуры торчали два уса. Один ус тянулся к перчатке, которую Дрозд изобразил раньше, над другим висело что-то, отдаленно напоминавшее пистолет.

И хотя в фигуре с палочками любой непредвзятый зритель узнал бы креветку, попавшую под асфальтовый каток, Света понимала, что перед ней Стрельникова.

– Сохраню-ка я этот шедевр, – решил Дрозд, любуясь портретом. – На стенку повешу. Смотри, как лицо похоже вышло.

Света молча подвинула лист к себе и дернула, отрывая ту часть, где был рисунок. Без улыбки глядя на Дрозда, она тщательно смяла бумагу, а получившийся комок швырнула в угол.

Кот Бронислав молниеносно слетел с тахты и погнал ком перед собой, поддавая ему то левой, то правой лапой.

– Может, тебе куклу вуду сделать? – спросил Дрозд, провожая взглядом свой шедевр.

– Пиццу мне сделай, – спокойно сказала Света. – Есть хочется.

Пицца оказалась отличная. Вонзив зубы в подрумяненную корочку, Света осознала, что не ела бог знает сколько времени, если не считать засохшего печенья у Вадима Петровича.

Дрозд достал кофе и выставил на плиту кастрюльку.

– Сваришь?

– На ночь глядя? – засомневалась Света.

Он махнул рукой:

– Плевать, все равно не засну. Какой-то бесконечный сегодня день.

Кажется, что целый месяц прожил.

Пока Света варила кофе, он тихонько насвистывал. Глаза закрыты, вид совершенно отрешенный – кажется, вот-вот уснет.

– Какой тебе кофе, – тихо сказала Света. – Иди спать.

Лешка открыл глаза. Ни тени сна в них не было. Ясный, пристальный взгляд.

– Я думаю, – объяснил он. – Под свист удобнее размышлять.

– О чем?

– О Стрельниковой. Мы так и не выяснили, чем ты ей помешала.

Света поставила перед ним чашку и села напротив.

– Может, она просто очень глупая тетка? – задумчиво предположил

Дрозд.

– И что из этого следует?

– Логику глупых людей сложнее всего понять. Она может быть как очень заковыристой, так и очень простой. Мы тут с тобой ломаем головы, а все дело, например, в том, что ты заметила у Олега ее портрет на стене.

– Я не замечала.

– Это пример, – подчеркнул Дрозд. – Допустим, ты даже не обратила на это внимания – портрет и портрет. А Стрельникова прошла сложным извилистым путем умозаключений и решила, что теперь от тебя нужно избавиться как от опасного свидетеля. Хорошая, кстати, идея – убийство по глупости. Представь, как мучился бы Шерлок Холмс, имей он дело с обычным идиотом.

Света потянула к себе его чашку кофе и сделала большой глоток.

– Знаешь, Стрельникова вовсе не показалась мне глупой. Конечно, она слушала только себя. Но при этом сделала несколько очень верных замечаний.

– Например? – заинтересовался Дрозд, наблюдая, как она отпивает второй глоток. – Нет, подожди с примерами! Кофе мой отдай.

– Вкусный!

– Знаю. Именно поэтому и отдай.

Света неохотно выпустила из рук горячую чашку.

– Стрельникова сказала, что если бы она фотографировала меня, то непременно в полыни.

Дрозд едва не поперхнулся.

– Чума, а не идея. У меня в детстве была дворняга, и мы ей на лето делали в конуру подстилку из полыни. Знаешь, почему? Ее горький запах отгоняет блох.

Света вскинула брови. Предложение Стрельниковой внезапно заиграло новыми красками.

Но, подумав, она решила, что никакого второго смысла Анна Васильевна в свои слова не вкладывала.

– Блохи ни при чем. Ей показалось, что полынь мне подойдет, и она была права.

– С чего ты взяла?

– С того, что единственная моя удачная фотография как раз та, где я сижу на фоне полыни. Между прочим, ты меня и снимал.

– А, помню! На каких-то задворках. Где же мы их нашли?

– Возле заброшенной стройки. Я тогда увлекалась всякими руинами.

– Да-да, и таскала меня с собой. Кстати, отличная фотография.

– По сравнению с остальными просто прекрасная! На ней хотя бы видно, что у меня есть глаза.

Света знала, что человека нефотогеничной ее надо еще поискать. Камера ее не то чтобы не любила, а как-то не принимала во внимание. На любом снимке Света сливалась с интерьером или с пейзажем – неприметная моль, случайно залетевшая в кадр.

Единственным исключением была та самая фотография «в руинах». Света стояла у разрушенной каменной стены, по колено в голубовато-сизых волнах полыни. И сразу было видно, что у нее серые глаза с желтыми крапинками, золотистые волосы, небрежно обрамляющие лицо. Что она высокая, узкоплечая и длинноногая. Что она не из тех, кого называют красавицами, но из тех, на кого всегда смотрят второй раз, бросив случайный взгляд.

Света считала, что фотография ей безбожно льстит. Дрозд считал, что только на этом снимке она похожа на себя настоящую.

Как бы там ни было, Стрельникова оказалась права. Полынь Свете действительно шла, и обижаться было незачем.

– Мне стоило догадаться еще тогда, когда она сказала, что терпеть не может кошек, – вздохнула Света.

– Догадалась бы – и что? Мы с тобой с самого начала подозревали, что это она убила Олега.

– А теперь – что?

– Подозрение перешло в уверенность.

– Чем это нам поможет? Не забудь, у нее ключи от моей квартиры. Я даже боюсь предполагать, каков будет ее следующий шаг! От полиции никакой помощи. Следователь не желает признавать, что между первым и вторым покушением есть связь. Дело так до сих пор и не переквалифицировали с хулиганства на попытку убийства.

– Ты об этом не говорила.

– Слишком расстроилась.

– А чего он ждет?

– Нет мотива, объединяющего оба преступления. Если даже мы с тобой не можем его найти, что уж говорить о бедном Константине Мстиславовиче!

– Но пистолет-то один!

– Ну и что? Он высказал гениальную идею, что убийца выбросил «Макаров», его подобрали какие-то хулиганы, а уже они и стреляли в меня у подъезда.

Дрозд, кажется, разозлился.

– А ты не высказала гениальную идею, что вероятность такого совпадения примерно полпроцента из десяти тысяч?

– А как же!

– И что он?

– Ответил с умным видом, что каких только совпадений не бывает в природе.

Дрозд резко просвистел начало песни «Наша служба и опасна и трудна».

– Нам нечем подтвердить свою версию, – сказала Света. – Проникновение в мою квартиру мы не докажем, о попытке убить Тихона и говорить нечего. Следователь дал понять, что ему нужна ясность и определенность. А пока только мы считаем это покушением.

– Желая уточнить: под ясностью и определенностью мы понимаем твой ясный и определенный труп?

– Уточняю: да, причем со следами насильственной смерти.

Дрозд помолчал, с силой барабанил пальцами по столу.

– Я не боюсь ее больше, Леш, – тихо сказала Света. – Я не побегу и не стану прятаться. Она меня не убьет. У нее даже Тихона не вышло убить, а обо мне и говорить нечего – я тебе не доверчивый котенок. Но я пока не представляю, как...

– ...как мы возьмем ее за задницу?

– Я предпочла бы за горло. Причем как можно крепче.

Дрозд заглянул на дно чашки, где осадок закручивался в причудливый

рисунок.

– Умеешь гадать на кофейной гуще? – вдруг спросил он.

Света под села поближе и, обняв ее, Лешка осторожно наклонил к ней чашку.

– Летучая мышь, у которой крыло обмотано бинтом? – предположила Света, разглядывая черные кофейинки. – Самолет с ногами? Цыпленок табака в противогазе?

Дрозд взболтал осадок и выплеснул в раковину.

– Стой! – Света дернулась, но поздно. – А как же гадание?

– Твои версии меня пугают. Я тебе сам скажу, что там было. Ловушка для крупных животных, ясно? То есть – читай по губам – капкан.

Засыпая, Света видела, как Дрозд тихонько подстраивает гитару, прислонившись спиной к стене. Чья-то тень скользила рядом с ним – то ли кота Бронислава, то ли кота Никодима. По потолку пробежал свет от фар изредка проезжавших машин, и от этого было хорошо, как в детстве.

«Только бы с Тихоном все было в порядке, – подумала Света, ощущая, что глаза слипаются. – Завтра... С самого утра... К нему...»

Она задремала. Но когда Дрозд негромко запел, слышала каждое слово.

– Один мой друг подбирает бездомных кошек,  
Несет их домой, отмывает, ласкает, кормит.  
Они у него в квартире пускают корни:  
Любой подходящий ящичек, коврик, ковшик,  
Конечно, уже оккупирован. Не осталось  
Такого угла, где не жили б эти черти.  
Мой друг говорит, они спасают от смерти.  
Я молча включаю скепсис, киваю, скалюсь.  
Он тратит все деньги на корм и лекарства кошкам,  
И я удивляюсь, как он еще сам не съеден.  
Он дарит котят прохожим, друзьям, соседям.  
Мне тоже всучил какого-то хромоножку  
С ободранным ухом и золотыми глазами,  
Тогда еще умещавшегося на ладони...

Я, кстати, заботливый сын и почетный донор,  
Я честно тружусь, не пью, возвращаю займы.  
Но все эти ценные качества бесполезны,  
Они не идут в зачет, ничего не стоят,

Когда по ночам за окнами кто-то стонет,  
И в пении проводов слышен посвист лезвий,  
Когда потолок опускается, тьмы бездонней,  
И смерть затекает в стоки, сочится в щели,  
Когда она садится на край постели  
И гладит меня по щеке ледяной ладонью,  
Все тело сводит, к нёбу язык припаян,  
Смотрю ей в глаза, не могу отвести взгляда.

Мой кот Хромоножка подходит, ложится рядом.  
Она отступает<sup>[2]</sup>.

\* \* \*

Дрозд сказал, что лучше всего удаются простые затеи. Чем сложнее замысел, тем больше вероятность, что он сорвется из-за какой-нибудь ерунды. Поэтому они не рисковали. Диктофон в Светином кармане, приемник в машине – и можно звонить Стрельниковой.

– Ты должна лишь напомнить ей о перчатках.

И ничего больше! – несколько раз повторил Дрозд.

– Знаю, знаю! Крошки нужно раскладывать по одной.

– Вот именно. Сегодня – только один разговор и один факт. Перчатки.

– Будет забавно, если она про них забыла, – пробормотала Света. –

Тогда это выстрел вхолостую.

– Твое дело – выстрелить, а там будет видно, попали мы или нет.

Они переглянулись, и каждому стало ясно, что другой волнуется. Оба одновременно протянули друг к другу руки и после паузы рассмеялись.

– Мы ее поймем, да, Леш?

Он сжал ее пальцы.

– Даже не сомневайся. Все, звони, назначай встречу.

И тут сотовый телефон разразился Моцартом. Света любила Моцарта, но сейчас его музыка прозвучала для нее как набат.

– Это она! Леш, это она!

На зеленоватом экране высветилось имя абонента: «Анна Вас-на Стрельникова».

Свету охватил страх. Эта женщина читает их мысли? Собирается ударить первой? Откуда ей может быть известно, что они задумали?

Но она взглянула на Дрозда, и страх растаял. Лешка выглядел спокойным и уверенным. Только глаза покраснели от бессонницы. Он уходил ночью и вернулся лишь под утро, часам к шести, а проснувшейся Свете предъявил диктофон, который позаимствовал у кого-то из своих бесчисленных приятелей.

Диктофон был не простой, а замысловатый: он записывал и одновременно транслировал звук на беспроводной приемник. Дрозд в машине будет слышать все, о чем они станут говорить в тридцати шагах от него.

Света подумала, что у нее нет таких знакомых, которым можно позвонить в три часа ночи и попросить хитрый диктофон. А у Лешки есть. Но зато и ей никто не позвонит ночью и не попросит приютить три десятка белых лабораторных мышей, как случилось два года назад. Дрозд целую неделю держал у себя эту армию, а когда, наконец, избавился от нее, оба его кота выглядели готовыми пациентами психоаналитика.

– Ответь, – разрешил Дрозд, кивнув на вибрирующий телефон.

– Да, – сказала Света. – Здравствуйте, Анна Васильевна...

Закончив разговор, она посмотрела на Дрозда.

– Просит привезти ей готовые фотографии с нашей домашней съемки. Предложила встретиться где-нибудь в центре, в кафе. Ты слышал, что я ей сказала.

– Молодец, все правильно. У нее дома встречаться нельзя, кафе нам не подходит, а вот у подъезда в самый раз. И машину поставим, не привлекая подозрений, и посторонних звуков меньше. Там ведь тихий район?

– Тихий.

Света беспокойно завертела в руках телефон.

– Леш, что она хочет? Если убить меня, то почему предлагала встретиться в людном месте, да еще и в кафе? Не отравить же она меня собиралась!

– Почему бы и нет? От нее всего можно ожидать. Подсыпала бы тебе мышьяк в кофе и наблюдала, как ты корчишься в мучениях.

– Попробуй его достань, тот мышьяк. Нет, тут что-то другое...

– Самое главное: что бы они ни говорила, не заходи с ней в подъезд.

– Нет, самое главное не это, – возразила Света. – Самое главное – это не начать душить ее, когда она выйдет. А больше всего мне хочется выкинуть ее из окна. Пятый этаж вполне подошел бы.

Они приехали раньше назначенного времени. Диск с фотографиями лежал у Светы в сумке, плоская коробочка была прикреплена к карману рубашки. Дрозд убедился, что диктофон не просвечивает через ткань, и

проверил уровень заряда.

– Если что-то пойдет не так, бросай все и уходи. Кстати, не забудь предупредить Стрельникову, что я жду тебя в машине. Избавим ее от искушения прикончить тебя во дворе.

– Думаешь, она тебя не заметит?

– Через тонировку? Может и не заметить.

«Скорее бы все закончилось, – думала Света, поглаживая острый угол диска в раскрытой сумке. – Нужно заниматься Тихоном. Ветеринар по телефону сказал, что состояние стабильное, но забирать его рано. Стабильное – это хорошо или плохо?»

– Стабильное – это хорошо или плохо? – вслух спросила она Дрозда, что-то подкручивавшего в маленькой камере, установленной на лобовом стекле вместо навигатора.

– Ты про Тихона? Для него – хорошо... Так, у меня все готово. Можешь позвонить Стрельниковой и сказать, что ты уже на месте.

Анна Васильевна вышла из подъезда, огляделась, заметила Свету и без улыбки пошла к ней. Даже для пятиминутной встречи в собственном дворе актриса оделась так, словно собралась в хороший ресторан, а не на облупившуюся скамейку под каштаном. Длинная широкая юбка-брюки развевалась вокруг стройных ног, топ, расшитый бисером, поблескивал на солнце. Она приближалась, держа руки в карманах, и Света вспомнила, что в таких юбках карманы исключительно глубокие и вместительные.

«Для пистолета места хватит».

Отступить было поздно. Если они с Дроздом неправильно оценили Стрельникову, Свете уже ничего не поможет.

Анна Васильевна подошла ближе, и стало видно, какой у нее усталый, изможденный вид. Глаза запали, нос заострился, будто у колдуньи. Несколько секунд Света изумленно смотрела на нее, пытаясь понять, что еще изменилось в лице актрисы, и вдруг поняла: помада! Стрельникова не накрасила губы. Не было больше агрессивно красного, резко очерченного рта, чей цвет подчеркивал белизну кожи. Даже волосы, казалось, потускнели, утратили блеск воронова крыла. Анна Васильевна стала похожа на привидение.

И она по-прежнему не вынимала рук из карманов. Света представила, что единственный звук, который запишет ее диктофон, будет звук пистолетного выстрела, и ощутила, что вспотевшие ладони прилипли к шелушащейся доске скамейки.

Дрозд из машины ничего этого не видел. Одна женщина шла к другой,

сидевшей в глубине двора – и только. Он тоже обратил внимание на руки в карманах и подумал, что Стрельникова похожа на хищную высокую птицу, чьи крылья плотно прижаты к телу.

Во двор влетел ветер. Не тот душный ветер, что в эти дни как жар от пламени костра – лишь обжигал, но не приносил облегчения. Нет, это был ветер, спустившийся сверху, с облаков, и несущий прохладу. Он подбросил опавшие листья, пронесся по траве, перебрал струны проводов. Двор отозвался еле слышной тревожной музыкой. С края крыши сорвалась и умчалась с карканьем стая ворон, будто подхваченная вихрем.

Света отлепила пальцы от края скамьи и заставила себя подняться навстречу Стрельниковой. Каких-то двадцать шагов разделяли их. Но ей показалось, что время замедлилось, и даже ветер с трудом пробивается сквозь загустевший воздух.

Шаг, другой, третий. Когда до Светы оставалось не больше пяти метров, Анна Васильевна начала вынимать левую руку из кармана. Света увидела серебряный браслет, змейкой обвивший ее запястье. Голубые вены на тыльной стороне кисти. Побелевшие костяшки пальцев.

Она успела подумать, что все правильно, потому что Стрельникова – левша. И сама удивилась тому, что способна на холодную, отрешенную констатацию факта. А потом актриса вытащила руку целиком и протянула к ней.

В сжатом кулаке оружия не было. Света не поверила своим глазам.

Анна Васильевна разжала пальцы. На ее ладони лежала бумажка, обрывок голубого цвета.

И никакого пистолета.

Ветер, наконец, прорвал преграду и ударил Свете в лицо с такой силой, словно хотел дать оплеуху.

– Здравствуйте, Светлана. – Тон Стрельниковой был сух и деловит. – Спасибо, что потрудились приехать. Вот что я хотела вам показать. Видите?

Света шевельнула губами. Потребовалось две попытки, чтобы ей удалось внятно произнести «здравствуйте» и «что это».

– Как что? – возмутилась актриса. – Это мои обои! Света села на скамейку и снова вцепилась в нее, чтобы не упасть. На этот раз – от облегчения.

Она до последней секунды была уверена, что Стрельникова вытащит пистолет и выстрелит. Что актриса обезумела и теперь ей все равно, что будет дальше, главное – покончить со Светой.

Не обезумела. И, наверное, еще попытается покончить. Но не сейчас, слава богу. Не сейчас.

– Вы делаете ремонт? – выговорила Света.

– Ремонт? Я? Боже упаси. Это ваш кот!

– Мой кот делает ремонт, – послушно повторила Света, ощущая некоторую вязкость в мыслях.

Стрельникова опасливо взглянула на нее и, кажется, незаметно принюхалась.

– Вы пили? – в лоб спросила она.

– Господи, нет. – Света начала понемногу приходить в себя. – Простите, это у меня от жары. Что вы сказали про кота?

– Это ваш кот оторвал в моей спальне! Дыра прямо напротив изголовья! Теперь вы понимаете, почему я терпеть не могу кошек?

– Понимаю. Извините, пожалуйста. А вы уверены...

– Разумеется, уверена! – раздраженно бросила Стрельникова. – Это именно он! Не собака же рвет обои.

Она опустила рядом и пожаловалась:

– Хотя от собаки тоже одни мучения. Всю ночь сегодня бегала с ним на улицу. У него расстройство желудка – следовательно, у меня расстройство сна. Не подремать, ни поесть, ни почитать, ни, простите, самой в туалет сходить. Немыслимо! Одна-единственная собака с поносом совершенно парализует жизнь взрослого человека!

Света тоже села рядом с ней.

– Отравился? – сочувственно спросила она.

– Ах, скажете тоже! «Отравился»! У него, между прочим, диета для пожилых собак. Все свежее, из проверенных рук. Это проявление неблагодарности.

– Как?

– Очень просто. Порядочный пес старался бы облегчить мое существование. А эта старая развалина... А! Пустой разговор.

Она спрятала клочок обоев в карман. Света искоса смотрела на нее и пыталась представить, как эта женщина бестрепетной рукой швыряет за окно Тихона. Но в этой сцене ей виделась прежняя Стрельникова, в черно-бело-красных тонах: с алой помадой, продуманным макияжем, прической-шлемом. А не уставшая бледная женщина, всю ночь бегавшая во двор с ненужным ей старым псом.

– Отдам его в приют, – рассуждала вслух Стрельникова. – Им за это деньги платят.

– Не платят, – тихо поправила Света. – Там волонтеры.

– Что, просто так приезжают?

– Да, просто так.

– Откуда вы знаете?

– Я тоже когда-то приезжала. Точнее, приходила. Рядом с моим домом был приют, он потом переехал.

– А зачем вы это делали? – удивилась актриса. Она повернула голову и впервые посмотрела прямо на Свету.

А Света взглянула прямо на нее. Анна Васильевна рассматривала девушку так, словно пыталась понять что-то. Света вцепилась глазами в ее лицо, изо всех сил стараясь найти подтверждение их с Дроздом версии.

Она никогда никому не объясняла, зачем посещала приют. Это было в то время, когда Дрозд получил грант и почти на год уехал в Америку.

– Я никому не была нужна, – сказала Света. – Или мне так казалось. А собакам – была. Они мне радовались, поднимались на задние лапы, а передними вставали на сетку, так что она продавливалась. Я их выгуливала, кормила, гладила. Им в приюте очень не хватает ласки. Там многие собаки – бывшие домашние. Их гладишь, а они тебе улыбаются всей пастью. И хвостом улыбаются.

– То есть у вас были эгоистичные побуждения, – утвердительно сказала актриса.

– Да, – согласилась Света, – эгоистичные. Но собакам на это наплевать.

Стрельникова задумчиво отвернулась. Света еще полюбовалась на ее профиль, и вспомнила про диск.

– Анна Васильевна, фотографии!

– Ох, правда! Едва не забыла. Все вы со своим приютом, – упрекнула она, как будто это Света рассказывала про собачий понос и ночные бдения.

Она двумя пальцами взяла коробку с диском.

– Спасибо, что привезли. Ну, всего хорошего. Следите за своим котом, иначе от ваших обоев тоже останутся одни ободранные стены.

И тут настал тот момент, который они с Дроздом обсуждали все утро. Не выпуская коробочку из рук, Света бросила взгляд на руки актрисы. И сказала медленно и со значением:

– Вы сегодня без перчаток, Анна Васильевна?

Женщина непонимающе вскинула брови.

– Я была в зале, когда вы уходили с репетиции, – пояснила Света. – Видела, как Петр Иванович возвращал вам перчатки. Вы меня не заметили.

Она очень пристально наблюдала за выражением лица Стрельниковой. Но если та и смутилась, то ничем не себя не выдала.

– Ах, вчера... – Анна на секунду утомленно прикрыла глаза. – Кошмарный был день! Наверное, жара так действует. Со всеми что-то

случилось. И со мной, и с Витей... Петр Иванович совсем расклеился – всучил мне вторую пару перчаток.

Света разжала пальцы, и диск остался в руке актрисы.

– Вторую? – переспросила она, ничего не понимая.

– На самом деле первую. Вторая осталась у меня дома. То есть все-таки получается, что вторую.

Света почувствовала, что у нее голова идет кругом.

– Вы носите две пары?

На лице актрисы промелькнуло выражение высокомерного сожаления о низких умственных способностях некоторых. На мгновение она стала невероятно похожа на своего брата.

– Милая моя, что тут непонятного? – снисходительно уронила она. – У меня есть кружевные перчатки, Серафимович привез в подарок из Франции. Прелестная вещь, очень тонкой работы. Вам пока понятно?

– Понятно, – подтвердила Света.

– Петр вчера отчего-то решил, что я забыла их в гримерке, и принес мне. Очень мило, кстати, с его стороны. Но дело в том, что вчера я не надевала перчатки в театр.

«Значит, она все-таки не поняла! – мысленно ахнула Света. – Так до сих пор и не догадалась, что имел в виду Петр Иванович! Наверное, ей даже в голову не пришло задуматься над этим».

«Ну же, напряги память! – хотелось ей крикнуть. – Ты забыла их у Рыбакова! На твоём лице вот-вот промелькнет отблеск воспоминания, в глазах отразится тень страшной догадки – и ты не сможешь спрятать эти чувства. Какой бы прекрасной актрисой ты ни была, как бы ни владела собой, не в твоих силах так притворяться!»

Но лицо Стрельниковой было по-прежнему невозмутимым.

– Я так вымоталась вчера, что взяла эту вторую пару у Серафимовича, не возражая. Хотя у меня было ощущение, что здесь что-то не так. И, разумеется, вернувшись домой, что я обнаруживаю первым делом?

– Что? – подалась к ней Света.

Актриса пожала плечами:

– Собственные такие же.

– Как... Где? – ошеломленно забормотала Света.

– В перчаточном ящике, где же еще.

– Этого не может быть!

– Отчего же? Они лежали там, когда я выходила из квартиры. Не вижу ни одной причины, почему бы они могли переместиться в другое место.

– Но Петр Иванович отдал вам перчатки! Я видела своими глазами!

– Я вам и объясняю, что это не мои! – судя по тону, Анна Васильевна наконец потеряла терпение. Она сердито смотрела на глупую девицу, не желающую понимать очевидных вещей.

Ее раздосадованный голос оказал на Свету неожиданное воздействие: она вдруг успокоилась.

– Вы хотите сказать, пар было две?

– Боже мой, а я о чем вам талдычу уже пять минут! Две, совершенно одинаковых.

Света помолчала.

– Значит, это были не ваши перчатки...

Стрельникова только вздохнула. Кажется, она потеряла надежду что-то объяснить.

– В конце концов, не понимаю, почему вас так это волнует, – устало сказала она.

– Да потому что я не могу разобраться! – воскликнула Света, ни на йоту не лукавя. – Я чувствую себя полной идиоткой!

– Смиритесь, – посоветовала Анна Васильевна.

– Не хочу! Хочу избавиться от этого ощущения.

– Я знаю неплохой рецепт. Берете сто грамм текилы, добавляете...

– Откуда? – перебила ее Света. – Откуда у Петра Ивановича взялась вторая пара?! К тому же точно такая же, как первая?

Стрельникова неожиданно рассмеялась.

– Ах, вот где вы запутались! Теперь я вижу. Да, действительно, вы ведь не осведомлены о его привычках.

Она поднялась. Света тоже встала, напряженно ожидая ее ответа.

– Серафимович имеет обыкновение из всех поездок привозить одинаковые подарки мне и своей дочери, – объяснила Анна Васильевна. – Я ругаю его за это, но мужчины в некоторых отношениях неисправимы! Если Петя видит на витрине что-то подходящее, то приобретает в двух экземплярах. И ему наплевать, что мы ни в чем не похожи друг на друга, и, значит, не можем пользоваться одинаковыми вещами. Возможно, для любой другой женщины это было бы оскорбительно, но я слишком хорошо знаю Петра – он не имеет в виду ничего дурного.

Света пошатнулась.

Дочери?!

Как? Подождите, повторите! Наверное, Света неправильно расслышала. «Одинаковые подарки мне и своей дочери»?!

– Что вы сказали? – прошептала она. – Про дочь?

– Милая, повторять дважды – это весьма утомительно. Я сказала, что

иногда Серафимович привозит нам одинаковые подарки. К счастью, не всегда. Но чаще, чем хотелось бы.

Свете захотелось снова сесть. И желательно было бы прислониться к какой-нибудь прочной стене, которая сможет выдержать вес ее распухшей головы.

– Дочери... – ошарашенным эхом повторила она. – Так это его дочери...

– Уж не знаю, где он их подобрал и почему решил что это моя пара, – Анна сделала небрежный жест рукой, означавший, что она не собирается ломать голову над подобной ерундой. – Хорошо, что вы напомнили мне о них. Надо вернуть. Терпеть не могу прикасаться к чужим вещам, они несут на себе ауру хозяев. Подумать только, я могла бы их даже надеть! Фи!

Стрельникову передернуло. Это было непроизвольное движение, не оставившее у Светы ни малейших сомнений в ее чувствах к дочери Серафимовича.

– Дочери... Простите, как ее зовут?

Но Света уже знала ответ. Знала до того, как Анна Васильевна устала на нее сверху вниз. До того, как актриса пространно высказалась о поразительной невнимательности некоторых. До того, как напомнила, что у обоих, старшего Серафимовича и младшей, совершенно одинаковые глаза – черные, будто перезрелые сливы, и Света могла бы заметить это.

– Неужели вы не знали, что Лера – дочь Петра Ивановича?

– Кто бы мне об этом сообщил... – пробормотала Света.

– Поздний ребенок, – не слушая ее, заявила Анна. – С ее матерью они в разводе. К счастью, это не тот случай, когда на детях гениев природа отдыхает.

Анна Васильевна милостиво улыбнулась. Вообще-то говоря, она была уверена, что в Лере нет и десятой доли таланта Серафимовича. Но почему бы и не поиграть в великодушие!

– Будет дождь, – известила актриса, глядя в чистое, как вымытая тарелка, голубое небо. – Простите, я вас покину. Этого пса нельзя оставлять надолго в одиночестве. Что бы вы ни говорили, он невыносим! Разбрасывает еду по всей кухне! Этого можно избежать, лишь поставив ему тридцать три плошки, а в каждую по чуть-чуть корма, буквально на дне. Тогда он ест аккуратно.

Света потрясенно молчала.

– Что ж, до свидания, – попрощалась Анна, приглядываясь к ней.

Она отошла на шаг и обернулась:

– Милая моя, с вами все в порядке? Вы застыли как столб.

Света и почувствовала себя столбом. В который врезалась машина или трактор. Лучше трактор, он тяжелее и больше.

Столб не упал, но загудел от основания до самой макушки.

– Все нормально, – не своим голосом выговорила она. – Большое спасибо.

– Нет, все-таки вы странная девушка, – развеселилась Анна Васильевна. – За что спасибо? Я вам ничем не помогла.

И пошла к дому, размахивая коробкой с диском как дамской сумочкой.

Глядя ей вслед, Света почувствовала, что сравнение со столбом все-таки было неправильным. Во взаимоотношениях столба и трактора она явно шуршала бы колесами. Ехал трактор себе по склону, набирал скорость, разгонялся, и вдруг – бац! – столб. Подвеска в одну сторону, кабина – в другую, шарики и подшипники разбросаны вокруг.

А роль препятствия сыграла Стрельникова. Сыграла, надо отдать ей должное, блестяще. Вряд ли можно было эффективнее затормозить разогнавшуюся Свету.

«Я вам ничем не помогла», – сказала Анна Васильевна на прощанье.

Но она ошиблась.

Несколькими словами Стрельникова разрушила все, что они с Дроздом напридумывали. Но эти же слова сыграли роль катализатора. Воспоминания всколыхнулись, словно морская вода, и Света начала погружаться все глубже и глубже в зеленоватую мглу, вдруг обернувшуюся солнечным днем – тем, где ей навстречу по узкой тропинке вдоль забора шел бородатый человек с осунувшимся лицом.

Поразительно – эта встреча случилась совсем недавно, если считать в человеческом исчислении, но в мыслях Светы занимала место где-то на одной полке с событиями далекого прошлого. Должно быть, оттого, что и человек этот теперь тоже принадлежал прошлому.

Двигаясь медлительно, словно пловец, преодолевающий сопротивление тугой воды, Света вошла за провожатым в дом. Один за другим перед глазами вспыхивали кадры, сохранившиеся в памяти. Внутренняя фотокамера запечатлела и образы, и звуки: и прохладу стен, и скрип половиц, и запах немного отсыревшего старого деревянного дома, напоминавший аромат белого гриба. Перед ней маячила спина в клетчатой рубашке, на локте из прорехи торчали нитки, как травинки. Под ногами то и дело попадался хлам, но на этот раз обходить его было легко, ведь ее движения были замедлены. В тот раз она боялась споткнуться, а теперь у нее хватило времени рассмотреть внимательно все, что тогда она заметила

лишь мельком.

Света обвела взглядом коридор, на стенах которого мелькала зеленоватая рябь – то ли от колышущихся штор, то ли от воды за окнами. Она погрузилась вслед за этим днем, уже ушедшим в историю, и перебирает находки, словно водолаз на затонувшем корабле.

Вода времени еще не успела разъесть сохранившихся на дне воспоминаний.

Вот рукав белого халата, не дававший ей покоя. Так и остаться ему загадкой, на которую ей не найти ответа. Вот истрепанная корзина, дырявая, как сеть. Дальше, идем дальше. Ей нужны не тряпки, не ручка от швабры, не остов пишущей машинки на комод, даже не пистолет, угрюмо поблескивающий под листами бумагами. Она сейчас словно ребенок, пытающийся найти на картинке, заполненной предметами, тот единственный, что подойдет под заданный контур. Если ей удастся, значит, она победила.

И она нашла. Не один, а целых четыре. Пластиковые собачьи миски, выставленные вдоль стены.

Вот то, что ей требовалось разыскать. Не смешно ли, что ключ оказался спрятан в самых заурядных предметах, какие существовали в доме Олега Рыбакова?

Она наклонилась над мисками. Олег что-то говорил, но Света не слушала. Его слова не имели значения. Важны были лишь эти плошки, на краю одной из которых остались отпечатки собачьих зубов.

Как же просто! Она должна была сообразить сразу. Никто не будет держать такие кормушки в доме, где нет собаки. Почему она не проявила любопытства, не спросила у Рыбакова, где его лохматые питомцы? Олег не стал бы отмалчиваться. «Питомцы? – недоуменно переспросил бы он. – А, вы про этого...»

Где-то снаружи покрякивали петухи.

Гудели осы.

Тетя Капа гнала бессовестную Заразу прочь с крыльца, а коза выбивала копытами веселую чечетку.

В тени сарая, не видимая Свете, спала собака. Пожилой пес выкопал яму и улегся в прохладную, жирную землю. Он был слишком стар для того, чтобы провожать гостью в дом. К тому же было так жарко... Пес дремал, перебирая лапами во сне. Разрытая земля приятно охлаждала бок и спину.

Света бросила последний взгляд на миски. Затем глубоко вдохнула – и поплыла прочь, оставляя далеко в глубине дом, пахнущий грибом, и его бородатого хозяина, и бесчисленные вещи, навсегда застрявшие в том

времени. Сквозь зеленую мглу, все выше и выше к свету. В ушах шумело, лесной старик говорил нараспев: «Сидит у себя как сыч и носа наружу не кажет. Все один да один. Собаку только привез с собой». «Что бы вы ни говорили, он невыносим! – отзывался утомленный женский голос. – Разбрасывает еду по всей кухне! Этого можно избежать, лишь поставив ему тридцать три плошки».

Собаку только привез с собой! – эхом отозвалось в ушах.

Собаку, собаку, собаку!

С собой, собой, собой...

Света вынырнула во дворе Стрельниковского дома. Голова кружилась, и она схватилась за ствол каштана, чтобы не упасть.

Прошло не больше минуты с тех пор, как за Анной Васильевной закрылась дверь подъезда. Дрозд успел лишь выйти из машины и шел к Свете с таким выражением, как будто его тоже чем-то ударили.

– Диктофон выключи, – подойдя, сказал он.

Света вытащила диктофон из кармана и безмолвно протянула ему. Знать бы раньше, чем все обернется! Тогда в эту ночь Лешка не бегал бы по городу.

Они одновременно опустились на скамейку. Дрозд посмотрел на Свету, она на него.

– Если я скажу, что удивлен, это будет, мягко говоря, неточно, – сообщил он. – Я просто офигеваю.

– Грубый ты, Леша, – посетовала Света.

– Был бы грубый, сказал бы прямо. А я подобрал синоним. У тебя воды нет?

– Нет. Пить хочешь?

– На голову вылить.

– Плюнуть могу, – подумав, предложила Света.

– Нет, спасибо. Хотя я, конечно, это заслужил. Ну и дурак...

– Оба мы дураки.

Они опять замолчали.

– Сразу можно было догадаться, что ее не просто так взяли в спектакль, – сказал наконец Дрозд.

– Можно было догадаться, что дело не в трупке. Нет же, мы с тобой уперлись в этот несчастный манекен! Что будем делать?

Дрозд усмехнулся:

– Для начала попробуем отыскать хозяйку Шампиньона. У меня к ней есть пара вопросов.

– А потом?

– А потом вернемся к нашей ловушке. Только на этот раз придется заручиться чьей-то помощью.

## **Глава тринадцатая, в которой все Коты и Собаки возвращаются на свои места**

С самого утра в воздухе что-то неуловимо изменилось. Свежий ветер, вернувшийся в город, принес с собой ощущение перемен и предчувствие близкой грозы.

Теперь не оставалось сомнений: дождь будет. Стрельникова вновь оказалась права. В небе появились первые кучевые облака. Не прежние невинно-белые, похожие на барашков, а мохнатые и серые, словно волчья шкура. По краям их расплывались чернильные пятна.

Когда Лера Белая вбежала под своды театра, чернильные пятна уже срослись друг с другом в несколько больших клякс. Ей показалось, что вдалеке за спиной гроыхнуло. Девушка зябко повела плечами и притворила тяжелую входную дверь.

Просто невероятно, что новую репетицию назначили так быстро! А ведь она была уверена, что после скандала Стрельникова будет отходить еще не один день. К капризам Анны Васильевны всем им было не привыкать, но на сей раз она не только взбесилась сама, но и брата вывела из себя. Им нужно время на примирение. Неужели оно уже случилось?

Бедный, бедный Стрельников! Истеричка Анна не заслуживает такого брата.

Виктора Стрельникова Лера уважала: он был сильный, талантливый и успешный. Сочетание этих трех качеств вызывало у нее чувство, близкое к благоговению.

Ей вспомнилось, что с утра они снова поссорились с мужем из-за какой-то ерунды. Сережа сильный, успешный, но не талантливый. Одного ингредиента из трех не хватает. Поэтому – ни восторга, ни благоговения, а только все больше ссор и времени поврозь. Скоро дойдут до того, что Новый Год будут справлять поодиночке.

Но он ей нужен. Всегда был нужен. Когда-то Сергей вложил деньги в проект под названием «Лера Белая», и проект оказался успешен. Недалеко то время, когда ей снова потребуются деньги.

«Или не потребуются», – шепнул внутренний голос. Лера стиснула зубы. От нее уже полгода ждут новых песен, а она все молчит. Сергей, кажется, начал что-то подозревать. Еще бы! Прежде она стабильно

выдавала по альбому в год. Но вот уже несколько месяцев не может предъявить им ни-че-го. Нет, она, конечно, написала несколько текстов, сочинила к ним музыку... И опробовала на Сергее, надеясь, что хоть чему-то научилась за прошедшие несколько лет. Возможно, зря она сомневается в своих силах?

Но по лицу Сергея почти сразу стало понятно, что нет, не зря. Он ничего ей не сказал. Не критиковал, не выказывал удивления. Лучше бы ругал! Это значило бы, что с материалом можно и нужно работать. Пусть переделывать, переписывать, менять! Но Лере было бы, от чего отталкиваться.

Молчание звучало приговором. Сергей не разбирался в музыке, но он разбирался в песнях, которые исполняла его жена. Если он молчит, значит, говорить не о чем. И менять нечего. Она в очередной раз выдала пустышку.

Лера на секунду задержалась перед зеркалом в вестибюле – и вздрогнула, увидев свое отражение. Что здесь с освещением? Почему она выглядит такой старой? Откуда этот землистый цвет лица, будто она только что вылезла из могилы, и нездоровый, лихорадочный взгляд?

Девушка наклонилась ближе к зеркалу, отгоняя жутковатое видение. Но вышло только хуже. Зеркало близко-близко отразило ее глаза, и то, что она в них увидела, заставило ее отшатнуться.

– Да пошло все!

Лера ударила в зеркало кулаком и громко вскрикнула.

Зеркало не треснуло. Но боль пронзила руку, так что из глаз брызнули слезы. Нет, только не плакать! Если она начнет плакать, то не остановится. Никто не знает, какие истерики случаются с ней временами. И никто не должен узнать.

Лера полезла в сумку, дрожащей рукой вытащила коробочку с желтыми капсулами и проглотила сразу две штуки. Скорее прочь из вестибюля, пока никто не зашел и не заметил ее в таком виде. Шаги! Кто это? Никого не видно. Зачем он прячется?!

– Кто здесь?!

Эхо ее собственного голоса выпрыгнуло из-за угла. «Здесь, здесь!»

Никого нет. Это ее собственные шаги. Лера неуверенно рассмеялась. Потом громче, громче... Смех рвался изнутри, и пришлось зажать рот рукой. Чш-ш!

Теперь успокоиться... успокоиться. Ее верное лекарство должно помочь. Она пьет его уже две недели, превысила все дозировки, но сейчас это простительно. Лишь бы подействовало. Когда она придумает, как выбраться из этой ямы, тогда и откажется от желтеньких капсул. Когда

перестанет рожать убогие, бездарные тексты и однообразную до тошноты музыку.

Лера ухватилась за слово «рожать». Что, если ей и в самом деле родить ребенка? Правда, она не любит детей, но кому это мешало их заводить! Она может забросить музыку, отказаться от карьеры, осесть дома. Доходов Сергея хватит на то, чтобы обеспечить им сытую жизнь и без ее заработков.

Черт, кого она обманывает? Стоя в одиночестве посреди пустого фойе, Лера усмехнулась одними губами. Ей нужна сцена! Драйв от выступлений! Всю жизнь, сколько себя помнит, она мечтала петь перед зрителями. Невозможно объяснить тому, кто этого не испытал, что значит видеть обращенные к тебе тысячи глаз, полные обожания. Входить со зрителями в резонанс! Да все переживания альпинистов на вершине Эвереста – ничто по сравнению с тем, что она испытывает, когда сотни глоток сотрясают зал, выкрикивая за ней слова песни!

Это круче, чем побывать на Луне. Это как лететь на метле над ночным лесом. Абсолютная свобода, полный отрыв! Ну-ка попробуйте, отберите у нее метлу! Будете иметь дело с взбесившейся ведьмой.

Все, что ей нужно, это деньги – и какой-нибудь талант-самоучка, который согласится на ее условия. Паршиво, что она попадет в полную зависимость от этого самоучки, и поэтому уже заранее его ненавидит.

Лера остановилась перед входом в зал. Черт, руки дрожат. И в горле сухо: верный признак, что через пять минут ее начнет подташнивать. Побочный эффект ее любимых капсул, мать его! Не дай бог, стошнит на репетиции. Виктор и так не слишком-то хотел ее брать – и без Леры хватает актрисулек с приятным голоском и смазливой мордахой. Но папаша его убедил. Хоть какая-то от него польза, старого дурня.

Он все волочит за своей Стрельниковой. Кажется, уже больше по привычке. Сам не понимает, как он жалок, выпрашивая у нее крохи внимания, будто милостыню.

Девушка закрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь отогнать тошноту. Черт возьми, почему дрожь в руках никак не пройдет? Какого дьявола эти поганые капсулы не действуют?! Ей что, подсунули в аптеке подделку? Она их всех разнесет, устроит им такое, что они еще месяц при виде Леры будут заикаться. Гадюки, мерзкие гадюки!

Лера до скрипа сжала зубы, и приступ слепого бешенства отступил. Ох, что это с ней творится? Надо успокоиться, иначе она окончательно пойдет вразнос. Врач, сволочь принципиальная! Ведь его просили выписать средство по сильнее! Такое, чтобы проглотил – и голова холодная и ясная, как стекло. Нет же, отказал. Терпи, Лера, на своих старых

пилюльках.

Все-все-все, она уже почти пришла в норму. Пара оплеух – и в голове проясняется. Еще помогает острыми ногтями чиркнуть по мочкам ушей. Но могут остаться следы. Заметят, пойдут вопросы или пересуды. Зачем ей это надо... Для всех она – успешная певица Лера Белая, молодая, талантливая, красивая, перспективная. Какая еще? Ах да, богатая и со стабильным мужем. С какой стороны ни взгляни, она так обласкана судьбой, что хоть...

«Хоть вешайся».

С этой мыслью Лера Белая вошла в зрительный зал.

Почему так темно? И где все? Только светловолосая фотографиня сидит в первом ряду, не оборачиваясь. Ах, нет, вон и Стрельникова слоняется за декорациями, как привидение. Где она, там рядом и папаша. Но ни Виктора, ни всех остальных... Что происходит?

Лера пошла по проходу, вглядываясь в фотографиню. Издалека бросалась в глаза длинная, открытая шея, над которой золотились волосы, как шапочка одуванчика. Лера не могла оторвать взгляд от этой заманчиво беззащитной шеи. Хрупкий белый стебель. Небольшое усилие – и переломишь пополам.

Нет, не так. Подойти неслышно сзади. Это не составит труда, она умеет красться как кошка. Выбросить зажатое в кулаке лезвие. Молниеносно рвануть. Если нажать сильно, то разрез получится достаточно глубоким. А если быстро отскочить, то она не испачкается.

Лера замедлила шаг. А если... Нет, нет. В любую секунду кто-то может войти в зал.

И все же очень странно, что никто пока не пришел. Декорации полностью готовы. Не хватает только Генри.

Леру кольнуло нехорошее предчувствие.

В зале темнее, чем обычно. Дальние ряды совсем тонут во мраке. И сцена, если присмотреться, освещена по-другому.

А к декорациям добавились два зеркала, стоящих друг напротив друга. В каждое уводит мутный коридор, бесчисленная вереница тусклых отражений. Говорят, два зеркала, поставленные таким образом, вызывают призраков. В это нетрудно поверить. Каждый, кто хоть ненадолго проваливался взглядом в их завораживающую мрачную глубину, знает об этом, но молчит.

Когда ты смотришь в бездну, бездна смотрит на тебя. Это единственная фраза из Ницше, которую Лера помнит, и каждое слово отзывается в ее голове как удар колокола.

Нет, нет никакой бездны! Зеркала – лишь дополнение к старым декорациям. Должно быть, Виктор задумал что-то изменить, поиграть с отражениями персонажей. Нашел очередное необычное сценическое решение – в этом он виртуоз. И напрасно она встревожилась.

Просто сегодня чувства ее отчего-то особенно обострены, во всем чудится скрытая угроза. И в смене декораций, и в эхе собственных шагов, и даже в негромком мяуканье кошки, доносящемся откуда-то неподалеку.

Что?!

Мяуканье кошки?

Лера вздрогнула. Затем медленно, как по краю пропасти, приблизилась к первому ряду – и остолбенела.

На руках у Светланы сидел полосатый котенок. Длинный, нескладный. С зелеными, как майскими листья, глазами.

– Здравствуйте, Лера, – с легкой усмешкой сказала Света.

И Лера поняла, что ей обо всем известно.

Но больше всего ее поразила не усмешка, а кот. Она не могла отвести от него взгляда. Зверь шипел и вырывался, словно хотел броситься на Леру. Хозяйка придерживала его за загривок. Потеряв дар речи, девушка отступила на шаг.

Только не молчать! Она себя выдаст!

Но еехватило лишь на то, чтобы выдавить сквозь стиснутое от ужаса горло:

– Вы завели нового кота?

– Нового? – Светлана вскинула брови. – А куда должен был деться старый?

Поняв свою ошибку, Лера попятилась. Кот мяукал все громче, он сверкал глазами, изворачивался в Светиных руках. Он ее вспомнил! Проклятая тварь каким-то чудом выжила и хочет только одного – выцарапать ей глаза. Кошки мстительны, как дьявол. Почему, почему она не убила его?!

Кот разинул пасть и издал леденящий душу вопль.

– Уйяаа-у!

Лера шарахнулась назад, ударилась о край сцены и в страхе взбежала по ступенькам вверх.

Свет вдруг погас. Она оказалась в полной темноте. Душераздирающий крик кота снова разорвал тишину – и смолк.

Все это произошло так быстро, что она не успела опомниться. Долгую зловещую минуту Лера ждала, что на нее вот-вот набросится маленький разъяренный демон. Она хотела крикнуть, чтобы кто-нибудь, наконец,

включил софиты! И вдруг они снова зажглись – так же внезапно, как выключились.

Но свет их был тускл и мертвенно-бледен. Он не рассеял темноту, а лишь высветил очертания декораций. Они выступили из мрака, как деревья выступают из тумана на болоте, подернутые дымкой.

Зрительные ряды терялись во тьме – все, кроме первых двух. Лера увидела, что Светлана по-прежнему сидит на том же месте. Ее жуткий кот исчез.

Она смотрела не на Леру, а куда-то за ее спину. Девушка обернулась.

И то, что она увидела, исторгло из ее горла хриплый крик, полный безысходного отчаяния.

Тело лежало на сцене. Но не на кровати, а на полу. В той позе, в которой она бросила его, когда в смятении убегала из дома. Нож не торчал из спины, рука была откинута так же, как тогда.

Кто это? Кого отражают зеркала, умножая ее кошмар?

Разум сделал последнюю попытку зацепиться за реальность. Но рядом с телом, словно охраняя мертвого хозяина, сидел старый грязно-белый пес и тоскливо смотрел на нее единственным глазом. «Зачем ты убила его? – спрашивал этот взгляд. – За что? Как ты могла?»

Зеркала подхватили всех троих и закружили в вихре, перебрасывая друг другу отражения. Не один пес, а десятки псов смотрели на Леру, и возле каждого лежал убитый Олег – десятки, сотни Олегов, словно она застрелила его множество раз, а не один. Зеркала смяли людей и собаку, расплющили, будто те были пластилиновыми, уменьшили и заперли в безжалостном калейдоскопе, где она была обречена вечно смотреть на дело своих рук.

Пес поднял голову, тихо заскулил. И Лера не выдержала.

– Зяма! Зямочка, прости меня! – закричала она. – Я не хотела его убивать!

Девушка бросилась прочь, плохо понимая, куда бежит, желая лишь одного, – вырваться из этого заклятого места. Кто-то несся ей навстречу. Она уклонилась, и лишь за миг до того, как удариться о зеркало, которое приняла за коридор, поняла, что видела собственное отражение.

Стекло разбилось вдребезги. Лера упала, и сверху на нее посыпались осколки, отскакивая от сцены, как сверкающие льдинки.

Вспыхнул свет. Какие-то люди толпились за кулисами, знакомое лицо выглядывало из-за декораций. Лера осмотрелась вокруг, никого не узнавая. По лбу текло горячее. Она потрогала: кровь.

К ней подошел маленький человечек в очках, присел рядом.

– Валерия Петровна, где пистолет?

Лера вытерла кровь и обессиленно уронила руку. Они все слышали. Нет смысла выкручиваться.

– В гримуборной, – прошептала она. – За батареей, в пакете.

– Спасибо, – вежливо кивнул человечек.

Он сделал знак двум мужчинам, и те скрылись в проходе, ведущем к гримеркам. Провожая их безразличным взглядом, Лера слышала, как очкарик сказал, обращаясь к женщине в первом ряду:

– Ну, Светлана Валерьевна! Я ведь вам не верил.

А та устало ответила:

– Если вы еще раз скажете «ну», Константин Мстиславович, я не знаю, что с вами сделаю.

\* \* \*

– Боже мой, бедный Петя! – Анна Васильевна повторяла это без конца. – Бедный, несчастный Петя!

Она растерянно посмотрела в чашку с зеленым чаем и вдруг выплеснула ее в раковину.

– Можно мою тоже? – вежливо спросил Дрозд. – Отвратительная же бурда, простите тысячу раз.

Вместо того, чтобы поставить нахала на место, Стрельникова беспрекословно выполнила его просьбу.

– Что, и вашу? – вздохнула она, обернувшись к Свете. – Ох, давайте сюда. Заварю нам обычный черный.

– А можно кофе? – извиняющимся тоном попросила девушка. – Спать очень хочется.

Они сидели у Стрельниковой. После театра Света с Дроздом привезли к ней ничего не понимающего пса. Он сыграл свою роль. Теперь Зяма лежал в углу, закрыв морду лапой, и дремал.

– Устал, – сказала Анна Васильевна, поймав Светин взгляд. – Пускай спит. Настродался, старичок.

Она открыла дверцу и достала жестяную банку.

– Кофе так кофе. Сто лет его не пила, держу только для гостей.

Солнечный луч отразился от блестящей крышки. Света зажмурилась и сказала:

– Кто бы мог подумать, что зеркало – такая опасная вещь!

– Положим, мне это известно лучше, чем вам, – тут же отреагировала

Стрельникова. – Вы, милая, еще не в том возрасте, чтобы делать подобные умозаключения. Для вас зеркало пока друг, а не враг.

– Для вас, несомненно, тоже, – галантно заметил Дрозд.

Анна Васильевна взглянула на него и первый раз улыбнулась.

– Вы льстец, Алексей. Но я не против. Любой женщине требуется лесть – в разумных дозах, конечно. С ней, как с пудрой, главное – не переборщить.

Она сварила кофе, поставила перед ними и села в кресло с чашкой в руках.

– Значит, все началось с того, что Олег и Лера подобрали этого пса... – задумчиво протянула актриса.

– Нет, раньше, – поправила Света. – Все началось с того, что они познакомилась. Я слышала версию Леры и поверила ей. Мы все верили.

– Кроме меня, – вставила Анна Васильевна. – Я никогда ей не доверяла. Слишком хваткая девица. Похожа на меня в молодости.

Дрозд усмехнулся.

– Да-да, похожа. А таких, как я, должно быть ограниченное количество на квадратный километр. Что она соврала по поводу их знакомства?

– Она сказала, что знакомство не имело продолжения. И очень убедительно поведала забавную историю о рыбе и испачканном ботинке. Думаю, история правдива. Лера солгала лишь в одном: она заверила меня, что Рыбаков счел ее неуклюжей дурочкой и ушел. Но это было не так. Олег в нее...

Света взглянула на актрису и замолчала.

– Продолжайте, продолжайте, – успокоила Анна Васильевна. – Неужели вы думаете, я не знаю, что после наших отношений у Олега были романы?

– Не романы. Один роман. Он без памяти влюбился в Леру. Молодая, красивая, яркая девушка...

– И бездарная, – вставил Дрозд.

– Да, увы, без особых талантов. Она страстно хотела петь и прикладывала к этому все мыслимые усилия. Они, конечно, не увенчались бы успехом. Красивых и ярких девушек, пытающихся выбиться в певицы, очень много. У ее мужа были деньги, но недостаточно для того, чтобы купить на них всенародную славу.

– Так она уже была тогда замужем?

– В том-то и дело. Потому они и скрывали от всех свой роман. Лера так и осталась бы никому не нужной певичкой микроскопического масштаба. Изредка пробивалась бы куда-нибудь на голом упорстве, как

пробилась на ту вечеринку, где встретила Олега. Но все изменилось, когда Рыбаков начал писать для нее песни. Он хотел видеть ее счастливой. Казалось бы, что может быть естественнее, чем помочь ей такой малостью?

Анна Васильевна покачала головой.

– Малость? О, нет, вы глубоко заблуждаетесь. Для популярного исполнителя репертуар намного важнее голоса.

– Но Рыбаков так не считал. То есть он не считал, что делает что-то из ряда вон выходящее. Он был очень талантлив, у него все получалось легко. И песни для Леры он создавал играючи.

– А она выдавала их за свои и моментально прославилась... – протянула Стрельникова. – Как же Олег мог пойти на это?

– Он ее любил. Кто такая девушка, поющая песни Олега Рыбакова? Никто. Можно заменить ее любой другой с подходящими внешними данными, и для зрителей ничего не изменится. Но девушка, которая сама пишет сильные песни и музыку – это уже талант. Поэтому Рыбаков без колебаний отказался от авторства. Ему это ничего не стоило. Он и так добился всего, чего хотел.

– Думаю, он развлекался, – заметил Дрозд. – Для Олега сочинять хиты стало способом проверить свои силы. А слава ему не требовалась.

– К тому же он был только рад, когда карьера любимой пошла вверх.

Стрельникова нахмурилась:

– Как вы узнали, что Лера исполняет не свои песни?

– Это все он, – кивнула Света на Дрозда.

Тот пожал плечами:

– Я их просто послушал. Все, которые смог найти. К этому моменту мы уже понимали, кто убийца, не хватало лишь мотива.

– Мотива убийства Рыбакова? – уточнила Анна.

– Да, Олега. Мотив покушения на Свету стал понятен, когда вы сказали про собаку и перчатки.

– Ничего не стало понятно! – раздраженно воскликнула Стрельникова. – Но об этом потом. Не сбивайтесь с мысли, объясните до конца. Итак, вы слушали ее песни – и что?

Дрозд повертел в руках чашку и сказал:

– Они просто написаны разными людьми. «Двести двадцать вольт» – это мощная энергетика, жесткий, почти грубый текст. Слова сколочены друг с другом, будто гвоздями. Фактически, это мужская музыка. А все, что Белая исполняла в последнее время – только эксперименты с рифмой и формой. И больше ничего. Еще попытки попасть в струю, заигрывание с реперами. Какое-то время она бы протянула, конечно. В конце концов, Олег

уже вывел ее на орбиту.

– Но ей требовалось больше, чем по инерции держаться на небосклоне и гадать, когда она свалится вниз, – тихо добавила Света.

Стрельникова подалась к ней:

– Хорошо, но при чем тут собака? Я никак не могу понять, каким образом оказался во всем замешан бедный пес!

– Когда-то они подобрали его на улице, – объяснила Света. – Это лишь мое предположение, но я уверена, что права. Купить одноглазую дворнягу – сомнительная идея. Скорее всего, Олег с Лерой гуляли в каком-нибудь глухом парке, подальше от посторонних взглядов. А пес привязался к ним.

– И они его взяли? Вот такого, одноглазого? – Анна Васильевна недоверчиво рассмеялась.

– Ну, вы же взяли, – сказал Дрозд.

Актриса перестала смеяться и сердито посмотрела на него.

Света поторопилась вмешаться:

– Лера любит собак, очень любит. Наверное, она уговорила Олега взять бездомного пса. Лера привела было дворнягу к себе, но у нее оказалась сильнейшая аллергия на собачью шерсть. Поэтому выбора у них не было, и пес остался у Рыбакова.

– Между прочим, он далеко не глупое животное, – неожиданно заявила Стрельникова.

Словно поняв, о чем она говорит, Зяма высунул морду из-под лапы и вопросительно посмотрел на нее.

– Вот видите! Это влияние Олега! Жил бы он у этой помешанной, был бы тупее пробки.

– Она не сумасшедшая, – возразила Света. – Во всяком случае, тогда точно не была. Лера очень здраво шла к своей цели. Талант Олега, ее собственная красота и настойчивость, деньги мужа – подходящие ингредиенты для успеха. Наверное, она была в таком упоении от самой себя, что упустила Рыбакова.

– В каком смысле упустила?

Света взглядом позвала на помощь Дрозда, и тот пояснил:

– Проглядела. Занималась только собой. А Олег, между прочим, был довольно принципиальный чувак.

– Я, между прочим, в курсе, – суховати сказала Стрельникова.

– Значит, понимаете, о чем я. Вряд ли его устраивал тайный роман с замужней женщиной, которая вдобавок не собирается бросать супруга. Он терпел сколько мог, но в конце концов чаша переполнилась – и в один миг все полетело к чертям. Не знаю, чем это было вызвано. Думаю, это мы и

называем переоценкой ценностей. Но переосмыслил он все капитально.

– Так капитально, что порвал все связи и уехал из Москвы в Гадюкино, – фыркнула Стрельникова.

– Малиновку, – подала голос Света. И, когда Дрозд с Анной Васильевной устали на нее, пояснила, смутившись: – Деревня – Малиновка. Она хорошая. Никакое не Гадюкино.

– Любая деревня – это Гадюкино, – безапелляционно заявила актриса. – Но вы можете придерживаться другого мнения. Неправильного.

Света не выдержала и рассмеялась.

– Ничего смешного! Значит, когда Олег уехал, он увез с собой этого пирата? – Анна указала на пса.

– Конечно, ведь это была его собака. Еще он привез с собой пистолет. Дальше вы знаете сами: он отказался от общения с друзьями и стал вести отшельнический образ жизни.

– А как же Лера?

– Поначалу Олег продолжал писать для нее. Но песен становилось все меньше. А около полугода назад ручей окончательно иссяк.

– Именно тогда Лере пришлось активно творить самой, – вмешался Дрозд. – Результат мы слышали в эфире. А потом наступил конец.

Стрельникова заволновалась. Она поднялась, подошла к окну, нервно сцепив белые пальцы. Постояла и снова вернулась в кресло.

Света и Дрозд переглянулись.

– Может, дальше не надо рассказывать? – в голосе Светы звучало сочувствие.

– Так почему она его убила? – спросила Стрельникова, будто не слыша вопроса.

Оба помолчали.

– Он ей все объяснил, – сказал наконец Дрозд. – Зная Олега, можно представить, что для Леры это прозвучало не слишком лицепрятно.

– К тому же затворничество сильно изменило его. – Света вспомнила, каким мрачным и неприятным человеком показался ей Рыбаков. – Он больше не хотел никаких компромиссов. Не хотел помогать ей, идти навстречу, тащить бывшую подругу на вершину славы.

Она на секунду прикрыла глаза, представляя, как это было.

\* \* \*

Раннее утро.

Туман стелется вокруг дома.

Внутри двое кричат друг на друга. Один охвачен холодной яростью, другая распалена от бешенства.

– Ты не смеешь бросать меня! Не смеешь лишать меня песен! Что с тобой случилось, Олег?!

– А с тобой?! Ты же всем врешь! Обманываешь мужа, зрителей – всех!

– Не смей читать мне проповеди!

– Почему бы и нет?! Никто другой тебе этого не скажет. Так слушай правду от меня – все вокруг тебя пропитано ложью. И ты еще уговариваешь меня, чтобы я продолжал быть твоим сообщником? Неужели тебе не хватило того, что я для тебя сделал?

– Ты сделал для меня?! – визжит Лера. – Посмотри на себя, ничтожество! Ты был похож на мужчину лишь рядом со мной! А сейчас ты кто? Жалкая пародия на того Олега, которого я когда-то знала. В тебе нет жизни!

– А в тебе есть лишь та, что вдохнул я.

– Ты исчерпал свой талант!

– Ошибаешься. Разве ты не знаешь, что я по-прежнему пишу? И, поверь, лучше, чем раньше. Ты полагаешь, я не создаю песен, раз тебя нет рядом? Создаю. Вот здесь, – он стучит по голове, – крутятся десятки мелодий, сотни строчек. В следующем сезоне они станут хитами. Хочешь, заключим с тобой пари?

– Это мои песни, мои хиты! Отдай их мне!

– Нет, моя дорогая. Ты достаточно попользовалась мной.

– Я тебя любила!

– Почему же не ушла от мужа, когда я умолял тебя? Не лги, Лера. Не оскорбляй ни себя, ни меня. Я придумываю хорошие песни, но они теперь не для тебя.

Тяжелое дыхание в тишине. И вкрадчивый, внезапно мягкий голос:

– Для кого же? Ответь мне. Для кого?

Рыбаков пожимает плечами:

– Для всех и каждого. Я нашел в интернете нескольких исполнителей. Они пока очень молоды, но у них есть талант. А не одни только амбиции, как у тебя. Думаю, они обрадуются, если получат возможность петь мои песни.

– А как же я?!

– А что ты?

– У тебя есть стиль. Твои песни узнаваемы! Кто-нибудь догадается сравнить их с моими. Ты хочешь, чтобы все узнали о том, что я выдавала

их за свои?! Сволочь!

– Не кричи, надорвешь горло.

– Ты не посмеешь этого сделать!

– Смею. Считаю, уже сделал. Сегодня же я напишу им письма. Помогу еще кому-то, кроме тебя.

– Нет, не напишешь!

Взгляд ее падает на пистолет.

Выстрел. Грохот рухнувшего тела. Кровь затекает между половиц.

Девушка пятится и затравленным взглядом обводит комнату. Что она наделала?!

Бежать, бежать, бежать! Прочь, пока ее никто не увидел! Только стереть отпечатки пальцев с пистолета и забросить его в ближайшее болото.

Нет, нет. Пистолет взять с собой и хорошенько спрятать. Его можно использовать и для другого.

В голове ее молнией мелькает план: одновременно избавиться от Стрельниковой и отвести от себя все подозрения. Она подкинет его... Нужно только все хорошенько продумать.

\* \* \*

– Она убежала, – сказала Света. – Но далеко не уехала – вернулась.

– Невероятно! – отозвалась Стрельникова. – Вернулась за собакой?

– Да. Не смогла оставить там Зяму. Они вместе подобрали его, растили, играли с ним. Пес ее любил. Наверное, она представила, каково ему будет умирать в одиночестве. В деревне его бы никто не взял, он слишком старый, к тому же увечный.

– Вернулась... – повторила актриса.

– Она забрала Зяму и на этот раз уехала окончательно.

– Иллюстрация к тезису о том, как выгодно иногда быть бесчеловечным, – подал голос Дрозд.

Анна Васильевна обернулась к нему:

– Что вы хотите этим сказать?

– Этот единственный человеческий поступок ее и погубил. Если бы Лера бросила собаку на произвол судьбы, все сложилось бы иначе.

– Да, и правда... Но подождите! Ведь следом за ней приехал Серафимович?

– Он приехал, но сам по себе. Мы тоже ошиблись, полагая, что он

выслеживал вас. Никого он не выслеживал, просто хотел поговорить с Олегом.

– О чем?

– Об этом вам лучше его спросить, – осторожно заметила Света.

Она подумала, что Петр Иванович хотел поговорить о Стрельниковой. Но с Анной Васильевной Света не собиралась делиться своим предположением.

– Хорошо. Итак, Петр приезжает к Олегу... – начала актриса.

– ...и обнаруживает в доме труп, – подхватила Света. – Он видит брошенные на столе перчатки – те, которые сам и привозил. Ему и в голову не приходит, что перчатки оставлены не вами. Их забыла Лера! Она надевает перчатки, если предстоит общаться с какой-нибудь собакой. У нее аллергия, а эта слабая защита немножко помогает.

– Она сама вам об этом сказала?

– Это мы без нее узнали, – пробасил из угла Дрозд. – Когда подробно расспросили одну собаководницу.

Анна схватилась за голову:

– При чем здесь собаки?! Простите, Алексей, но вы своими замечаниями вносите сумбур!

– Собака была одна, – уточнил Дрозд. – Точнее, пес. Кобель.

Стрельникова метнула в него пронзительный взгляд.

– Но кастрированный! – добавил Дрозд. – Хотя вел себя неприлично.

– Алексей! Дайте же Свете все объяснить!

– Я разве не даю? – удивился Дрозд.

– Нет! Вы со своим кобелем...

– Кобель не мой!

Анна Васильевна шумно выдохнула. Если бы она была драконом, от Дрозда осталась бы только кучка пепла.

Света подождала, пока оба смолкнут, и продолжила:

– Петр Иванович видит застреленного Рыбакова, видит перчатки, и заключает, что убили его именно вы, Анна Васильевна. Перчатки он забирает, это улика. А с телом...

Она осеклась. Проговорить это вслух почему-то оказалось нелегко.

Увидев ее замешательство, Дрозд пришел на выручку. Он не стал щадить чувства Стрельниковой и бухнул прямо:

– А с телом он поступил так: затащил на кровать и воткнул в него нож.

Глаза актрисы недоуменно расширились.

– Что, вы сказали, Петя сделал?

– Воткнул в него нож, – отдельно повторил Дрозд.

– Господи! Зачем?

– Вас покрывал, – лаконично объяснила Света.

– Как?!

– Уводил расследование на ложный путь. Следователь не мог не заметить совпадения с последней пьесой Рыбакова. В общем-то, его все заметили. Петр Иванович этого и добивался.

Анна Васильевна схватилась за голову и принялась раскачиваться в кресле.

– Боже мой, боже мой! И это – Петя!

– Хотел бы я посмотреть, как Серафимович это сделал, – пробормотал Дрозд себе под нос, чтобы не услышала актриса.

Света тоже подумала об этом. Маленький, кругленький снеговичок Петр Иванович! Он пыхтел, обливался потом. Стонал, думая, что не справится. Он изо всех сил старался не испачкаться в крови. И ему удалось перетащить тяжелое тело в другую комнату и взвалить на кровать. Должно быть, это заняло немало времени.

А потом он, шатаясь, зашел на кухню. Взял нож. Вернулся к труп.

– Мне вот интересно, – задумчиво начал Дрозд. – Если бы в пьесе Олега жертве отрезали голову двуручной пилой, что бы тогда стал делать...

– Забудьте! – набросилась на него Стрельникова. – У вас нет ничего святого!

– Зато у Петра Ивановича есть, – не сдержалась Света. – И это вы!

Актриса не нашлась, что ответить. Она смотрела на Свету гневно, но, кажется, потеряла почву под ногами.

– Нет, я все-таки интересуюсь насчет пилы... – снова влез Дрозд.

Света взглядом заставила его замолчать и быстро проговорила, пока Стрельникова не успела вставить ни слова:

– А потом Петр Иванович уехал. Он пытался дать понять, Анна Васильевна, что знает о вашей роли в смерти Рыбакова. Вы, разумеется, его не поняли. И он смирился. Ему хотелось только одного – чтобы вас не поймали.

– Бедный Петя... – прошептала актриса, дотрагиваясь до уголка глаза.

Свете показалось, что она вот-вот расплачется. Но Стрельникова вскинула голову, и стало ясно, что это заблуждение. Анна Васильевна была не из тех женщин, которых может растрогать мужская преданность.

– Что ж, с Олегом все понятно... – Голос ее дрогнул, но она овладела собой и продолжала уже тверже. – Но вы сказали, что Лера пыталась убить и вас, Светлана?

– Да.

– И что причина кроется в нашей фотосессии? Как это может быть?

– Когда я приезжала к вам на съемку, то случайно заглянула в комнату, где лежал манекен, и приняла его за труп. Вы, Анна Васильевна, сделали из этой действительно дурацкой ошибки анекдот. И рассказали его всем, кто у вас был. А были Петр Иванович и ваш брат.

– И что же?

– В тот же день меня пытались сбить машиной. Конечно, я связала это с трупом. Кто бы не связал на моем месте! Мы мучительно перебирали, что же такое я могла увидеть на манекене. Мне и в голову не пришло, что манекен здесь ни при чем. Все дело было в собаке.

– В собаке!

– После того, как Лера оставила Зяму у себя, у нее началась аллергия. Она терпела, пила лекарства, но ничего не помогало. Ее состояние заметил отец. Он ужаснулся, забрал пса и отвез к вам. Лера наврала ему, что подобрала дворнягу на улице. Не забывайте, никто и понятия не имел о ее романе с Рыбаковым. В театре они не пересекались, а любовную связь тщательно скрывали ото всех. Единственное, что могли бы припомнить свидетели – это сам факт их знакомства. И больше ничего.

– Вы правы, – обескураженно признала Стрельникова. – Даже я не догадывалась, что они общаются. Но продолжайте, прошу!

– Итак, собака у вас. Труп Рыбакова найден, полиция расследует дело. Единственное, что тревожит Леру – это сообщения о том, что Олег был заколот. Она не понимает, откуда взялась эта информация. Олег застрелен, а не убит ударом ножа! Кому как не ей знать об этом. Но ошибка Лере только на руку. Пес временно обрел дом, и, казалось бы, можно успокоиться.

И вдруг появляюсь я.

Когда Лера приезжала к Рыбакову, он упомянул о моем визите. У него крайне редко бывали гости, а тем более – фотографы. Вряд ли Лера придала этому факту значение. Но она его запомнила.

И вдруг она звонит отцу, и тот пересказывает ей забавное происшествие, случившееся в вашем доме. Он называет мое имя, и Лера в ужасе осознает, что фотограф – тот же самый, что был у Олега.

– И что это значит для нее? – непонимающе спросила Стрельникова.

– Ну как же! Это означает, что я в одном шаге от того, чтобы установить связь между ней и Рыбаковым! Она убеждена, что я видела Зяму в доме Олега. А теперь встретила его и у вас.

Как назло, Зяма обладает очень запоминающейся внешностью. Одноглазый! Его не перепутать ни с какой другой собакой.

Ход Лериной мысли очень прост. Рано или поздно я вспомню, что пес, обитающий у вас – в действительности пес убитого Олега Рыбакова. Конечно же, меня заинтересует, каким образом животное оказалось в вашем доме. Все! Цепочка замкнулась, и замкнулась на Лере Белой. Кстати, ее отец при первой же встрече рассказал о том, что его дочь подобрала бедное больное животное, а вы согласились приютить его. Мне даже не потребовалось бы задавать вопросов.

Стрельникова слушала, не перебивая. Но когда Света сделала паузу, чтобы отпить кофе, спросила, наморщив лоб:

– Не могло ли получиться так, что Зяма действительно оказался у Леры случайно? Скажем, убежал после смерти Олега, а она подобрала его на улице. Разве Лера не в состоянии была придумать похожую историю в свое оправдание?

– В состоянии, – кивнула Света. – Но, во-первых, вероятность такого совпадения ничтожно мала. Во-вторых, Лера неуязвима лишь до тех пор, пока ее никто не подозревает. Это очень важно! Никто и подумать не должен, что она может быть связана с Олегом. Начнут опрашивать людей, и кто знает, не всплывет ли тогда информация об их отношениях.

И еще – отпечатки. Она вспоминает, что забыла у Рыбакова перчатки. Ее терзает страх, что она не все протерла. У Олега десятки вещей, она могла забыть, что хваталась за какую-то из них.

Ее единственное спасение – не попасть в круг подозреваемых. И она не попадет, если только я не вспомню о том, что ваша собака – это в действительности собака Рыбакова. Один шаг. Совсем небольшой.

Теперь вы понимаете, чем я была для нее опасна?

Стрельникова посмотрела на спящего пса долгим взглядом и поежилась.

– Понимаю. Но вы ведь не вспомнили, правда? Все ваши – то есть на самом деле Лерины – построения остались фантазией?

Света невесело рассмеялась. Актриса перевела недоуменный взгляд на Дрозда, и увидела, что он тоже хмуро улыбается.

– Почему вы смеетесь?

– Видите ли, Анна Васильевна... Дело в том, что я не видела собаку. Лера ошиблась.

– Как?!

– Пес не заходил в дом. Все, что я видела – это миски. Их было четыре штуки, потому что Зяма разбрасывает еду, если насыпать ее в одну плошку. Зато из нескольких он ест аккуратно. Вы уже успели в этом убедиться.

Все посмотрели на кухню. Там на сияющем кафельном полу были в

шахматном порядке расставлены пять разноцветных собачьих мисок.

– Портят мне интерьер, – вздохнула Стрельникова.

– А в рыбаковский интерьер они прекрасно вписывались. Я не задалась вопросом, зачем владелец одной собаки ставит для нее четыре тарелки, лишь машинально отметила эту деталь (Про то, что у Рыбакова живет одна собака, мне сказал случайно встреченный в лесу местный старикан). А потом вспомнила. Когда вы пожаловались на Циклопа, то есть на Зяму. До этого мы ведь и не думали подозревать Леру всерьез. Убийца пытался сбить меня, следовательно, искать нужно было среди машиновладельцев. А Лерина соседка убедила нас, что девушка не водит.

– Как не водит? – ахнула Анна. – Да она ж почти Шумахер!

– Теперь-то мы это знаем. После того как приперли к стенке хозяйку Шампиньона.

– Какого еще Шампиньона?

– Так зовут собаку. Лера оказалась невероятно предусмотрительна! Она предположила, что мы станем расспрашивать ее соседей о машине. И попросила их в этом случае соврать, что машины у нее нет.

– Неужели она подключила всех соседей?

– В том-то и дело, что нет. Лишь собачников. Если вы захотите разузнать кое-что об одном из жителей, к кому вы скорее всего подойдете на улице? К тому, кто выгуливает во дворе собаку. Ведь это наверняка местный.

– Что ж, разумно... И все согласились врать?

– Лера объяснила, что пытается таким образом защититься от навязчивых поклонников, которые могут нацарапать слова любви к кумиру на капоте его автомобиля, – пояснил Дрозд.

– И мы с тобой купились на уверения милой женщины с собакой, – огорченно сказала Света. – Даже не сочли нужным перепроверить, есть ли у Леры автомобиль.

– Не было времени перепроверять! – развел руками Дрозд. – Я только и делал, что спасал тебя от покушений. У этой певички, отдадим ей должное, реакция как у боксера в легком весе. Не успел отклониться – отдыхаешь со сломанной челюстью. Стоило ей услышать от отца, что ты побывала в гостях у Анны Васильевны, как она проследила за тобой и попробовала раскатать тебя в армянский лаваш. Не вышло! Тогда она попыталась применить дырокол. Не пропадать же зря полезной вещи.

– Какой дырокол? – обалдело спросила Стрельникова.

– Да парабеллум рыбаковский. Не повезло – промахнулась.

– Но она в самом деле очень упорная, – сказала Света. – Когда мы

приезжали к ней второй раз, она чуть не выкинула меня из окна.

Актриса ахнула.

– По крайней мере, точно имела такое намерение. Мне нужно было доверять собственной интуиции. Интуиция подсказывала, что рядом с Лерой мне страшно.

– Что же ее удержало?

– Я сказала, что внизу ждет машина моего друга, и она испугалась. Вдруг он наблюдает снизу за ее окнами! Тогда Лера, объясняющая полиции, что я случайно выпала, перегнувшись через подоконник, выглядела бы очень бледно.

Но в итоге я решила, что мне показалось. К тому же она сдала нам старика Якобсона. Это было в ее интересах: ворох лежалых сплетен ничем ей не грозил, зато он подтвердил подозрения в ваш адрес.

Мы все время ходили рядом с ней! На станции одна женщина опознала молодую актрису из вашего театра. Рассказывала, что та приезжала сюда пару лет назад. Я ей не поверила, а напрасно.

– Почему? Разве на фотографии была Лера?

– Нет, другая девушка. Но ее снимали в костюме цыганки. А на кого неуловимо похожа Лера? На цыганку! Уж я-то могла бы догадаться, раз мне хотелось снимать ее рядом с кибитками и конями. Та женщина в маршрутке уловила самое главное в ее облике, а я не захотела к ней прислушаться. Если бы соображала лучше, Тихон не лежал бы с переломанными лапами.

– Тихон?

Дрозд ответил:

– На третий раз Лера окончательно озверела, устроила засаду у Светы в квартире и расправилась с ее котом. Впрочем, на этого-то кота мы ее в итоге и взяли.

– Не на этого, а на другого, – поправила Света. – Но очень похожего. Для людей, которые не любят кошек, два полосатых котенка выглядят одинаково. Они их в жизни не отличат.

– Где вы его раздобыли?

– Знакомая одолжила, – сказал Дрозд. – Уверяла, что смирнейшее животное.

– Как же, смирнейшее! Он, зараза, мне все руки исцарапал, так вырывался. Но получилось отлично. Можно было подумать, что кот хочет броситься и страшно отомстить. Лера так и расценила его фырчание и рычание.

– А потому что не нужно демонизировать котиков! – нравоучительно сказал Дрозд. – Начитаются, понимаешь, Эдгара По! Если кота замуровать,

а потом откопать, он ускачет в светлую даль быстрее, чем успеешь свистнуть.

– Но ваш кот так ужасно мяукал! – воскликнула Стрельникова.

Света посмотрела на царапины и страдальчески поморщилась:

– Разумеется, мяукал. Ему до смерти надоело сидеть у меня на руках. А Лера испугалась, что он бросится на нее. Смешно! Он сам всех боялся. Если бы я его выпустила, он бы удрал под кресла. Надо сказать, хоть котик и отступил от роли, импровизация удалась. А все остальное вы знаете.

– Не все. Кому принадлежала идея с фальшивой сигаретой?

– Лере, кому же еще. Она хотела поиздеваться над вами. Для нее манекен не имел сходства с Рыбаковым. Ведь она точно знала, что убитый Олег лежал не в таком положении, и не на кровати. Она договорилась с осветителем и рабочим – одним из тех, что носил туда-сюда декорации. Сунуть из-за шкафа в рот кукле сигарету – дело трех секунд. Тем более рабочему, который ориентируется на сцене даже в темноте.

Анна Васильевна помолчала.

– Что ж, – задумчиво проговорила она, – в конце концов, ей отплатили той же монетой.

Актриса выпрямилась и оглядела Дрозда и Свету. Дрозд тотчас вскочил, и Стрельниковой пришлось задирать голову. Но даже из такого положения она ухитрилась посмотреть на него свысока.

– Должна признаться, я приятно удивлена. Когда вчера вечером вы появились здесь со своим сумбурным рассказом и просьбами о помощи, я была уверена, что вы не в себе. Когда вы объяснили, чего хотите, я лишь укрепилась во мнении. Ваш план в целом был нелеп. Но теперь, когда все закончилось, я признаю его достоинства.

– Еще бы, раз он удался! – храбро сказала Света.

Анна Васильевна одарила ее взглядом, полным сожаления.

– Дорогая моя, при чем здесь результат? Поверьте, это не имеет значения.

– Но... Тогда что же? – растерялась Света.

– Драматургия, милая моя! Драматургия была на высоте.

*Полгода спустя*

– Мяу!

– Миу!

– Мня!

Света высунулась в комнату и крикнула:

– Леш, угомони этот хор отверженных! Они мне готовить не дают!

– Угу, – отозвался Дрозд, не двинувшись с места.  
– Не «угу», а заberi.  
– Коты не терпят насилия, – возразил он.  
– А я не терплю, когда у меня под ногами вьются эти три мохнатых рожи. Займи их чем-нибудь на пять минут.  
– А что через пять минут?  
– Ужин. У меня котлеты уже готовы, осталось гарнир подогреть.  
– Котлеты – это аргумент, – согласился Дрозд. – Бронислав! Никодим!  
Кис-кис-кис!

Некоторое время в кухне царила тишина.  
– Свет, что они делают?  
– Удивленно переглядываются, – известила Света. – На их лицах написано сомнение в твоём душевном здоровье. Ты правда думал, что они сейчас разбегутся и помчатся к тебе?  
– Надеялся.  
– И кто из нас после этого не разбирается в кошках? Ай!

Послышался звон, а следом сдержанные ругательства. По совокупности этих звуков внимательный слушатель заключил бы, что один из хвостатых наблюдателей, встав на задние лапы, сшиб со стола на пол лопатку для переворачивания котлет.

И был бы прав.

Минуту спустя из кухни появилась раскрасневшаяся Света. Она тащила толстого Никодима, которого, как мог судить Дрозд по его недовольному выражению морды, только что хлопнули этой лопаткой по лбу.

– Как ты с ним обращаешься! – укорил Лешка, принимая оскорбленное животное. – Иди ко мне, мой пушистик! Иди ко мне, мой чемодан с блохами!

– Типун тебе на язык. Никаких блох! И сиди здесь, сейчас второго принесу.

Вскоре надутого Бронислава тоже выгрузили на тахту.

– Попробуй только их выпустить, – пригрозила Света. – Порезу на полоски и пуцу на коврик.

– Из них выйдет никудышный коврик.

– При чем здесь они? Я тебя пуцу.

Она вытерла руки об фартук и мечтательно сказала:

– Я на гарнир сделала...

Ба-бах!

Что Света сделала на гарнир, осталось неизвестным. Грохот,

раздавшийся из кухни, заглушил ее слова.

Обоих котов как ветром сдуло. Света поднялась, меняясь в лице, и двинулась к кухне.

– Графиня изменившимся лицом бежит пруду, – прокомментировал Дрозд. – Беги, дядь Мить!

Последний совет относился к Тихону, который с вороватым видом выглянул из кухни. В зубах его билась свежепойманная котлета.

Света проскочила мимо кота. Через секунду из кухни донесся ее вопль, в котором слились праведный гнев и плач по безвременно погибшему ужину.

– А ну иди сюда, скотина!

– Берегите пенсне, Киса, – посоветовал Дрозд. – Сейчас начнется.

Тихон посмотрел на него. Подмигнул правым глазом. И, напустив на себя чрезвычайно занятый вид, скрылся в прихожей за холодильником.

Двадцать минут спустя Дрозд вез Свету в кафе.

– Час кулинарных стараний коту под хвост! – горевала она.

– Трем котам.

– Тем более. В кои-то веки у меня получились приличное блюдо. И что?

Дрозд хотел ответить, но не успел.

– Постой! – попросила она. – Смотри!

Машина притормозила у тротуара. Света прижалась носом к стеклу.

Маленький сквер, возле которого они остановились, сиял гирляндами. И гладкий снег сиял под ними, вспыхивая зелеными, синими, красными огоньками.

Ели, выстроившиеся вдоль ограды, взяли друг друга за пушистые нижние лапы. словно приготовились к хороводу и только ждали сигнала.

«Сказочная картинка», – подумал Дрозд. Казалось, можно взять сквер, как стеклянный шарик с заключенными в него елями, гирляндами и фонарями, потрясти – и вихрем взметнутся белые снежинки. А после будут долго, плавно оседать вниз.

По дорожке среди деревьев неторопливо брели мужчина и женщина. Мужчина был ниже спутницы на голову, но это не мешало ему бережно придерживать ее под локоть. Женщина сжимала в руке поводок.

– Я думала, она его отдала, – прошептала Света. – Она говорила, что хочет отправить его в приют.

Одноглазый пес шел медленно, прихрамывая. Через каждые десять шагов он останавливался и вопросительно смотрел на хозяйку. Та что-то говорила, и он, успокоенный, ковылял дальше.

– Включи радио, – попросила Света, не отрывая от них взгляда.  
Дрозд нажал на кнопку.

В динамиках зазвучала гитара, и его собственный голос заполнил пространство вокруг них:

– Когда мы оставим февраль за спиной,  
И в лето вернемся, как будто домой,  
Тогда мы споем, что хотим...

Света резко обернулась к нему. Секунду они ошеломленно смотрели друга на друга – а затем хором рассмеялись.

– Про ветер, что в алых гудит парусах,  
Про синих котов в голубых небесах.  
И в небо за ними взлетим.

---

---

<b>notes</b>
--------------

## **Примечания**

**1**

Автор стихотворения Алла Шарапова.

Стихотворение Даны Сидерос.